

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МОСКВА
1991

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Подписано в печать 07.05.91 Формат 60 x 84/16

II, 9 печ.л. II, 4 уч.=изд.л. Тираж 300 экз.

Заказ № 58

Цена - I р. 80 к.

Участок оперативной полиграфии Института истории
СССР АН СССР. II7036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(Вопросы национальной историографии)

Ответственный редактор
доктор исторических наук

В.Б.Марьина

МОСКВА
1991

Редакция:

д.и.н. В.В.Марфина (отв. ред.)

к.и.н. Е.Л.Валова

Рецензенты:

д.и.н. Н.П.Комолова

д.я.н. И.И.Поп

ISSN 5-201-00710-4

Институт славяноведения
и балканистики АН СССР,
1991

Вступление

Антифашистское движение Сопротивления настолько значимое явление в истории второй мировой войны, что не могло не привлечь к себе внимание исследователей сразу же после ее окончания и вот уже почти полвека является предметом пристального изучения и научных споров. Внесшее свой, хотя и не решающий, вклад в победу над фашизмом, классическими образчиками которого в Европе являлись режимы Гитлера и Муссолини, движение Сопротивления стало наглядным примером возможности единения самих различных социальных и политических сил в стремлении покончить с фашистской угрозой, нависшей тогда над миром и человечеством.

Инициатива в изучении антифашистского Сопротивления как явления исходила от самих его участников, и уже на завершающем этапе войны или в первые годы после ее окончания в ряде стран Западной Европы на государственных либо общественных началах возникли научные центры, ставившие своей задачей сбор материала и его аналитическое осмысление в целях создания наиболее адекватной истории Сопротивления сначала в отдельных странах, а затем и в Европе. К их числу относились, например, Комитет истории второй мировой войны во Франции /1944/, Национальный институт истории освободительного движения в Италии, Тосканский институт истории Сопротивления и т.д. За почти полвека, прошедшее после окончания войны, состоялось множество международных форумов, на которых в том или ином ракурсе рассматривалась история движения Сопротивления.

В международных встречах участников и историков Сопротивления в 60-е гг. стали принимать участие советские ученые и ученые стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Для этих встреч был характерен свободный обмен мнениями, подчас далеко не совпадавшими и даже конфронтационными: в условиях разделения мира на противостоящие системы история Сопротивления была сильно поляризована и адео-

логизирована. Но все же общий дух и атмосфера этих встреч свидетельствовали о стремлении к объективности ее осуждению. Совместное обсуждение научных проблем безусловно содействовало, даже иногда вопреки воле их участников, сближению позиций по многим кардинальным вопросам, помогало взглянуть на них под иным углом зрения, снять или по меньшей мере ослабить идеологическую заморенность /это относится как к советским историкам и их идейным коллегам из других стран, так и к западным ученым/ в их освещении, а также обратиться к вопросам методологии. Именно тогда историки "советской школы", считавшие себя истинными марксистами, стали постигать, что историческая наука на Западе ни политически, ни идеологически не является единым целым, которое можно просто отбросить и заклеймить как нечто реакционное, что невозможно не учитывать результатов многих исследований и выводов, сделанных западными коллегами. "Нельзя бросать всю западную науку в один антикоммунистический мешок" - писал в 1963 г. один из ведущих историков чешского Сопротивления Ян Кржеж¹.

Значительный вклад в развитие сотрудничества советских историков Сопротивления с их западными коллегами внес проф. Е.А.Болтин², руководивший в 60-е годы сектором истории Великой Отечественной войны в ИМЛ при ЦК КПСС и отвечавший за подготовку ее 6-томной истории³. В связи с этим он занимался и проблемами европейского движения Сопротивления, представляя советских историков на многих международных встречах. Стремление к сотрудничеству развивалось в русле общей политики Советского Союза, предпринявшего после разрешения Карибского кризиса определенные шаги в деле ослабления международной напряженности и сближения с Западом. В декабре 1963 г. французский историк Г.Мишель, руководитель специального института при правительстве Франции по изучению движения Сопротивления, опубликовал в газете "Ле Монд" статью "Возможно ли сотрудничество между историками Востока и Запада?", где отмечалась желательность такого сотрудничества, но

вместе с тем выражались и сомнения в его осуществимости. Последовавшая за этим статья Е.А.Болтина, опубликованная в феврале 1964 г. в газете "Франс нувель", давала однозначный ответ на этот вопрос уже в своем заголовке: "Да, сотрудничество полезно и возможно"⁴.

Конечно, говоря о 60-х годах, неправильно было бы переоценивать интеграционные тенденции в исторической науке "запада" и "востока". Эти тенденции только-только обозначались и давали свои первые плоды. В то же время нельзя не видеть, что по-прежнему велико было влияние политических факторов и идеологических установок в области истории, особенно характерное для советских исследований.

Во время международных встреч в 60-е годы /Милан - 1961 г., Варшава и Оксфорд - 1962 г., Карловы Вары - 1963 г., Вена, Москва - 1965 г./⁵ была поставлена масса проблем, касающихся истории Сопротивления. Перечислим лишь некоторые из них: суть и формы Сопротивления; его периодизация и связь с событиями на фронтах второй мировой войны; Сопротивление и предвоенная антифашистская борьба: преемственность и отличия; цели и методы оккупационной политики, ее характерные черты и особенности в различных странах; отношение союзников по антигитлеровской коалиции к Сопротивлению; взаимосвязь его национальных и социальных аспектов и их иерархия; участие отдельных социальных и политических сил в Сопротивлении; политика коммунистов и позиции Коминтерна; цена Сопротивления /человеческие потери, морально-нравственные приобретения и жертвы/; Сопротивление и коллаборационизм, особенности последнего и эволюция в отдельных странах; роль национально-психологического фактора, менталитета, массового сознания, культурных традиций; национальное и общее в европейском Сопротивлении; возможности сравнительно-исторического изучения проблемы и отдельных ее аспектов и др.

Советские историки также вели тогда дискуссии по некоторым вопросам изучения движения Сопротивления, и в

частности, обсуждались вопросы его периодизации и форм⁶. Однако многие из поставленных на международных встречах 60-х лет проблем и по сей день еще плохо разработаны.

История Сопротивления не выпадала из поля зрения ученых и позже, но новая волна интереса и внимания к ней отмечена в начале 80-х годов. Свидетельством этого являются, в частности, проведение международной конференции "Сравнительная история европейского движения Сопротивления" /Амстердам, 1983/, обсуждение этой проблемы в ходе подготовки к XVI Международному конгрессу исторических наук /Братислава, 1984/ и на его заседаниях в Естугарте /1985 г./⁷, включение этой темы /новые источники/ в программу XVII конгресса исторических наук в Мадриде /1990 г./. Что касается советских историков, то тут следует отметить организацию "круглых столов" "Движение Сопротивления в странах Европы" и "Движение Сопротивления в странах Восточной Европы" журналом "Новая и новейшая история" /1985, № 3; 1990, № 6/, разработку этой темы на материале стран Западной Европы в Институте всеобщей истории АН СССР⁸ и на материале стран Центральной и Восточной Европы в Институте славяноведения и балканистики АН СССР⁹.

В рамках научного совета "История революций и социальных движений", руководимого академиком Г. И. Севастьяновым, создана секция по истории движения Сопротивления. Она ставит своей задачей установление контактов с крупными зарубежными центрами по изучению Сопротивления с целью объединения усилий в разработке проблемы.

Чем сегодня интересна и важна история Сопротивления? Прежде всего тем, что именно в период борьбы против нацизма и его сателлитных режимов стала особенно ясна значимость общенациональных, общедемократических, общечеловеческих ценностей, то есть именно тех принципов общественной жизни, которые становятся приоритетными в наше время. К истории второй мировой войны и движения Сопротивления как ее составной части ученые обращаются

сегодня и потому, что тогда для достижения общих целей сплотились далеко неоднородные социально-политические силы, зачастую находившиеся на разных мировоззренческих позициях, но сумевшие наладить взаимодействие во имя решения главной в ту пору задачи — победы над нацизмом.

Исследование прошлого никогда не бывает отгорожено от сегодняшнего дня, от его проблем. Не только предшествующее помогает понять настоящее, но и наоборот. Поэтому, признавая бесспорные заслуги обширнейшей историографии движения Сопротивления, необходимо видеть и ее недостатки, ограниченность, а то и просто ошибки.

Вместе с тем приращение нового знания невозможно без опоры на сделанное ранее. Континуитет в науке, как и в жизни, является залогом прогресса. Поэтому очень важно обратиться сегодня к историографии движения Сопротивления и посмотреть, что и как уже сделано, а что еще предстоит сделать.

Существенной корректировке подвергаются сейчас многие оценки, касающиеся истории второй мировой войны. В новых подходах, новом видении с полувековой дистанции и с точки зрения сегодняшнего дня нуждается и история движения Сопротивления, к исследованию которого надо подходить, всесторонне оценивая это движение, видя все его проблемы, достижения, противоречия, трудности, ошибки и т.д.

Главное здесь, как представляется, снять балет идеологизации и наведенного "глянца", уйти от сложившихся схем и стереотипов, от априорных и канонизированных постулатов, как результаты ослепления мнимым всемогуществом классового подхода и его безграничных возможностей в оценке сложных общественных явлений, к которым относится и движение Сопротивление.

Многие вещи здесь были настолько привычны и традиционны, что о них не задумывалось, принимая как должное, само собой разумеющееся и нередко возводя в ранг аксиом. Исследователи, зачастую сами этого не подозревая,

содействовали утверждению в историографии Сопротивления "культу ясности", явления, не менее опасного чем "культ личности", и приводящего к черно-белому изображению действительности. К числу таких уже ставших базисными постулатов относились, например, утверждения о руководящей роли рабочего класса /даже в тех странах, где он фактически отсутствовал или был очень слаб/ и его авангарда - коммунистических партий /причем на всех этапах Сопротивления/, о коммунистах, как инициаторах и наиболее активных борцах за создание национальных антифашистских фронтов, о массовости Сопротивления, о вооруженной борьбе как высшей и всегда предпочтительной его форме, о наличии двух политических лагерей в освободительном движении: пролетарского /революционного/ и буржуазного /контрреволюционного/ и т.д.

Конечно, нельзя говорить, что все это должно пересмотреть, сменив в оценках плюс на минус, но надо постараться разобраться во всем более глубоко, не ставя "идеологию выше фактологии", поскольку при решении научных вопросов такой подход чреват серьезными ошибками.

Что касается подхода советских авторов к проблематике движения Сопротивления, то здесь есть еще одна опасность: освещая эту тему, мы зачастую продолжаем писать о самих себе, т.е. смотрим на вещи "со своей колокольни", исходим из условий нашей страны, наших проблем, наших форм борьбы с оккупантами, отношения нашего народа к гитлеровским захватчикам и т.д., чего конечно, надо остерегаться.

Изученность истории движения Сопротивления, базирующаяся на весьма солидных результатах почти полувековой работы как в Советском Союзе, так и за рубежом, при внимательном их рассмотрении представляется лишь относительной. К этому выводу пришли и серьезные зарубежные исследователи проблемы. В частности, об этом говорил на Египетском конгрессе проф. Ф.Бедарида, отмечая, что в истории движения Сопротивления осталось еще много "белых

пятен". Это касается не только знания самих фактов, но также и его концепций. "С одной стороны – прославление, с другой – затушевывание, а между ними – многочисленные прикрасы, носящие более или менее корыстный характер, множество удобных и в то же время неправильных толкований", – считает французский ученый, и в этом с ним, видимо, нельзя не согласиться. Прав он также и в том, что казалось бы изученная проблема по истечении какого-то времени требует возврата к себе, и не только по тому, что появляются новые источники и документы, проливающие свет на те или иные события и меняющие наши представления о них, но и потому, что сама историческая наука находится в постоянном движении, что в науке – истории нет ничего "окончательного", "вечного", что она меняется вместе со своим временем, отражает требования сегодняшнего дня. Связано это, думается с тем, что каждое поколение видит или хочет видеть всякое крупное историческое явление или событие своими глазами, имеет или хочет иметь о нем свое представление. В самом деле очевидно, что взгляды, например, участников движения Сопротивления на многие факты, их оценки зачастую расходятся с тем, как это виделось историкам, скажем, в 50-е или 60-е годы. Точно также оценки, взгляды сегодняшних исследователей могут не совпадать с выводами и характеристиками, данными в предшествующие годы. В этом нет ничего удивительного. Историографию надо видеть в развитии: представления меняются не только от поколения к поколению, но с годами эволюционируют и по крайней мере уточняются и позиции отдельных исследователей.

Допустимым на наш взгляд, является и существование разных точек зрения /или их вариантов/ по одному и тому же вопросу между историками одного поколения и одинаковых мировоззренческих позиций. Стремление к их /точек зрения/ унификации нецелесообразно, поскольку препятствует многоплановому видению того или иного явления, события, факта. Так, среди исследователей Сопротивления

не существует совпадения мнения по ряду вопросов его истории. В частности, это касается самого понятия "движение Сопротивления", его периодизации, отнесения тех или иных его форм к числу активных или пассивных, оценки роли отдельных социальных и политических сил в Сопротивлении и т.д.

Для советской историографии движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы характерна чрезвычайная неравномерность, "пятнистость" изучения проблемы. Так, страноведческие монографии по теме созданы лишь на материалах Чехословакии, Югославии и Албании. Это - книги А.И. Недорезова, Г.М. Славина, отчасти Н.Д. Смирновой¹⁰. Все они вышли в начале 60-х годов. По Греции, Венгрии, Югославии и Болгарии изданы переведенные на русский язык работы¹¹. Что касается Польши и Румынии, то советских или переведенных монографий, посвященных в целом движению Сопротивления /а не отдельным аспектам темы/ нет. В общих чертах /политическое, моральное, военное значение, этапы, направления развития, итоги/ движение Сопротивления в странах региона рассматривается в ряде обобщающих трудов по истории второй мировой и Великой Отечественной войн¹².

В советской литературе изучались отдельные аспекты проблемы движения Сопротивления, в частности, его интернациональный характер. При этом большое внимание уделялось вопросу о влиянии побед Советской Армии на подъем антифашистской борьбы и освободительной миссии советских вооруженных сил¹³. Содержащие большой фактический материал эти работы, как правило, не дают всесторонней оценки факта пребывания Советской Армии на территории освобожденной страны с точки зрения влияния на ее последующее развитие.

Международная солидарность трудящихся в антифашистском движении Сопротивления раскрывается как на материалах одной страны /например, интернациональный характер партизанского движения в отдельных странах, участие ино-

что, естественно, было необходимым этапом, ибо без знания конкретной истории движения Сопротивления в отдельных странах, особенностей его развития нельзя идти к широким обобщениям международного масштаба. Но уже в начале 60-х годов были сделаны попытки более широкого показа движения Сопротивления на материале группы стран¹⁶ или в масштабах всей Европы¹⁷. Эти работы, созданные по образцу сборников страноведческих статей, по существу являлись собой простейший тип сравнительно-исторического исследования, где скрепляюще-цементирующую роль играли вводные статьи, содержащие элементы сопоставительного анализа.

Попыткой обобщающего многопланового исследования проблемы является книга М.И.Семиряги "Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета" /М., 1985/, опирающаяся на ранее изданные работы автора, труды советских ученых по указанной проблематике и в меньшей степени - на соответствующую национальную историографию.

В четырех главах монографии автором рассматриваются такие вопросы, как агрессия и расчленение оккупированных стран, оккупационный режим и его реакционная сущность, антифашистская освободительная борьба народов рассматриваемых стран, освободительная миссия Советского Союза. В книге имеются интересные разделы /в частности, таким представляется параграф "Структура оккупационных органов"/, но немало и недостатков, объясняющихся, как думается, шаблонностью подходов к разработке темы, свойственной времени ее подготовки.

В центр внимания авторского коллектива выполняемой в Институте славяноведения и балканистики АН СССР коллективной монографии по истории движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, выдвигается актуальная и острая с точки зрения ведущейся вокруг нее полемики проблема: роль и место различных социальных и политических сил в движении Сопротивления, эволюция их

программ. Этот аспект и получил еще должного всестороннего рассмотрения в исторической литературе. До сих пор большинство советских исследователей концентрировало свое внимание преимущественно на руководящей роли рабочего класса и коммунистов в антифашистской освободительной борьбе, а позиции остальных социальных и политических сил оставались зачастую вне сферы пристального внимания, затрагивались походя, освещались не на основе тщательного анализа исторической действительности, а исходя из готовых схем и представлений. Задачей работы должно стать всестороннее изучение сложных, порой весьма противоречивых и меняющихся от этапа к этапу позиций как разнородных союзников по антифашистской борьбе, так, по мере возможностей, и сил, противостоявших антифашизму. Всесторонний сопоставительный анализ этого вопроса пока не проведен ни в советской, ни в зарубежной марксистской историографии, хотя начало его, дуется, было положено во время встречи чехословацких, польских и югославских историков, обсудивших вопрос о формировании антифашистского национального фронта в годы войны¹⁸, а также упомянутой монографией "Народные и национальные фронты...".

Необходимость сравнительно-исторического подхода к изучению движения Сопротивления признается и западными исследователями, "...силой обстоятельств, — считает, в частности, проф. Ф.Бедарида, — большая часть исследований проводилась в национальном масштабе и еще более — с национальной точки зрения. Вот почему только сравнительный подход, осуществляемый самым решительным образом, позволяет избавиться от этих недостатков и расширить проблематику исследований"¹⁹.

Национальная историография Сопротивления^х, и прежде

^х В албанской и югославской историографии термин "движение Сопротивления" вообще не употребляется, а говорится о национально-освободительной борьбе или национально-освободительной войне. В греческой, польской, чехо-

всего в странах, бывших под фашистской оккупацией /именно в этих странах Сопротивление было более активным, хотя и между ними существовали серьезные различия в формах, темпах развития борьбы, ее массовости, социальном составе участников и т.д./, довольно обширна. Исследовать все ее направления и оттенки в коротком обзоре не представляется возможным. Поэтому авторский коллектив поставил перед собой ограниченную задачу, соответствующую целям подготавливаемой монографии: выявив общие тенденции и этапы развития национальных историографий, показать как исследователями соответствующих стран рассматривался вопрос о роли и месте различных социальных и политических сил в Сопротивлении. На освещение всех остальных аспектов темы обращалось внимание лишь постольку, поскольку они необходимы были для раскрытия основного замысла работы.

К сожалению среди немногочисленных советских альбанистов не удалось найти автора, который согласился бы проанализировать албанскую историографию народно-освободительной борьбы. Весьма слабой компенсацией этого "белого пятна" в предлагаемом читателю сборнике могут служить соображения Л.Д.Смирновой о положении дел в албанской исторической литературе, высказанные на "круглом столе" по вопросам Сопротивления²⁰.

Авторский коллектив не ставил перед собой задачу оценивать западную историографию проблемы, хотя такая потребность назрела. Ранее, когда заходила речь об истории движения Сопротивления, отмечалось все, что сделано учеными немарксистских школ за рубежом, как несостоятельное, неприемлемое, неужное, вредное и т.д. А между тем в работах зарубежных западных коллег есть немало интересного и полезного, совпадающего с нашими сегодняшними

словацкой, болгарской, венгерской, румынской историографии термин "движение Сопротивления" сосуществует с другими: национально-освободительная борьба, антифашистская освободительная борьба и т.д., являясь их синонимом.

размышлениями. Обмен идеями в науке, в том числе и в исторической, весьма плодотворен и необходим. Без него наука застывает в ее же сконструированных схемах и догмах.

Не вдаваясь в детали, следует отметить, что западная историография проблемы, как и историография второй мировой войны, весьма неоднородна и имеет много направлений, в каждом из которых имеются свои оттенки. Ясно, что необходим дифференцированный подход к оценке отдельных работ и их авторов, отказ от стереотипов в этом вопросе, сложившихся в предшествующие десятилетия.

Серьезный анализ западной историографии проблемы Сопротивления еще впереди, так же как действительно вдумчивый разбор и оценка /а не идеологизированный подход/ работ западных исследователей по истории второй мировой войны²¹. Пока же об их взглядах можно составить некоторое представление на основе упомянутого доклада Ф.Бедарида, как бы аккумулировавшего эти представления и попытавшегося разобраться в них. Так, из доклада ясно, что не существует единства мнений относительно самого понятия "движение Сопротивления". Сам Ф.Бедарида полагает, что "это подпольные действия, совершаемые во имя свободы нации и достоинства человеческой личности"^х добровольцами, которые организуются для борьбы против подчинения их страны /чаще всего против оккупации/ нацистскому или фашистскому режиму, его сателлиту или союзнику"²².

В западной литературе существуют два несовпадающих мнения относительно массовости Сопротивления: первое — оно было уделом меньшинства, второе — оно имело массовый характер /прежде всего, в странах Восточной Европы/. Ф.Бедарида — сторонник первой точки зрения, но делает исключения для Польши /о Югославии и Албании он ничего

^х Заметим кстати, что в советской литературе всегда говорилось лишь о национальной независимости, государственном суверенитете и никогда о человеческой личности.

не говорит/. Вместе с тем Ф.Бедарида считает, что успех немногочисленных добровольцев участников Сопротивления мог обеспечиваться только широкой помощью и сочувствием со стороны населения²³.

Не отрицая роль коммунистов и рабочего класса в Сопротивлении Ф.Бедарида, опираясь на ранее проведенное исследование этого вопроса²⁴, считает, что "...будучи далеко не классовым явлением, движение Сопротивления во всех странах черпало свои силы в межклассовой основе"²⁵.

Не оставлен западными исследователями без внимания и вопрос о многообразии форм сопротивления и причинах этого. При их раскрытии подчеркивается необходимость многостороннего, комплексного подхода, учитывающего как внутренние факторы, например, особенности национального характера, менталитета, исторических традиций, социальной структуры страны, методы оккупационных властей и т.д., так и внешние условия развития антифашистской борьбы. Представляется, что существующая в советской литературе классификация форм движения как пассивных /равнозначно низших/ и активных /высших/ затрудняет их рассмотрение и оценку с точки зрения целесообразности и результативности той или иной формы в конкретных условиях той или иной страны, а также с точки зрения реальной цены /в виде человеческих жизней, что для малых наций особенно важно/ избрания той или иной формы. На первый план здесь, думается, должен выйти вопрос о целесообразности тех или иных способов борьбы, вопрос о том, какие ее формы могло принять общество /или отдельные его слои/, если оно созрело до понимания необходимости Сопротивления. Комплексный взгляд на этот вопрос, видимо, позволит пролить свет на то, почему, например, в Югославии вооруженные формы борьбы стали приемлемы с самого ее начала, а в чешских землях, несмотря на призывы коммунистов, она разрабатывалась крайне медленно и не приобрела особой широты вплоть до весны 1945 г.

В этой связи встает вопрос: не слишком ли в совет-

ской литературе расплывчата и неопределенна общепринятая классификация форм движения Сопротивления - пассивные и активные? Что носить к первым и что ко вторым? Здесь сколько авторов, столько и мнений. Не точнее ли типология, предложенная Ф.Г. Гаридой? Он выделил три вида антифашистской борьбы: 1) невооруженное Сопротивление, 2) вооруженное Сопротивление, 3) гуманитарные акции в помощь жертвам репрессий²⁶. Расчет третьего вида, очевидно, можно соглашаться или не соглашаться, но что касается первых двух, то они представляются более четко очерченными и определенными, чем принятые в советской литературе.

Нельзя, безусловно, так упрощенно-нигилистически, как это делалось ранее в советской историографии, подходить к оценке влияния присутствия советских войск в той или иной освобождаемой стране на установление там режимов, получивших в литературе название народно-демократических. Можно спорить о степени этого влияния, о его формах и путях, но полностью отрицать бессмысленно. Ф. Гарида, например, считает, что присутствие освободительных армий /англо-американских на Западе и красной - на Востоке/ оказало решающее влияние /подчеркнуто - В.М./ на природу режимов, установленных в соответствующих странах после войны. Он полагает даже, что "зачастую это влияние было более сильным, чем политические намерения многочисленных участников движения Сопротивления внутри этих стран"²⁷. Это - точка зрения, и она может быть подтверждена или опровергнута конкретными историческими исследованиями, конечно, при условии допуска к соответствующим архивным документам.

Очевидно, что в работах западных авторов существуют и взгляды, с которыми нельзя согласиться, например, отрицающие серьезный вклад коммунистов в развитие движения Сопротивления, но столь же ясно, что необходима не только деидеологизация исследования этого феномена второй мировой войны, но и его демифологизация, объективная оценка сконструированных легенд и схематических версий.

Революционные события, происшедшие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989 г., не останутся без последствий и в освещении истории Сопротивления в этом районе Европы. Признаки этого уже появились, прежде всего в публицистике. Очевидно развитие наметившейся тенденции. Авторы сборника, насколько это возможно в условиях затрудненности контактов с коллегами в изучаемых странах, попытались обратить внимание на те вопросы, которые уже сейчас начали там подниматься.

Оценки и позиции авторов отдельных статей сборника весьма субъективны и обусловлены многими факторами, и в частности, предшествующими наработками каждого исследователя /здесь прослеживается весьма объяснимая закономерность: чем больше было вложено сил в разработку утвердившейся прежде концепции, тем труднее от нее отступить, тем более неприемлемыми видятся новые взгляды/. Редколлегия сознательно отказалась, как от исключения каких-либо статей из сборника как якобы несвоевременных, так и от причисления авторских мыслей и формулировок. Плюрализм в науке так же, а может быть и более необходим, чем в политике.

На каждую страноведческую статью сборника наложили отпечаток не только субъективное авторское видение проблемы, но и такие факторы как степень развитости самого движения Сопротивления в той или иной стране, вытекающее из этого состояние историографии вопроса, т.е. степень его разработанности и внимания к нему национальных историков, основная направленность его изучения, преследуемые при этом политические и идеологические цели. Все это и придало своеобразие каждой из включенных в сборник статей, повлияло на подход авторов к освещению темы, на способ подачи материала и структуру изложения.

В советской историографии пока не было попыток показать состояние разработки истории движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Авторский коллектив понимает, что данный сборник - лишь пер-

вый шаг в этом направлении и что, как всякое начинание, он далек от совершенства. Поэтому, ни в коей мере не претендуя на окончательность суждений и оценок, авторы видят свою заслугу в постановке вопроса и стремлении привлечь к нему внимание исследователей.

Порядок расположения статей в сборнике /страны оккупированные, где движение Сопротивления было более сильным, и неоккупированные/ не представляется в данном случае уж очень принципиальным и может быть оспорен. Думается, что возможны и другие аргументированные критерии структуры сборника, но, повторяем, это - не суть важно. Авторы будут рады, если книга не пройдет незамеченной и получит соответствующую оценку специалистов и читателей.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- I. Преправку к дѣйству КСР, 1963, № 6
2. Его роль в развитии международного сотрудничества, в частности, высоко оценивалась чешскими историками Сопротивления Я.Кржемом и В.Куралом. См. *Dějiny a současnost*, 1964, № 6, с.13
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6-ти томах. М.1960-1965
4. "Le Monde". 26.XII.1963, "France nouvelle". 12.II.1964 (См. *Dějiny a současnost*, 1964, № 6, с.13)
5. Материалы некоторых конференций были опубликованы. См. например, *European Resistance Movements. 1939-1945. Oxford-London-New-York-Paris. 1964*; *Nacistická okupace Evropy. I-4. Praha, 1966*;
- Вторая мировая война. Книга третья. Движение Сопротивления в Европе. Материалы научной конференции. М., 1966
6. Новая и новейшая история, 1961, № 5; № 6
7. См. докладн. Ф.Бедариди /Франция/ и М.Кропилака /Чехословакия/ по антифашистскому Сопротивлению, а также их общее заключение по теме *Comite International des sciences historiques XVI. Congres International des sciences Historiques Stuttgart du 25 août au 1er septembre 1985. Rapports. I. grands themes, metodologie, sections chronologiques (I). Stuttgart, 1985, p.107-145*
8. Зарубежная историография движения Сопротивления в странах Западной Европы. М.1988; Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939-1945. Общие проблемы. М., 1990
9. Ведется работа над коллективной монографией "Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939-1945".
10. Недорезов А.И. Национально-освободительное движение в Чехословакии. М.1961; Славин Г.М. Освободительная война в Югославии. 1941-1945. М., 1965; Смирнова Н.Д. Образование Народной республики Албании. М., 1960
- II. История национального сопротивления в Греции: 1940-1945 М., 1977; Каллаи Д. Движение за независимость Венгрии. 1936-1945. М.1968; Стругар В. Югославия в огне борьбы. 1941-1945. М., 1965; Народ против фашизма. Исторический очерк о борьбе болгарского народа в период второй мировой вой войны. М., 1986
12. История второй мировой войны. М., 1973-1980 /тт.3-7, 10/; Всемирная история, т.10. М.1965; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т.1-6. М., 1960-1965; Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945 Краткая история. М., 1970; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1974 и др., а также Кирьякидис Г.Д. Греция во второй мировой войне. М., 1967; Пущкаш А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966
13. Семиряга М.И. Вторая мировая война и пролетарский интер национализм. М.1962; Он же. Эхо Сталинградской битвы. Волгоград, 1969; Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. М., 1978; Освободительная миссия Советских Воору-

- женных Сил на Балканах. М.1989
14. См., например, Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии. 1938-1945. М., 1962
 15. См., например, Советские люди в освободительной борьбе югославского народа. 1941-1945. М.1973; Братство по оружию. М., 1975; Клоков В.И. Плечом к плечу /Советские люди в партизанском движении европейских стран/- //Советские партизаны: из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1963, с.736-798; Казак В.Н. Побратимы: советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран /1941-1945/. М., 1975; Недорезов А.И. Советские люди в чехословацком партизанском движении. Прага, 1977 /на чешском языке/.
 16. См., например, Клоков В.И. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей. 1939-1945. Киев, 1961; Семиряга М.И. Антифашистские народные восстания. Очерки. М., 1965
 17. См., например, Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М., 1962
 18. Národní fronta a komunisté. 1938-1945. Praha-Velehrad-Varšava. 1963
 19. Comité international..., p.108
 20. Новая и новейшая история, 1990, № 6
 21. Мерцалов А.Н. О критике буржуазной историографии второй мировой войны. // Вопросы истории, 1987, № 12
 22. Comité international..., p.111
 23. Ibid., p.115
 24. M.R.D.Foot. Resistance: European Resistance to Nazism. 1940-1945. Londres, 1976, ch 2: Who resisted?
 25. Comité international..., p.117
 26. Ibid., p.120
 27. Ibid., p.122

ГРЕЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Антифашистское движение национального Сопротивления – одна из тем новогреческой истории, более других представленная широким кругом литературы как научно-исследовательского, так и мемуарного характера.

В греческой историографии Сопротивления можно выделить несколько этапов. Ее основы начали закладываться в самой Греции еще в период второй мировой войны. Для этого первого этапа было характерно выдвижение основных идеологических и политических постулатов, авторы которых не были профессиональными учеными. Уже тогда выделились два главных направления в освещении истории греческого Сопротивления. Идеологическая основа одного из них – промонархического и резко антикоммунистического, просуществовавшего вплоть до середины 50-х годов, была заложена в публикации Э. Цудероса, премьер-министра эмигрантского правительства короля Георгиоса II, рассчитанной на общественное мнение в США и Великобритании и носившей название "Греческий эпос"¹. В ней автор выделил три основных силы, которые по его мнению являлись решающими в освободительной войне и могли после нее сыграть большую роль в общественно-политической жизни Греции: крестьянство, "труженики городов" и "представители капитала". Признавая, что "городские и сельские труженики доказали в этой войне, что они являются важной национальной силой", премьер-министр выделил как объединяющий элемент всей социальной структуры греческого общества, сражающегося против германо-итало-болгарских захватчиков, греческого монарха². Аналогичная точка зрения была изложена и послом Греции в США К. Димандопулосом в небольшой пропагандистской брошюре "Национальные цели Греции. Их исторические и этнические основания", изданной в Филадельфии в 1944 г.³

Второе направление можно условно назвать "прокоммунистическим" так как принадлежащие к нему авторы излагали официальную точку Коммунистической партии Греции /КПГ/ на историю Сопротивления и являлись, помимо всего прочего, ее руководителями или активными членами. Это направление оказалось более долговечным и существует до сих пор. Его начало восходит к политическому манифесту Национально-освободительного фронта /ЭАМ/, составленному известным в Греции интеллектуалом, близким к коммунистам, а впоследствии одним из активных идеологов КПГ Д.Глиносом. Этот документ, написанный вскоре после образования ЭАМ в конце сентября – начале октября 1941 г. и называвшийся "Что такое ЭАМ и что он хочет?" выдвигал на первый план вопросы единства нации в борьбе за национальное освобождение, не акцентируя те или иные политические и партийные силы⁴. С большей определенностью в отношении противников ЭАМ, находившегося под сильным влиянием коммунистов, высказывался тогдашний член Политбюро ЦК КПГ Я.Зевгос, который уже в феврале 1944 г. на страницах органа КПГ журнала "Коммунистическое обозрение" обосновал тезис о справедливости вооруженной борьбы Народно-освободительной армии Греции /ЭЛАС/ находившейся в подчинении ЭАМ, против другого крыла Сопротивления в лице Греческого демократического национального союза /ЭДЭС/. Он, в частности, писал, что разразившаяся, по сути в октябре 1943 г. – феврале 1944 г. гражданская война на крайних полюсах которой стояли ЭАМ и ЭДЭС, была частью "национально-освободительной войны, которую ведет сражающаяся нация против сил оккупации и клики предателей"⁵. Жесткая линия в "прокоммунистическом" направлении была продолжена им самим, а также другим крупным функционером аппарата ЦК КПГ К.Карагеоргиосом в специально изданных в середине 1945 г. книгах: "Народное Сопротивление декабря и новогреческая проблема"^{6х} и "Вокруг декабря"⁷.

х "Декабром" в греческой историографии принято называть события, произошедшие в этом месяце в 1944 г., ког-

Идеологическая направленность всех вышеназванных работ, как первого, так и второго направлений обусловила резкую двупольность греческой историографии Сопротивления, где, с одной стороны, оказались монархически настроенные антикоммунистические историки и политики, а с другой – левые, близкие к КПГ и официальные историографы компартии. Такое положение сохранялось почти до середины 50-х годов.

Период с окончания второй мировой войны и до середины 50-х гг. был отмечен в истории Греции тяжелыми и трагическими событиями. Гражданская война 1946–1949 гг., закончившаяся поражением КПГ и массовой политической эмиграцией бойцов Демократической армии Греции, находившейся под контролем коммунистов, репрессии в отношении левых политических деятелей и усиление позиций США в стране сказались и на развитии историографии национального Сопротивления, выявив много противоречивых черт.

Среди проблем, определивших водораздел между основными историографическими направлениями как в этот, так и последующие периоды стало освещение роли КПГ в национальном Сопротивлении, состав и силы АМ, отношения между Национально-освободительным фронтом и организациями правого крыла Сопротивления, а также взаимоотношения между организациями Сопротивления и членами антигитлеровской коалиции.

Первые официальные оценки движения Сопротивления в Греции были сделаны со стороны КПГ не в отдельных работах, посвященных истории движения, а на партийных форумах, причем достаточно непоследовательно и противоречиво. На апрельском /5 – 10 апреля/ 1945 г. Пленуме ЦК КПГ, были определены "правые" и "левые" ошибки, допущенные в период Сопротивления компартией и ЭАМом. К первым относилось Ливанское /1944 г./ соглашение, когда ЭАМ/ЭЛАС и КПГ согласились на подчинение ЭЛАС британскому командованию после расстрела 500-тысячной демонстрации в поддержку ЭАМ британские союзники начали боевые действия против ЭЛАС.

дованию на Ближнем Востоке и Казертское соглашение /1944 г./ о согласии войти в королевское правительство. "Ошибки левого характера", в соответствии с высказанной на Пленуме оценкой, заключались в неправильном определении "намерений и роли английского правительства г. Черчилля, в недооценке сил реакции как внутри страны, так и за границей, в переоценке наших возможностей и особенно в отсутствии должной гибкой политики"⁸. Однако уже на очередном Пленуме ЦК КПГ, собравшемся 25 июня 1945 г. подчеркивалось, что внутренние причины поражения ЭАМ/ЭЛАС и КПГ не играли роли. Главным, в этой связи, назывался "выгре-ческий" фактор⁹.

В резолюции У Пленума ЦК КПГ /30 - 31 января 1949 г./ озаглавленной "Правый ревизионистский уклон", деятельность ЭАМ и его армии уже оценивалась как чисто "сопротив-лельческая", что и "не позволило противостоять британской интервенции в декабре 1944 г."¹⁰. На III партийной конфе-ренции /1951 г./ политическая линия и организационная работа КПГ в период гитлеровской оккупации и первой воо-руженной борьбы 1941-1944 гг. оценивалась как "в принци-пе ошибочная"¹¹. Потеря власти ЭАМ объяснялась, в соот-ветствии с выводами конференции субъективными причинами, а член Политбюро ЦК КПГ В.Бардзиготас прямо заявил, что "в период 1940-1944 г. КПГ... имела полностью ошибочную линию"¹². Различие в оценке и подходах к национальному Сопротивлению в Греции, обнаружившееся на Пленумах ЦК КПГ, сыграло свою роль позже в коммунистической историо-графии и экстраполировалось на внутрипартийную борьбу в 60-ых - 70-ых годах.

В отличие от официальной позиции КПГ с ее постоянно колебавшейся "генеральной линией" того периода, консер-вативно-монархическое направление оказалось более послед-овательно в выдвижении и поддержке своих собственных тезисов. В 1945 г. вышла серия книг, написанных полити-ческими деятелями Греции, близкими к монарху и участво-вавшими в королевских правительствах. Среди них работы

Г.Папандреу "Освобождение Греции 1944-1945 гг.", Ф.Цацоса "Декабрь" 1944" и Э.Цудероса "Греческие аномалии на Ближнем Востоке" и "Дипломатические кулисы"¹⁴. Главное место в этих публикациях отводилось объяснению позиции королевского правительства в отношении ЗАМ. Так, характеризуя Диванское соглашение Г.Папандреу заявлял, что оно "открыло нам /королевскому правительству/ ворота Греции... Вместо того, чтобы мы были эмигрантами, а ЗАМ - государством, мы стали государством, а ЗАМ - бунтовщиком"¹⁵. касаясь вопроса о позициях старых политических партий в период Сопротивления, другой автор - один из крупных политических деятелей правого толка Ф.Цацос достаточно откровенно писал, что "эти партии - или, вернее, лидеры старых партий были хорошими фирмами, но не располагали реальной силой"¹⁶. И если повествование в вышеназванных книгах идет в достаточно спокойном, хотя и враждебном в отношении ЗАМ и КПГ духе, то в разгар Гражданской войны в Греции ему на смену приходит иная аргументация, подобная той, которую использовали в отношении своих оппонентов коммунисты, с той лишь разницей, что "наоборот". Наиболее характерной работой в этом ряду является книга одного из военных-монархистов Л.Айдонакеаса, "Свет во тьме оккупации. Национальное Сопротивление 1941-1944 гг."¹⁷, опубликованная в Афинах в 1947 г. Освещая деятельность лидеров старых партий, прежде всего правого толка, автор противопоставляет им Национально-освободительный фронт характеризует ЗАМ и КПГ как "врагов греческой Родины, врагов народа, врагов объединенных классов и христианской веры", "принарядившихся в мантию партизан" и "ведших под маской национальной борьбы войну с целью захвата власти после ухода оккупантов"¹⁸. Крайняя идеологизация, а точнее политизация характеризует работы греческих авторов того периода о национальном Сопротивлении.

Более сбалансированным в политическом отношении и научным по форме являлось одно из самых первых исследований, предпринятых профессиональным историком С.А. гре-

ческого происхождения Л.Ставрианосом/, его работы выходили и в Греции/, опубликовавшим в 1950 г. специальную статью под названием "Мятеж в греческих вооруженных силах в апреле 1944 г."¹⁹ Эта работа была посвящена малоисследованному эпизоду - восстанию в греческой королевской армии, находившейся на Ближнем Востоке. Отмечая значение "бунта" Л.Ставрианос делает вывод, что проявление недовольства в вооруженных силах "привело к реорганизации кабинета /имеется в виду эмигрантское правительство - Ар. У./ в пользу республиканцев"²⁰. Интересно отметить, что как действия ЭАМ, так и КПГ американский историк оценивает весьма положительно и более того - с определенной симпатией, что проявилось особенно отчетливо в его другой статье: "Греческий национально-освободительный фронт /ЭАМ/: исследование по организации и администрации Сопротивления"²¹. Автор, в частности, отмечал широкий размах деятельности компартии и ее усилия по созданию администрации самоуправления в освобожденных районах. В то же время он писал, что "иерархическая форма ЭАМовской организации в дальнейшем усилила влияние коммунистов"²². Характеристика Л.Ставрианосом соотношения между влиянием компартии и активностью народа выразилась в предположении исследователя о том, что КПГ ставила не только цель освобождения страны от оккупантов, но и установление режима своей власти²³.

К середине 50-х годов в греческой историографии национального Сопротивления выявилось две главные черты: во-первых, расширение направлений и постепенное исчезновение существовавшей двуполосности, появление симптомов некоторого "либерализма" в оценке событий периода второй мировой войны и, во-вторых, становление профессионального подхода к изучению греческого Сопротивления. Юный этап в развитии историографии, охвативший десятилетний период - с середины 50 - и до установления в Греции в апреле 1967 г. диктатуры "черных полковников", стал в определенном смысле началом "золотого века" в исследо-

вании проблем греческого Сопротивления, несмотря на то, что на саму тематику внутри Греции различные правые силы пытались наложить табу. Игнорировались заслуги участников Сопротивления, прежде всего из числа членов ЭАМ/ЭЛАС, так как принятый еще в разгар Гражданской войны закон объявлял ЭАМ антинациональной подрывной организацией со всеми вытекавшими отсюда последствиями. В то же время деятельность организаций Сопротивления типа ЭДЭС и Национально-социальной защиты /ЭККА/ узаконивалась наряду со службой в королевских вооруженных силах на Ближнем Востоке. Более того, реабилитированы были лица, служившие в "охранных батальонах" у оккупантов, члены националистических правых организаций "Х" и "РАН", боровшихся в большей мере против ЭАМ/ЭЛАС, нежели против иностранных оккупантов.

Резкий "всплеск" в греческой историографии национального Сопротивления был отмечен в 1958 г., когда были опубликованы сразу три книги, авторы которых в период Сопротивления находились в противоборствовавших организациях. Они были Ст.Сарафис, генерал, командующий ЭЛАС; К.Пиромасу - идеолог ЭДЭС и ближайший сподвижник командира этой организации Н.Зерваса и Ст.Гонатас - генерал, убежденный монархист, нередко сотрудничавший с германскими оккупантами. Книга Сарафиса "ЭЛАС"^{24х} стала первой полной историей Народно-освободительной армии Греции. В ней, в достаточно спокойном /столь нехарактерном для прокоммунистического направления/ тоне дается фактура для более детальных исследований процесса формирования и деятельности ЭАМ и ЭЛАС. Интересным и одновременно малоизвестным фактом для большинства историков яв-

^х Впервые она была опубликована в 1946 г. очень маленьким тиражом и не стала сколько-нибудь значительным явлением. Известность к ней пришла лишь в описываемое время, и по этому, хотя хронологически это не корректно, все-таки ее можно отнести к данному этапу.

ляется то, что не только и не столько генерал был автором этого объемистого труда, сколько специально созданная ЦК КПГ комиссия во главе с первым фактическим руководителем ЭЛАС майором М. Макридисом²⁵. Имя Сарафиса, известного всей Греции борownika демократии, активного деятеля левого движения, было необходимо запрещенной в то время компартии для придания изложенному в работе материалу, а также оценкам движения ЭАМ/ЭЛАС и КПГ, характера объективности. Сама книга была издана в издательстве КПГ на территории Румынии.

Умеренно-либеральное направление в историографии Сопротивления этого периода было представлено книгой К. Пироматлу "Троянский конь. Национальный и политический кризис во время оккупации"²⁶. Это характеристика движения, впоследствии воспринятая большинством сторонников этого направления, была высказана уже в начале работы, когда он писал: "Национальное Сопротивление в Греции... являлось результатом совместных усилий греческого народа... было бы необходимо с исторической точки зрения и по сути назвать его Национальным народным Сопротивлением..."²⁷. Одновременно, будучи участником событий, автор не изображал ЭЛАС и ЭАМ в виде "группы мятежников" и "анархистов", как это делали представители консервативно-монархического направления. Сравнивая эти две организации с двумя другими - ЭДЭС и ЭККА - К. Пироматлу подчеркивает, что "политическая и социальная программа последних особенно не отличалась от программы ЭАМ"²⁸. Достаточно откровенно он писал и о попытках усилить разногласия внутри ЭАМ/ЭЛАС и КПГ, предпринимавшихся им самим вместе с английскими союзниками "вместо того, чтобы считать весь ЭАМ/ЭЛАС нашим /имеется ввиду ЭДЭС - Ар.У/ противником"²⁹.

Совершенно по иному рассматривал проблему греческого Сопротивления в своих воспоминаниях Ст. Гонатас, заявлявший, что "эмоциональное сопротивление, которое испытывал греческий народ в отношении вражеской оккупации,

тогда приняло форму активного Сопротивления, но в двух различных видах: национальном и коммунистическом"³⁰.

Практически именно на этом этапе развития греческой историографии в ее понятийном аппарате применительно к движению Сопротивления выявлялись две, хотя близкие, но различные дефиниции, использование которых отождествлялось с тем или иным направлением. Первая – "национально-освободительная борьба", "антифашистское Национальное Сопротивление" – характерна для прокоммунистического направления и близких к нему авторов. Вторая – "национальное Сопротивление" или просто "Сопротивление", с подчеркнуто национальной направленностью – присуща либеральному, а порой и консервативному направлениям.

К началу 60-х годов исследования по истории греческого Сопротивления стали вестись на достаточно регулярной основе, чему в немалой степени способствовала внутривнутриполитическая ситуация в стране. В то же время один из главных участников этого движения, коммунистическая партия, все еще оставалась вне закона, а находившаяся под ее контролем единая демократическая левая /ЭДЛ/ испытывала внутренний кризис, связанный с процессами, протекавшими как в ней самой, так и в КПГ. На передний план, как по объему публикаций, так и по их качеству вышли два направления: либеральное, во главе которого встал К. Пироматлу, и коммунистическое, пытавшееся сформулировать позицию КПГ и определить ее роль в период Сопротивления. И если первое из них не было связано какими-либо специальными официальными постановлениями или директивами, то второе испытывало на себе груз тех оценок, о которых говорилось выше. Первая критика выдвинутых ранее Н. Захариадисом оценок деятельности ЭДЛ и КПГ прозвучала на VI Расширенном пленуме ЦК и ЦКК КПГ, состоявшемся в марте 1956 г. и освободившем Генсека от занимаемой должности в связи с допущенными ошибками, а также "невыносимой атмосферой личной власти", созданной им в партии. Во-первых, партийный форум признал ошибочность позиции самого Н. Заха-

риадиса, призвавшем в одном из своих писем из тюрьмы в 1940 г., куда он был заключен диктаторским режимом И. Метаксаса еще в 1936 г., поддержать правительство диктатора, ведущего борьбу с итальянскими агрессорами³¹. Что же касается ошибок руководства КПГ и ЭАМ в период Сопротивления, то по этому вопросу говорилось, что "несмотря на героические усилия греческого народа в борьбе против итало-германских оккупантов и исключительно благоприятные условия для рождения свободной независимой и демократической Греции, созданные всемирно исторической победой Советской армии, "руководство КПГ пошло на соглашение с контрреволюцией и англичанами и в конце концов подписало пресловутый договор в Варкизе"³². Восьмой съезд КПГ (1961 г.) заявил, что руководство партии не поняло "планов английского империализма, который... подготавливал восстановление своего довоенного господства в Греции и возрождение монархии" и поэтому "в вопросе о власти партия не проявила марксистско-ленинского подхода и вопреки существовавшему соотношению сил пошла на недопустимые ошибки"³³. Выдвинув эти идеологические тезисы, КПГ взялась за привлечение широкого круга как специалистов-историков, которых было немного, так и участников движения Сопротивления к их обоснованию. Буквально на следующий год после VIII съезда в типографии компартии, находившейся в Румынии, был отпечатан первый номер журнала "Национальное Сопротивление"³⁴, в задачу которого входила публикация документов ЭАМ/ЭЛАС, а также воспоминаний участников-членов этих организаций и научные статьи. Практически он стал центром, вокруг которого слотились представители левого и прокоммунистического крыла национального греческого Сопротивления. В Греции начало выходить другое издание - "Историческое обозрение"³⁵, объединившего по инициативе К. Пироматлу историков, экономистов и политических деятелей, прямо или косвенно связанных с деятельностью ЭДЭС и ЭККА и стоявших на либеральных, а нередко и антикоммунистических позициях. Консервативное направление в греческой историографии оказалось менее организовано, нежели пред-

ставители "левых" и "центра", но не менее активно по количеству и качеству работ. Несмотря на то, что как в самой греческой, так и зарубежной историографии Сопротивления, просматривается логическая граница этапов в виде достаточно протяженного периода правления "черных полковников" /с 1967 по 1974 гг./, следует отметить, что основная полемика с 1974 г. развернулась по вопросам, поставленным еще в первой половине 60-х. Различные политические взгляды как внутри Греции так и за ее пределами, на способы и методы борьбы с диктатурой, экстраполированные на реалии 1941-1944 гг., способствовали более глубокому изучению греческого национального Сопротивления. К доминировавшим до середины 60-х годов трем основным направлениям - прокоммунистическому, либеральному и консервативному, в результате внутренних процессов в ЭД и КПГ, закончившихся расколом последней и образованием параллельной КПГ /внутренней/, присавилось еще одно, близкое по своим основным идеологическим посланиям к "новым левым" еврокоммунистам с некоторой примесью троцкизма и поэтому условно определяемое нами как "левацкое". В центре внимания исследователей оказывались три наиболее спорных вопроса: сущность Национально-освободительного фронта, вопрос национального единства в ходе Сопротивления и выяснение причин поражения левых сил после освобождения Греции от фашистских оккупантов. Практически все эти проблемы рассматривались с диаметрально противоположных точек зрения.

Коммунистическое направление настойчиво проводило курс, взятый на VIII съезде партии. Так, коммунисты - авторы "Истории национального Сопротивления в Греции 1940-1945 гг." отмечали, что в тот период "впервые в истории страны возник такой широкий союз - союз рабочего класса, крестьянства, средних слоев, молодежи, патристической интеллигенции, в котором участвовали выдающиеся представители высшего офицерства и духовенства, а также часть буржуазии... союз трудящихся, прогрессив-

ных и всех патристических сил, — исключивший только крупную буржуазию, которая вступила в сговор с захватчиками и плела интриги в ущерб освободительной борьбе..."³⁶.

Это утверждение было развито старейшим деятелем КПГ Д.Стрингосом, заявлявшим, что "ЗАМ представляла собой широкую патристическую организацию"³⁷. Однако это определение было достаточно расплывчатым и не объясняло, какая часть греческой буржуазии поддерживала германскую оккупацию, а какая — участвовала в Сопротивлении. Выступавший В.Бардзиготас "покаявшись" и перейдя на позиции решения УШ съезда писал, что "Национальное Сопротивление 1941—1945 гг. было плодом КПГ, бессмертным плодом исторического ЗАМ, плодом и эпопеей всего греческого народа"³⁸. В том же духе оценивалась деятельность ЗАМ в "Краткой истории КПГ. 1918—1949"³⁹, авторы которой попытались объяснить один из спорных вопросов позиции КПГ в период начала итальянской интервенции, а именно — указание в письме Н.Захариадиса, что "в войне, которую ведет правительство Метаксаса, все мы должны отдать все наши силы безгранично". В новой трактовке эта фраза объяснялась как относящаяся к "борьбе, а не к Метаксасу"⁴⁰.

Курс КПГ на объединение всех антифашистских сил в единый Национальный освободительный фронт весьма критически оценивался левыми настроенными историками, пытавшимися в своей полемике с официальной точкой зрения компартии использовать те или иные теоретические положения марксизма. Так, например, Г.Катифорис рассматривал вопрос совместной борьбы представителей разных классов под эгидой ЗАМ как доказательство того, что "первая часть ленинской тактики — гегемония пролетариата, выражавшаяся всегда коммунистической партией, оказалась в Европе не связана со второй — совместной классовой борьбой", что приход гитлеризма к власти означал по сути "конец этой ленинской политики" и что "ради совместной борьбы пожертвовали гегемонией"⁴¹. В определенной степени на такую оценку повлияло уже высказывавшееся ранее мнение о том,

что "война против оккупационного режима не может отделяться от гражданской войны"⁴². Поэтому КПГ -де отказавшись от классовой борьбы, вела "национальную борьбу, что значило подчинение пролетариата и эксплуатируемых масс буржуазии", а "народный фронт выдвигал на первый план не классовые, а политические задачи", тем самым "антифашистский фронт с самого начала принял характер надклассового союза с буржуазией для защиты Нации"⁴³. С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы не один нюанс, а именно: наличие в программе Рабочего ЭАМ /ЭЭАМ/ специального пункта о превалировании классовых интересов греческого рабочего класса. Учитывая тот факт, что КПГ рассматривала ЭЭАМ как "пролетарское ядро" Национально-освободительного фронта, говорить о "забвении" классовых ориентиров, вероятно, можно лишь с определенными допущениями. Эта особенность привлекла внимание другого автора этого же направления - Д.Теспротоса, посвятившего специальную монографию под названием "Самокритика. Почему была потеряна народная власть ЭАМ 1940-1945"⁴⁴ разбору наиболее спорных аспектов истории ЭАМ и КПГ. Он, в частности, писал о противоречии между идеей создания "Всегреческого Национально-освободительного фронта из всех партий и организаций /ст. 6 Устава ЭЭАМ/ и задачам ЭЭАМ, как организации, объединявшей все левые силы страны /коммунистов, социалистов, аграрников, левых демократов/". По мнению автора "Самокритики", это было противоречием между национальным и политическим аспектом борьбы⁴⁵.

Достаточно интересна трактовка роли Национально-освободительного фронта Греции в национальном движении Сопротивления консервативным и либеральным направлениям греческой историографии. Если в середине 40-х - начале 50-х годов деятельность ЭАМ ими вообще игнорировалась или освещалась в подчеркнuto негативном свете, то ныне берется на вооружение тезис о монополизации власти внутри ЭАМ коммунистической партией, превратившей его в свое послушное орудие и скрывавшей свои истинные цели по зах-

вату власти. Одновременно говорится о незначительности влияния КПГ на массы и о равноценности в политическом отношении таких организаций как ЭАМ, с одной стороны, и ЭДЭС и ЭККА, с другой. Наиболее рельефно подобная позиция отражена у Хр.Золокостоса, Д.Кусуласа, Дж.Лулиса, Д.Кондиса, Дж. Хондроса и уже упоминавшегося К.Пиромеглу⁴⁶.

Представитель либерального направления К.Пиромеглу писал в этой связи, что "все движения европейского Сопротивления, как буржуазного так и коммунистического плана, имели одно и то же направление: общественно-политические изменения, исходящие из новой политической реальности"⁴⁷, а "на протяжении всего периода оккупации действительный дух новых национально-политических устремлений имели сражающиеся организации ЭАМ, ЭККА, ЭДЭС". Автор отмечал наличие идентичности в программах вышеперечисленных организаций, а их отличия, как он утверждал, начались "лишь в определенный момент по вопросам тактики"⁴⁸. В то же время последующее замечание К.Пиромеглу о том, что ЭДЭС испытывал "внутреннее бессилие с момента, когда началась несбалансированность национальных и внутренних проблем, и делал попытку, выжидая момент, служить национальному духу"⁴⁹ свидетельствует о коренном отличии этой организации от ЭАМ, где господствовала идея не выжидания, а активных действий. Ф.Хаджис, бывший секретарь ЭАМ, близкий по своим позициям к леворадикальным авторам, но открыто не денонсировавший КПГ, во многом способствовал пониманию различий между ЭАМ, ЭДЭС и ЭККА. Суть их сводится к тому, что национально-освободительный фронт был по своему характеру действительно национально-освободительной организацией, в то время как ЭДЭС и ЭККА — сопротивленческими, делавшими большую ставку на помощь англо-американских союзников⁵⁰. Соотношение национально-освободительных и социальных задач в греческом национальном Сопротивлении рассматривается авторами либерального направления в общевропейском контексте. Так, профессор Н.Своронос писал, что

произошла "трансформация массовых народных движений Сопротивления, сочетающих национально-освободительные мотивы и цели, направленные против иностранного завоевания, с мотивами и целями социального и политического характера, направленными на более или менее радикальное внутреннее преобразование"⁵¹.

Авторы, стоящие на консервативных позициях, еще с послевоенного периода выдвигают совершенно противоположные тезисы. Вышедшая в начале 60-х гг. книга воспоминаний Х.Золокостоса "Хроника рабства" стала тогда в определенном смысле образцом аргументации этого направления, нередко прибегающего к ней и ныне. Он, в частности, писал о деполитизации движения Сопротивления и отсутствии каких-либо конкретных социальных задач: "в уставах наших организаций не было места для слов "диктатура", "республика", "монархия". Вместе них существовала Греция, залитая кровью Греция"⁵². Столь "романтическое" и совершенно не соответствующее реалиям описываемого автором периода видение было впоследствии отвергнуто профессиональными историками того же направления. На смену этим утверждениям были выдвинуты другие тезисы. Во-первых, относительно поддержки ЭАМ широкими социальными слоями греческого общества. Так, профессор Д.Кусулас объяснял этот факт стремлением сражаться против оккупантов, а не "левыми настроениями"⁵³. Солидаризируясь частично с мнением Д.Кусуласа о том, что "ЭАМ, где коммунисты играли главную роль, скрывал свою сущность, прикрываясь патриотическими идеалами"⁵⁴, другой представитель этого же направления — Дж.Лулис⁵⁵ писал в монографии "Греческая коммунистическая партия 1940—1944 гг.": "Используя всколыхнувшиеся националистические чувства большей части греков, независимо от их политических симпатий, считавших немцев своим главным врагом, КПГ смогла мобилизовать большое число некоммунистов при помощи чисто националистических по своему содержанию лозунгов"⁵⁶. В совместной с британским историком Г.Эликсендером статье Дж.Лулис дал оцен-

ку и другим организациям, назвав ЭДЭС "консервативной организацией Сопротивления", а ЭККА "партизанской республиканской группой"⁵⁷. Многочисленные попытки, предпринимавшиеся официальной греческой коммунистической историографией, с целью представить дело таким образом, что движение национального Сопротивления и особенно массовые акты протеста того времени происходили исключительно благодаря действиям коммунистов, опровергаются сторонниками консервативного направления. Так, Дж.Хондрос в своей монографии "Оккупация и Сопротивление" отмечал в этой связи, что Д.Эудэ, А.Кедрос /близкий к левым историограф Сопротивления/ а также многие авторы публикаций, подготовленных при содействии ЭДА /до начала 60-х годов это был синоним "КПГ"/ сильно преувеличивали "инициаторскую" роль коммунистов, чего "немецкие источники не подтверждают"⁵⁸. Склоняясь в пользу политической программы ЭДЭС, официально провозглашавшей демократические республиканские принципы, сходные в определенном смысле с социал-демократическими установками, некоторые из авторов консервативного направления, в частности Дж.Лулис, определяют позицию КПГ в контексте ее идеологических установок. На практике это значило, что "КПГ рассматривала решение в виде демократии^х не как средство реставрации "буржуазной" демократии в Греции, а как метод подготовки страны к народной демократии, о чем говорилось на VI-ом Пленуме в 1934 г.⁵⁹. Особое значение для выяснения роли ЭАМ в движении греческого национального Сопротивления и масштабов боевых операций ЭЛАС имеет статистика. Именно материал такого рода содержится в работе греческого ученого Д.Кондита, занявшегося этой проблемой в рамках исследовательской программы американского Центра стратегических исследований. Его книга - "Специализированное исследование партизанской войны: Греция во время второй мировой войны"⁶⁰

^х Буквальный перевод с греческого - "народовластие".

оказалась единственной, принадлежащей автору консервативного направления, в которой отнюдь не заявляется о незначительности помощи союзников /прежде всего англичан/ греческому движению Сопротивления⁶¹. В то же время, с совершенно неожиданной стороны оценивались неравноправные /так характеризовали их потом как греческие, так и британские историки и политики /соглашения, заключенные между ЭАМ/ЭЛАС, с одной стороны и ЭДЭС, ЭККА и британскими союзниками, с другой. Создание единого штаба партизан Д. Кондит характеризует как выгодное для "доминировавших со стороны коммунистов групп"⁶².

Вопрос о власти, привлекавший внимание различных направлений греческой историографии Сопротивления, активно обсуждается и представителями ее прокоммунистического крыла. Каноническим, в определенном смысле, объяснением позиции КПГ и ЭАМ по этому вопросу были утверждения авторов уже упоминавшейся "Истории национального Сопротивления в Греции 1940-1945 г." В соответствии с выдвинутой впоследствии компартией концепцией, на первом этапе борьбы стоял вопрос изгнания захватчиков, а на втором - "окончательное завоевание национальной независимости, создание действительной демократии для народа"⁶³. Бывший член Политбюро ЦК КПГ, активный участник событий, впоследствии занявшийся популяризацией греческой истории, П. Русос, отмечал в своих мемуарах, что большая часть населения Греции и весь рабочий класс "видели в Национальном Сопротивлении дорогу, которая через уничтожение любого вида рабства приведет к изменениям в стране и освобождению ее от любого иностранного вмешательства, к демократическому возрождению Греции"⁶⁴. В более расширенном виде эта формулировка дана другим представителем коммунистического направления - П. Андэосом, писавшим о "национально-освободительных, антифашистских и демократических принципах и установках ЭАМ"⁶⁵.

Широкое распространение получило утверждение, культивировавшееся партийными историографами, о "спонтанном

творчестве народных масс". при выработке основ законодательства на освобожденных ЭЛАС территориях. Впоследствии этот достаточно обширный документ, состоявший из более чем ста параграфов, вошел в историю под названием "Кодекс Посейдона". Однако как в период войны, так и после нее все попытки обнаружить авторов документа или найти хотя бы какой-либо намек на источник "вдохновения" не увенчались успехом⁶⁶. И лишь по мере нарастания кризиса в КПГ и усиления полемики между ней и КПГ /внутренней/, многие загадки были объяснены, так как история стала элементом межпартийной борьбы. Леворадикальное, "еврокоммунистическое" направление резко среагировало на дискуссию в греческой историографии Сопротивления о возможных перспективах власти для ЭАМ в военный и послевоенный период. Участник событий Г.Бейкос приоткрыл завесу секретности, окутывавшую этот сюжет: план законов, состоявший из 8 статей, сопровождался циркуляром партийным организациям, в котором говорилось, что "Комитеты Народного Самоуправления" являются прототипами Советов⁶⁷. В изданном КПГ сборнике документов "Тексты Национального Сопротивления"⁶⁸ не давалось вообще никаких комментариев относительно авторства документа. Выдвинутые еще в послевоенные годы утверждения о непоследовательности руководства КПГ в вопросе о власти⁶⁹ были развиты позже. Так Д.Теспротос считал, что компартия отдавала предпочтение "легальным" и "мирным" методам в решении вопроса о народной власти⁷⁰. Другой автор того же направления, что и автор "Самокритики" И.Псирукис, отмечая, что греческое национальное Сопротивление "имело глубокое политическое значение", заключает, что "насущной проблемой для греческого... Сопротивления была проблема как привести к власти Национальное Сопротивление"⁷¹. Именно в этой плоскости он и рассматривает противоборство ЭАМ и ЭДЭС, заявляя, что политическое руководство Сопротивления предалось жесткой борьбе за послевоенные конституционные изменения и "это усилило распад в его лагере".

Наиболее распространенными в греческой историографии утверждениями, используемыми как постулаты в работах авторов консервативного и либерального направлений, являются следующие, во-первых, обвинение КПГ в ведении борьбы за власть путем обмана широких масс-участников движения ЭАМ/ЭЛАС⁷²; во-вторых, стремление доказать благотворное влияние традиционных политических партий на процесс выработки решений по конституционному вопросу⁷³; в-третьих, дестабилизирующая роль Национально-освободительного фронта, его нежелание разрешить "законным" способом насущные вопросы послевоенного развития страны⁷⁴. Тезис о "камуфляжном" характере ЭАМ⁷⁴, соседствует с попытками определить тактические установки КПГ в разные периоды движения Сопротивления и вычлнить "этапы в борьбе Коммунистической партии за власть"⁷⁵. Со стороны авторов либерального направления греческой историографии выдвигался тезис о том, что "ЭАМ не был слишком прогрессивной организацией"⁷⁶.

Одной из наиболее дискуссионных тем истории греческого национального Сопротивления является вопрос, который вошел в историографию под названием "декабрь 1944 года". При этом имеется в виду совокупность событий, приведших к военно-политическому кризису в отношениях между ЭАМ/ЭЛАС и КПГ, с одной стороны, и британскими союзниками, с другой. Нередко, многие авторы, писавшие о национальном Сопротивлении, делают "декабрь" основным предметом изучения, пытаются анализировать характер событий и расстановку сил, участвовавших в них, а также роль иностранного фактора в процессе его развития. Особое значение в этой связи придается и Варкизскому мирному соглашению, заключенному ЭАМ/ЭЛАС с британскими союзниками и королевским правительством. Коммунистическое направление в греческой историографии продолжает оставаться на позициях ЭАМ и КПГ, согласившихся на уступки англичанам в период движения Сопротивления, рассматривая Варкизу как закономерный эпилог сделанных ошибок. В работах В.Бардзиота-

са и Н.Келесиса⁷⁷ такая оценка выражена наиболее рельефно. Среди факторов, помешавших "греческому народу воспользоваться плодами своей победы" – таково стереотипное выражение большинства авторов-коммунистов – называются "недооценка долгосрочных планов британского империализма", волюнтаризм тогдашнего руководства КПГ в выработке решений и норм партийной жизни, практическое подчинение сил ЭЛАС британскому военному командованию и осуждение ЭАМом восстания греческих антифашистов-патриотов на Ближнем Востоке в 1944 г., необходимость более решительных действий со стороны ЭАМ/ЭЛАС по взятию власти в свои руки в октябре 1944 г. с последующим установлением сотрудничества с народно-демократическими режимами в балканских странах, что во многом, по их мнению, "затруднило бы империалистическое вмешательство". Достаточно остро к анализу ошибок руководства ЭАМ/ЭЛАС и КПГ относятся представители и двух других, существующих в настоящее время направлений греческой историографии – леворадикального, или "еврокоммунистического" и консервативного.

Так, упоминавшийся уже Г.Катифорис обвиняет во многих неудачах ЭАМ/ЭЛАС Советский Союз, чья внешнеполитическая линия в вопросе о судьбе Греции рассматривается им как предательство интересов национально-освободительного движения в этой стране⁷⁸. Другой автор – Я.Андрикопулос, выпустивший два тома под общим названием "1944. Кризисные годы", характеризовал в весьма негативном свете деятельность Москвы в Греции, отмечая, что "роль двух других /помимо Великобритании – Ар. У./ "великих держав" – США и Советского Союза, заключалась в откровенном соучастии в преступлении по уничтожению национальной независимости нашей страны", и что "руководство КПГ не было знакомо с соглашениями, заключенными в Кремле"⁷⁹. Свои обвинения автор заключает фразой: "Народ не знал, что его судьба определена, а участь предreshена его "великими соперниками"⁸⁰. В основе этих утверждений лежит свидетельство бывшего премьер-министра Великобритании У.Черчил-

ля, обнародованное им уже после войны, о наличии "процентного соглашения" со И. Сталиным, в соответствии с которым Лондон получал 90% своих интересов в Греции, а Москва - 10%. Достаточно интересные данные на этот счет приводятся и бывшим "вторым человеком" в КПГ после Г. Сяндоса, бывшим членом Политбюро И. Иоаннидисом в опубликованных в виде воспоминаний интервью с греческим журналистом Паппанайотисом. Он, в частности, упомянул о просьбах руководства КПГ и ЭАМ к советскому военному командованию в лице Толбухина о помощи, на что был получен весьма двусмысленный ответ⁸¹. Один из активных деятелей КПГ /вн./ - П. Нефелудис - брат участника событий и члена тогдашнего руководства КПГ В. Нефелудиса, в книге под названием "У истоков трагедии", в свою очередь заявлял, что "слепое повиновение" в рядах КПГ согласовывалось с принципами Коммунистического Интернационала и было одной из причин поражения⁸². В вышедшем в свет в 1973 г. за пределами Греции томе документов "Коммунистическая партия Греции в войне и Сопротивлении. Официальные тексты"⁸³ авторы-составители из КПГ /вн./ поместили тексты телеграмм Г. Сяндоса, Г. Димитрова и Тр. Костова, которыми они обменивались с декабря 1944 г. по февраль 1945 г. - т.е. в момент активного противостояния сил ЭЛАС и британских союзников. В соответствии с комментариями, дополнившими текст, выявилась позиция издателей /а на практике - официальная позиция КПГ /внутренней/ по вопросу о роли СССР и КПСС в декабрьско-февральском кризисе. Она состоит в констатации нежелания Москвы входить в конфликт с Лондоном по столь "частному" вопросу, как реальная поддержка ЭАМ/ЭЛАС и, соответственно, КПГ. Учитывая тот факт, что предпринимаемое КПГ /вн./ издание документов являлось продолжением ранее опубликованной серии официальных документов КПГ /к началу 70-х вышло уже 4 тома, охватывавших период с 1918 г. по 1940 гг./ и было оформлено как 5 том /даже цвет обложки соответствовал четвѐрым предыдущим томам/, можно представить реакцию, параллель-

ной компартии КПГ. В 1975 г. она выпустила такой же том, ... но без каких-либо комментариев или примечаний к тексту приведенных документов. Таким образом, в греческой историографии создавалась интересная ситуация - два практически идентичных 5-х тома, но изданных соперничавшими политическими силами.

Консервативное направление, в свою очередь, также критикует позицию СССР в "греческом вопросе". Наиболее концентрированно эти идеи выражены в работах С. Агастаса⁸⁴, Д. Кусуласа, Дж. Лулиса, Палагеогиу⁸⁵ и Дж. Иттидаса. В их оценках доминирует тезис о "нежелании Москвы нарушать статус кво в Греции окончательно... во имя поддержки, в случае необходимости, какого-либо вооруженного движения"⁸⁶ в сочетании с утверждением о том, что "в случае удачи коммунистического заговора СССР признал бы новое правительство, в случае неудачи - валидо была бы непричастность и невиновность СССР"⁸⁷. Бывший рулевой военной диктатуры, газета под претельным названием "Электрос космос" /"Свободный мир"/, чьим издателем по иронии судьбы был бывший член КПГ, порвавший с ней в начале 60-х, С. Константинопулос, посвятила одну из своих статей герою Сопротивления, легендарному капитану ЭЛАС Апису Велухиотису /Ф. Кларасу/, озаглавив ее "Восхождение и падение идола"⁸⁸. Обращение к столь колоритной фигуре было не случайно, так как именно он отказался подчиниться решению руководства КПГ и сложить оружие после Варкизского соглашения в феврале 1945 г., за что был объявлен компартией ... предателем и авантюристом. Во многом загадочная смерть А. Велухиотиса была использована газетой для прямых выпадов на КПГ и обвинений в причастности к случившемуся.

Период 80-х годов оказался менее продуктивным для исследователей греческого национального Сопротивления, так как произошла логическая переориентировка в изучении проблематики в плоскость международных отношений в период второй мировой войны. "Внутренняя история" Со-

ротивления, господствовавшая среди проблем, которыми занималась национальная историография, после официального признания Сопротивления уступила место более углубленному изучению таких вопросов как политика Великобритании и США в Греции в период антифашистской национально-освободительной борьбы греческого народа, действия специальных служб этих двух стран на Балканах. Одновременно делаются попытки приблизиться и к изучению пока еще слабо разработанной темы "СССР и греческая проблема" в контексте обнаруживающихся фактов о роли Советского Союза в развитии событий в Греции в 1944-1945 гг. Говоря в целом о национальной историографии греческого Сопротивления можно отметить расширение круга затрагиваемых вопросов и многовариантность подходов к их изучению, чему в немалой степени способствует появление все большего фактологического материала.

Π Ρ Ι Μ Ξ Χ Α Ν Ι Α

1. Tsouderos E. The Greek Epic. A short survey by the Greek-Prime Minister E. Tsouderos. Washington, 1941.
2. Ibidem. P. 14.
3. Diamandopoulos G.R. Greece's National Aims, their historical and ethnological backgrounds. Philadelphia, 1944.
4. Cmieloulis J.C. The Greek Communist Party. 1940-1944. London, 1982.
5. Κομμουνιστική επιθεώρηση. Τ. ΧΙ, Ν. 33. Φεβρουάριος 1944. Σ. 684.
6. Ζεύγος Γ. Η λαϊκή Αντίσταση του Δεκέμβρη και το Νεοελληνικό πρόβλημα. Αθήναι, 1945.
7. Καραγεώργη Κ. Γύρω από το Δεκέμβρη. Αθήναι, 1945.
8. Ισπράντα χρόνια του ΚΚΕ. Επιλογή ντοκουμέντων. 1918-1958. Σ. Ι., 1958. Σ. 518.
9. Документы этого Пленума не публиковались и точка зрения Н. Зехариядаса приводится по документам VIII съезда КПГ, на котором критиковалась деятельность смещенного в 1956 г. Генсека. Цит. по: Το Β-ο Συνέδριο του ΚΚΕ. Σ. Ι., 1961. Σ. 97. Το ΚΚΕ απ' το 1931 ως το 1952. Βασικά ντοκουμέντα. Σ. Ι., 1952. Σ. 115.
10. Полный текст резолюции, до сих пор не опубликован. Изложение документа см. В Заблуждения για την ιστορία του ΚΚΕ. Εκδοτικό της ΚΕ ΚΚΕ. Σ. Ι., 1952.
11. Απόφαση της 3ης Συνδιάσκεψης του ΚΚΕ (πάνω στο Α' θέμα) // Η διασπαση του Κ. Ε. Γ. Α. Αθήναι, 1978. Σ. 39.
12. Στο ίδιο.
13. Μπαρτζιώτα Β. Προβλήματα του ιδεολογικού μας μετώπου. Σ. Ι., 1952. Σ. 26.
14. Παπανδρέου Γ. Η απελευθέρωση της Ελλάδος. Αθήναι, 1945. Τσάτσου Θ. Ο Δεκέμβρης 1944. Αθήναι, 1945. Τσουδέρου Ε. Ελληνικές ανωμαλίες στην Μ. Ανατολή. Αθήναι, 1945 και Διπλωματικό παρασκήνιο 1941-44. Αθήναι, 1945.
15. Παπανδρέου Γ. Η απελευθέρωση. Σ. 231, 232.
16. Τσουδέρου Ε. Ελληνικές ανωμαλίες. Σ. 89.
17. Αντωνιάδης Η. Α. Φως εις το σκοτάδι της κατοχής. Εθνική Αντίσταση 1941-1944. Αθήναι, 1947.
18. Στο ίδιο. Σ. 37.
19. Stavrianos L.S. The mutiny in the Greek armed forces, April, 1944// The American Slavic and European review. V. 9, n. 4, 1950.
20. Ibidem. P. 304.
21. Stavrianos L.S. The Greek National Liberation Front

- (ΕΑΜ): a study in Resistance organisation and administration// The Journal of Modern History.V.XXIV, n.1, 1952.
22. Ibidem.P.45.
23. Ibidem.P.43.
24. Σπύρος Στ. Γ. ΕΛΛΙ, S.L., 1958.
25. Ιωάνν(δης) Γ. Αναμνήσεις Προβλημάτων της πολιτικής του ΚΚΕ στην Αντίσταση, 1940-1945. Αθήνας, 1979. Σ.203, 204.
26. Πυρομαχία Κ. Ο δούρος Σπας. Η εθνική και πολιτική κρίσις κατά την κατοχή. Αθήνας, 1958.
27. Στδ Στδ. Σ.2.
28. Στδ Στδ. Σ.70.
29. Στδ Στδ. Σ.195.
30. Γιάννης Στ. Ε. Απομνημονεύματα. Αθήνας, 1959. Σ.402.
31. Οδνηка позиция Н.Захарядица, а также анализ ошибок руководителю КПГ содержались в закрытом письме НК КПГ члену ЦК ВКП(б) Г.И.Степанову (1949). Σ.49, 50.
32. Στδ Στδ. Σ.50.
33. Τα Β-1 Συνέδρια του ΚΚΕ, 1961. ΠΛΕ, 1961. Σ.90, 99.
34. Το περιοδικό "Εθνική Αντίσταση" (ως το 1962 ως το ση-
μερα.)
35. Το περιοδικό "Ιστορική Εξέλιξη" (ως το 1963 ως
το 1967(1)).
36. Социал Г. Кайлас Д. и др. История национального Со-
противления в Греции 1940-1945 гг. М., 1977. С.14.
37. Η Εθνική Αντίσταση. Επιστημονικό μνημείο του Κέντρου
παρεχόντων ερευνών 27-30 Δεκέμβρη 1981. Αθήνας, 1982. Σ.19.
38. Μπαρτζώτα Γ. Εθνική Αντίσταση και Δεκέμβρης 1944. Ισ-
τορικό δοκίμιο. Αθήνας, 1979. Σ.13.
39. Ιστορική ιστορία του ΚΚΕ. Σχέδιο. Μέρος Α 1938 - 1949.
Αθήνας, 1980.
40. Στδ Στδ. Σ.190.
41. ΚΝΤ, 24.1.1976(η 1). Σ.30-35.
42. Немногочисленные троцкистские группировки, сохраняв-
шиеся после второй мировой войны в Греции, продолжи-
ли "творчески" развивать несостоятельные идеи о
всемирной революции. Работа в этом направлении инте-
нсийировалась в период Гражданской войны у Греции
в 1946 - 1949 гг. Контр-г. А. Λόγος του Πρώτου Ορι-
σμού// Ιδεολογική μάχη ανάμεσα στο ΚΚΕ και στην Παρ-
τασία του Ελληνικού Τροτσισμού 1946-1947. S.L., 1947.
Σ. 82.
43. Εκλέβας. Ο Εμφύλιος πόλεμος στην Ελλάδα, 1943-49. S.L.
(;) Σ.37.
44. Βεσπρίδης Δ. Αυτοκρατορική. Γιατί χάθηκε η λαϊκή εξου-
σία του ΕΑΜ 1940-1945. Αθήνας, 1974.
45. Στδ Στδ. Σ.49, 50.

46. Ζολκώφσκις Χρ. Το χρονικό της εκ/εβίης. Αθήναι, 19...
Koussoulas D.G. Revolution and defeat. The story of
the Greek Communist Party. Oxford, 1965; Loulis J.C.
The Greek Communist Party. 1940-1944. London, 1982;
Case study in Guerrilla war: Greece during World
War II. By D.W. Condit. Washington, 1961; Foxon J.L.
Occupation and Resistance. The Greek agony, 1941-44.
New York, 1983.
47. Πυρροπούλου Κ. Η ελληνική εθνική αντίσταση και εν-
νοια της// Ιστορική επιθεώρηση, 1965, τ. 7, Σ. 117.
48. Πυρροπούλου Κ. Η "4-η Αυγούστου" και το πόλεμος της
Ελλάδας 1940-1941// Ιστορική επιθεώρηση, 1963, τ. 7,
Σ. 6. * (6)ος Η ελληνική εθνική, Σ. 118.
49. Στο ίδιο, Σ. 118.
50. Hajia Th. EAM-ELAS: Resistance or National Liberation
Movement.// Greece: from Resistance to Civil war. Ed.
by. M. Sarafis. Nottingham, 1980. P. 72.
51. Συγρονος Ν. Introduction// Greece: from Resistance
to Civil war. P. 65.
52. Ζολκώφσκις Χ. το χρονικό της εκ/εβίης. Σ. 18, 19.
53. Koussoulas D.G. The price of freedom. P. 38.
54. Ibidem. P. 89.
55. В равне вышедшей статье по вопросам греческой исто-
риографии национального Сопротивления автор рассмат-
ривал Дх. Дулиса как представителя либерального непри-
ядения, однако более точным было бы отнести его к кон-
сервативному направлению. См.: Улуын Ар.А. Вопросы ис-
ториографии национального движения Сопротивления в
греческой историографии// Марксистская и буржуазная
историография. М., 1986. С. 76.
56. Loulis J.C. The Greek Communist Party. P. 12.
57. Alexander G.M., Loulis J.C. The Strategy of the
Greek Communist Party 1934-1944. An analysis of
Plenary decisions// East European Quarterly, 1981, V.
XV, n. 3. P. 384, 385.
58. Kondros J.L. Occupation and Resistance. P. 32.
59. Alexander G., Loulis J.C. Op. cit. P. 386.
60. Case study in Guerrilla war.
61. Ibid. P. 8.
62. Ibid. P. 9.
63. Ζοιδис Γ., Καϊλεο Δ. и др. История национального Со-
противления. С. 14.
64. Ραββαν Π. Η περίληψις της ιστορίας της εκ/εβίης,
1936, τ. 12.
65. Αντίνος Ρ. Υπόμνημα της ιστορίας της εκ/εβίης,
1977, τ. 73.
66. Первое исследование по этому вопросу было опубликовано
то сразу же после окончания второй мировой войны в

следствии известным историком права Д.Зепосом: Ζέπος Δ. Λαϊκή δικαιοσύνη εις τας ελεύθερας περιοχάς της υπακατοχής Ελλάδος. Αθήναι, 1945.

67. Μπετκος Γ. ΕΑΜ και Λαϊκή Αυτοδιοίκηση. Μία προσωπική μαρτυρία για το θεσμό όπως εφαρμόστηκε στην ελεύθερη Ευρω. Άντια. Θεσσαλονίκη, 1976. Σ. 15.

68. Τα Κείμενα της Εθνικής Αντίστασης. Τ. Α. Αθήναι, 1981.

69. Наиболее характерные обвинения в адрес руководства КПГ были выдвинуты одним из старейших членов партии, впоследствии, правда, исключенным, первым издателем партийного органа газеты "Ризоспастис" Я. Пецопулосом в книге "Действительные причины моего исключения из КПГ", которая использовалась позже КПГ/ВН. / в полемике с промосковской КПГ. Παπαδωπουλου Γ. Τα πραγματικά αίτια της διαγραφής μου από το ΚΚΕ. Αθήναι, 1946.

70. Эта точка зрения Д.Теспротоса была высказана им в органе КПГ/ВН. / газете "Авги" в момент разворачивавшейся полемики между руководством КПСС / М.А.Суслов, Б.Н.Мономахев и В.В.Загладин / , промосковскими компартиями, с одной стороны, и коммунистическими партиями, выступившими в поддержку идей "еврокоммунизма", с другой. Поэтому вопрос о власти выходил из плоскости исторической в плоскость политическую: Η Αυγή, 12.XII.76.

71. Προούκη Ν. Ιστορικός χώρος και Ελλάδα. Τι μας ενώνει και τι μας χωρίζει με τους γείτονες μας // Ιστορική επιθεωρήσις. Τ. 8-9. № 5. Σ. 117

72. Kousoulas D.G. The price of freedom; Revolution and defeat.

73. Ιωάννου Β.Α. Αι παραμονές της ανελευθέρωσης. Αθ., 1973.

74. Loulis J.C. Op.cit.

75. Kousoulas D.G. Revolution and defeat.

76. Δέσπου Ε.Α. Η ελληνική εθνική αντίσταση και οι γερμανικές πληροφορίες // Ιστορική επιθεωρήσις. Τ. Ι. 1963

77. Μπαρζιώτα Β. Εθνική Αντίσταση και Δεκέμβρης 1944.

Αθήναι, 1979. Η Καπсис является членом ЦК КПГ "практически "курирует" вопросы, связанные с проблемами второй мировой войны и движения Сопротивления. Его книга "Декабрь 1944 г." переиздавалась неоднократно издательством греческой компартии: Κεκέση Ν. Ο Δεκέμβρης 1944. Αθήναι, 1982.

78. ΑΝΤΙ, 24.Ι.1976(π.37). Σ. 30-35.

79. Ανδρικόπουλου Γ. 1944. Κρίσιμη χρόνια. Αθήναι, 1974. Τ. Β. Σ. 261.

80. Στο ίδιο. Σ. 261.

81. Ιωαννίδη Γ. Αναμνήσεις. Σ. 252.

82. Νεφελαύδης Π. Στις πηγές της κακοδιομόνης. Αθήναι, 1974. Σ. 253.

83. Το ΚΚΕ στον πόλεμο και στην Αντίσταση, 1940-1945. Τ. Β. Χ/Τ. Δ. Έκδοση του ΚΚΕ (εσωτερικού), 1973.
84. Αναστασάκος Σ. Μύθος και πραγματικότητα της Νέας Γιάλιας. Αθ. 24, 1975.
85. Παπαγεωργίου Γ. Ε. Παραλαβόμενα της Εθνικής Αντίστασης. Αθήνα.
86. Αναστασάκος Σ. Στο ίδιο. Σ. 78.
87. Κουσιούλας D. G. Op. cit. P. 118.
88. Ελευθέρας κόσμος, Β. Χ. 1974.

ПОЛЬСКАЯ РЕПУБЛИКА: ИСТОРИОГРАФИЯ ДВИЖЕНИЯ
СОПРОТИВЛЕНИЯ 1939-1946 гг.

Поддерживая определение движения Сопротивления как совокупности пассивных, пассивных, а также иных форм стихийного и организованного противодействия оккупантам, автор ставит своей задачей рассмотреть посвященную этому литературу.

История Польши в годы второй мировой войны, а точнее героическая борьба польского народа против немецко-фашистских оккупантов, может быть, наиболее развешанной страницей польской историографии. Она занимает много тысяч страниц. В настоящем обзоре будет рассмотрена литература, опубликованная с 1944 г. до 1989-1990 гг., когда в Польше рухнула установленная во время после II мировой войны политическая система, в том числе партийная, непосредственно воздействовавшая на историю историографии. Период 1944-1989 гг. представляется завершающим и в истории Польши, и в историографии. Новые тенденции в государственной, политической, а также научной жизни неизбежно отразились на характере и тематике исторических исследований. Эти тенденции еще полностью не выкристаллизировались, но некоторые из них мы постараемся отметить.

В обзоре будут рассмотрены научные и отчасти научно-популярные работы, поскольку между ними иногда нется почти четкая граница². Соображения объема заставляют со-

² Для примера. Выкладки Центра научной военной информации польского Военно-исторического института к 40-летию окончания войны, т.е. на 1985 г.¹ свидетельствуют о том, что более половины опубликованных позиций составляют публикации, около трети научных, научно-популярной литература и научные статьи - всего 3078 позиций, в том числе 486 монографий. Авторы издания "Польское движение Сопротивления /т. 3 себя "Польские действия во вто-

средоточиться в основном на книгах, изданных после 1975г. Преимущественно они указываются в приложениях.

Работы польских историков отличаются солидной источниковой базой, знанием литературы предмета, высоким профессиональным уровнем. Создана документированная исследовательская база, определяющая возможности доступа к архивно- и книгохранилищам в стране и за рубежом. Не было искусственного ограничения объемов исследований: изданы исторические монографии по 50 - 60 и более печатных листов.

Для Польши не был характерен, во всяком случае в начале 50-х годов, "единый политический диктант". В стране с 1949-до 1989 г. существовали три политических партии - Польская объединенная рабочая партия, Объединенная крестьянская партия /ОКП/, представлявшая интересы мелкоземельного крестьянства, и Демократическая партия /Странники демократичны/ - партия городских средних слоев. Каждая из партий имела свои исторические институты или хотя бы комиссии. Активно развивалось светское католическое движение и росло со своей исторической основой, издательствами. Все это способствовало многообразию путей развития польской историографии. Для идеологического воззрения оказывал влияние на характер и содержание исторических исследований, их политическую и мировоззренческую ориентацию, а также создавал постоянное социальное и идеологическое противостояние в историографии. На рубеже 80-х годов оно вылилось в откровенную политическую борьбу. Проблематика национально-освободительной борьбы всегда, но особенно в годы кризисов /1956, 1968-70, 80-ые годы/ оказывалась в центре столкновений противостоящих сил: ведь на последнем этапе этой борьбы стоял вопрос о власс-

рой мировой войне"2/ в 1988 г. считали, что имеется 700 монографий и 8 тысяч научных статей. /Мы пользуемся статистикой этого издания/. Библиографы журнала "Польские проблемы истории" учитывают уже до 25 тыс. работ, касающихся военных усилий Польши и поляков в годы второй мировой войны /В 3 журналы за 1990 г. упоминает 21,7 тыс. титулов, но они фиксируют и издания ввв Польши/.

ти в стране.

Изучение движения Сопротивления началось в Польше буквально с его зарождения³. В послевоенные годы можно выделить следующие этапы развития историографии: 1945-1948 годы, 1949-1955, 1956-1968/1970, и 70-80-е годы. Новый этап начался с конца 80-х годов. Все они тесно увязывались с общеполитической обстановкой в стране и отражали происходившую в ней политическую борьбу.

Первые три послевоенных года характеризовались комплектованием архивов, восстановлением книгохранилищ, формированием исторических кадров. Издававшаяся литература /17 позиций/ касалась в первую очередь режима оккупации, дополняли ее соответствующие сборники документов. 5 имевшихся исторических журналов публиковали статьи, основанные еще на изысканиях в годы оккупации. Научная ценность литературы этого периода была невелика. Преобладала публицистика, но эти работы побуждали к новым исследованиям и дискуссиям. Характерной чертой тогдашних публикаций был их альтернативный характер, отражавший взгляды активно действовавших в стране различных политических, в том числе оппозиционных, сил и партий.

В 1949-1956 гг. победа догматических сил в политике и экономике привела к застою в исторической науке /13 книг и 8 статей/. Тематика была сведена к исследованию части левого /ППР-овского/ крыла движения Сопротивления и к истории еврейского населения страны, прежде всего его уничтожения гитлеровцами. Последний аспект исследований активно разрабатывался все послевоенные годы, чему способствовало создание Еврейского исторического института. В эти же годы разворачивалась деятельность созданного Института истории партии при ЦК ПОРП и проводилась активная комплектовка архива при нем. Материалы архива послужили впоследствии усиленному развитию изучения истории Польской рабочей партии /ППР/ и ее вооруженных отрядов Гвардии Людовой /ГЛ/, а также Армии Людовой /АЛ/ - вооруженных сил Крайовой Рады Народовой /КРН/. То есть того

крыла сопротивления, которое возглавляла ПНР.

Изучение особенно до 70-х годов было направлено на доказательство эдущей, руководящей, определяющей роли ПНР в освободительном движении. При замалчивании деятельности второго антигитлеровского лагеря движения Сопротивления – эмигрантского правительства и представлявших его в стране сил – это вело к искажению истинной картины национально-освободительной борьбы в Польше.

Наступавшая в середине 50-х годов "оттепель" привела к оживлению деятельности союзнических партий и появлению исторических исследований, проводимых учеными, примыкавшими к Объединенной крестьянской /людовской/ и Демократической партиям. Был создан Институт истории крестьянского движения. Стали выходить его ежегодники – "Рочники дзейув руху людowego" /Ежегодники истории крестьянского движения/. Существенной частью разрабатывавшейся этим институтом тематики стало изучение деятельности Батальонов Хлопских в 1940–1944 гг. и борьбы всего людовского^х движения против гитлеровских оккупантов.

Активизировалась историческая комиссия Демократической партии, издававшая "Историко-политические тетради". Были созданы новые исторические журналы. Более широко история движения Сопротивления была представлена в журналах: "Войсковы шпеглонд хисторычны" /Военно-историческое обозрение/, "З поля вальки" /С поля битвы/, "Дзейе найновше Польски" /Ювейшая история Польши/, в упомянутых уже "Ежегодниках истории крестьянского движения", а также "Заране Сьлеьске" /Рассвет Силезии/. Всего же работы по движению Сопротивления публиковались в 47 научных, общественных и региональных журналах и изданиях.

Историки ПОРП в эти годы издали основные документы по истории Польской рабочей партии, материалы командования Гвардии Людовой и Армии Людовой. Центральные партий-

^х Здесь и далее людовское движение – синоним крестьянского движения.

ные органы ПОРП планомерно стимулировали исследования в области движения сопротивления, советско-польского сотрудничества в борьбе против фашизма /работы В.Тури, М.Охневича, Ю.Тобиаша и др./. Учреждение наград имени Александра Завадского /деятеля польской эмиграции в СССР, затем президента Польши/ и публикации работ дипломников и аспирантов /магистерских и докторских работ/ по указанной тематике - все это способствовало разработке темы антифашистского сопротивления: в 1956-1970 гг. по теме вышли 238 книг и 308 статей.

Характерной чертой этого этапа явилось начало всестороннего изучения движения по регионам, в первую очередь в основных центрах партизанского движения в Польше - Люблинском и Келецком воеводствах, а также Сопротивлении в Варшаве. Комплексное изучение борьбы в Люблинском воеводстве, давшее многие тома документов и десятки монографий, показало характерную тенденцию перехода от изучения истории деятельности одной партии и ее военных отрядов, к выявлению всех компонентов и субъектов освободительной борьбы - Батальонов Хлопских, Армии Крайовой, к показу позиции населения⁴. Этим же путем шел позже Р.Лазаревич, Б.Хиллебрант и другие, изучавшие Келецкий округ. Р.Лазаревичу принадлежит одна из немногих монографий, раскрывающая в обобщенном виде концепции борьбы с оккупантами и политическую суть программ и деятельности основных течений антигитлеровского подполья⁵.

Изучение истории Армии Крайовой, военных отрядов эмигрантское правительство начали в самой Польше историки - марксисты. /До этого публиковались в католических издательствах в основном мемуары/. Исследование людского движения, начатое в конце 40-х годов его непосредственными участниками, велось в основном силами историков Объединенной крестьянской партии, часто в сотрудничестве с историками рабочей партии.

Третий период /1956-1970 гг./ характеризовался появлением в начале 60-х годов ряда монографий и созданием группой авторов первого синтетического труда "Освободите-

льная борьба польского народа в 1939-1945 годах⁶, не утратившего своего научного значения до наших дней. Конец периода ознаменовался появлением монографий "второго поколения" и попыток осмысления всего исторического процесса, но пока на уровне научно-популярных работ, созданных в основном историками ПОРП /А. Пшигоньский, В. Тушаньский и др./. В эти годы началась работа над обобщающей серией "Польские военные действия во второй мировой войне". Задуманная в 1958 г., она готовилась трудно и долго. К 1973 г. вышли лишь два тома - библиография проблемы за 1939-1967 гг. и том о Народной Войске Польском. Предпоследний том издан только в 1988 г. Это уже упоминавшийся третий том серии под заглавием "Польское движение сопротивления. 1939-1945 гг." Он охватывает впервые военную /всех направлений/, политическую, общественную, культурно-просветительскую и экономическую формы сопротивления польского народа гитлеровским захватчикам.

Все больший размах приобретала публикаторская деятельность светских католических обществ и католических издательств, выпускавших работы по истории церкви в годы второй мировой войны и об Армии Крайовой менуарного плана. К этому следует прибавить активность собственно церковных историков; докторские диссертации в Люблинском Католическом университете по проблемам костела и духовенства в Сопротивлении. Создан Центр документации и общественных исследований, занимающийся религиозной жизнью в Польше при оккупации. "Христианское студенческое сплочение" также издало работу об участии католического духовенства в борьбе за независимость Польши в годы второй мировой войны. В целом на книжном рынке всегда присутствует литература католических издательств "Такс" и "Знак". Их тиражи /20-30 тыс. экземпляров/ преобладали издания ПОРП "Косышка и ведза" и издательства Министерства национальной обороны. Некоторые книги католических издательств имели до 20 переизданий.

Польская историография 70-х лет имела в определенной мере переходный характер. Заданные в их начале работы

несли еще отзвуки "оттепели". Польские официальные историки стали более равномерно и разносторонне подходить к изучению всех составных частей движения Сопротивления. Наблюдался количественный рост публикаций /более 4500 книг и статей/, появление новых исследовательских центров, занимавшихся проблематикой движения сопротивления. Возросла активность региональных исторических институтов. К Варшаве, Кракову, Вроцлаву присоединились Люблин, Белосток. Выросли кадры в Гданьске, Ополе, Зеленой Гуре. Соответственно этому расширилась и география изучаемых районов: Поморье, Бескиды, поляки на Одре и Балтике, т.е. стала изучаться антифашистская борьба в районах, присоединенных к Германии и позиция автохтонного населения Западных земель /работы Я.Каньки, А.Дашкевича, А.Филара, В.Лемеша, В.Стулевского, К.Чехановского, В.Ястшембского, Я.Шилинга, Б.Борка и других/.

Однако в целом изучение Поморья и других районов Польши, непосредственно включенных в Третий Рейх /кроме Силезии/, отстает от степени изученности территории генерал-губернаторства /центральных и восточных воеводств Польши/.

Официальная марксистская литература значительное внимание продолжала уделять проблематике "дондовского лагеря" в движении Сопротивления, а также гражданским формам борьбы польского народа против гитлеровских оккупантов — экономической, пропагандистской, профсоюзной, тайному обучению, борьбе за сохранение польской культуры и т.д. Из 293 книг, изданных в 70-е годы, 129 касалось партизанской борьбы /исследования ее перешли уже с уровня воеводств и повятов на конкретные города, даже городские районы, отдельные деревни или отряды/.

В целом положительная тенденция расширения изучения различных направлений движения Сопротивления объективно вела к увеличению показа вклада в борьбу представителей лагеря эмигрантского правительства, поскольку именно ему принадлежало первенство в невооруженных формах борьбы.

оно располагало культурными и идеологическими кадрами. Этой тематике посвящали свои работы авторы всех политических направлений⁸. Усилилось и дифференцировалось изучение отдельных политических течений в Сопротивлении, их политических программ будущей Польши /Р. Назаревич, А. Войтас, Я. Кантыка, М. Малиновский, М. Вечорек, Я. Имитрук и др./. При этом особенно активно изучалось крестьянское движение. Обобщающие работы имеются по истории католической церкви в годы оккупации, что важно в связи с ростом в ту пору религиозности общества⁹. Расширение тематики исследований вызвало характерное для второй половины 70-х годов явление значительного роста тиражей научной и особенно научно-популярной литературы.

В 70-е годы появились монографии об участии поляков в освободительной борьбе других народов, а также вкладе их представителей в польское движение Сопротивления. Кроме традиционного внимания к участию поляков во французском и бельгийском Сопротивлении и продолжающегося изучения польско-чехословацких связей возникла тема взаимоотношений поляков и венгров в годы войны.

Тема советско-польского боевого сотрудничества появилась еще в подпольной печати ШПР в годы немецко-фашистской оккупации. После июля 1944 г. она усиленно развивалась в марксистской литературе /работы В. Турн, С. Окенцкого, М. Юхневича, Ю. Тобиаса, В. Тушиньского и др./ все последующие годы вплоть до начала 80-х годов¹⁰. Советско-польскому боевому сотрудничеству посвятили свои работы М. Гизтовский, И. Пачинская, Р. Назаревич. Отдельные его аспекты, в частности, касавшиеся деятельности Союза польских патриотов в СССР, раскрывала Э. Сыздек и З. Кумось. Большинство работ о советско-польском политическом и военном сотрудничестве, выходявших на рубеже 80-х годов и в первой их половине, до массового читателя однако не доходило: они издавались тиражами 300-700 экземпляров "малой полиграфией" /например, работы Слюсарчика/. Постепенно к концу 80-х годов такого рода работы все более заменялись пропагандистскими брошюрами Идеологического отдела

ЦК ПОРП. Хотя часть их была написана достойными историками, к науке эта литература отношения не имела.

Конец 70-х годов ознаменовался превращением исторической науки, и в частности, изучения истории Сопротивления, в поле политической борьбы, развернувшейся в польском обществе. Историческая наука не только отражала эту борьбу, но и, учитывая роль истории и историков в общественном развитии Польши, сама активно на нее влияла. В историографии борьба, пожалуй, началась вокруг работ Терен об Армии Крайовой и партии Стронництво народове^{II}.

Общественные процессы в свою очередь сказались на развитии исторической науки и историографии /определенных ее направлений/. Например, обозначились признаки свертывания деятельности некоторых ранее успешно работавших центров /Люблинское и др./ По объективным и субъективным причинам уменьшилось число работ по истории ПНР. Сначала это было следствием исчерпания в определенной мере источниковой базы, скудной по условиям оккупации. Затем начали сказываться и другие факторы, о которых речь пойдет ниже.

В то же время именно в этот период читательский рынок стал все более насыщаться неподцензурными книгами так называемого самиздата. Это были книги польских авторов, выступавших против линии, диктуемой ПОРП, и созданного ею образа движения Сопротивления, а также и перепечатка многочисленной эмигрантской литературы, выходившей из-под пера представителей "лондонского лагеря". В основном преобладали здесь история "лондонского лагеря", а также антикоммунистическая тематика, разоблачение вольных или невольных ошибок ПНР /хотя не жаловался и весь левый лагерь/, главным образом в связи с его взаимодействием с Советским Союзом. Эти тенденции, усилившиеся в самом начале 80-х годов, стали несколько менее заметными в середине этого десятилетия, но вновь ярко вспыхнули к его концу.

В легально издававшейся литературе не было откровен-

но антисоветских выпадов /в 80-х годах их не пропускала цензура/, но историческая публицистика с ее острым тоном и "самоиздатовская" литература уже с конца 70-х годов повели кампанию не только против сталинизма, но и против Советского Союза, КПСС, используя для этого обычно так называемые "белые пятна" истории /пакт Риббентроп - Молотов, депортации поляков в СССР, Катынь, проблему Армии Крайовой и т.д./. Эти темы были табу для официальной польской равно как советской историографии, что создавало существенно деформированную картину советско-польских отношений и не позволяло объяснить многое из того, что касалось отношений правительства СССР с польским эмигрантским правительством и его вооруженными отрядами /Армией Крайовой/, а также причины не только отсутствия контактов, но и противостояния на польско-советском участке антигитлеровской коалиции и движения Сопротивления.

В 80-е годы расцвел жанр исторических биографий политических деятелей, превратившийся также в поле политических баталий. Его расцвету помимо уже отмеченного истощения архивов по конкретной боевой деятельности способствовали поиски новой тематики при росте "качества" исторического мастерства /биографический жанр труден/ и юбилейные даты: столетие со дня рождения В.Сикорского - первого премьер-министра эмигрантского правительства /работы Б.Вапиньского, О.Терлецкого, В.Копальской/ и С.Ровешко - командующего Армии Крайовой /работы А.Хмеля, Т.Шароты и др./, 90-летие М.Роли-Жимерского, командующего Армией Людовой. Обзор работ биографического жанра показывает, что еще задолго до начала 80-х годов будущие идеологи и деятели Солидарности и католические издательства начали поставлять на книжный рынок жизнеописания довоенных и военных лет буржуазных лидеров. В 1980-1981 гг. все вышедшие из печати политические биографии были посвящены деятелям лондонского лагеря: последнему командующему Армией Крайовой Л.Окулицкому и создателю организации "Гриф" в Поморье Ю.Домбеку.

Работы о видных деятелях ПНР и Гвардии Людовой /М. Говотко, П.Финдере, Ф.Изъвяке/, написанные Н.Коломейчиком, С.Тополем, З.Якубовским, приходится на 70-е годы. Исключением являются работы о В.Гомулке Е. и Б.Сыздков и А.Верболяна¹², опубликованные в 80-е годы.

В 1982 г. вышла работа Л.Пастусяка об А.Рапанком, деятеле ППС, практически единственная о деятелях этой партии¹³.

Интересны работы о лидерах людовцев В.Витосе и В.Ковальском, написанные А.Закшевским, и З.Хеммерлингом, а также о членах этой партии и бойцах Батальонов Хлопских.

На рубеже 80-90-х годов на историческом фронте Польши появились тенденции определенного падения не только тиражей, но и числа титулов книг по национально-освободительной борьбе, особенно касающихся его крыла, руководимого ПНР. Это следствие многих разнородных и разнохарактерных причин, как субъективного /ушли из жизни или отошли от активной работы ряд историков, занимавшихся проблематикой войны/, так и объективного плана /рост издательского риска в условиях рыночных отношений/; резкое снижение интереса к проблемам рабочего движения, обусловленное политической обстановкой, трудности в подготовке новых кадров и сокращение возможностей научного роста имеющихся кадров/.

Самороспуск ПОРП, ликвидация исследовательских центров, переориентация тематики или закрытие институтов, ранее занимавшихся историей движения Сопротивления, в значительной степени лишили историков-марксистов организационной и материальной поддержки. В историко-публикаторской деятельности других идеологических центров кризиса не наблюдалось.

Теперь — конкретно о степени изученности кардинальных проблем истории Польши в годы второй мировой войны: нацистского оккупационного режима и борьбы против него двух антигитлеровских лагерей польского движения Сопротивления, их социально-политического профиля.

Первые польские работы 40 – начала 50-х годов о режиме оккупации, подсчитывавшие только материальные и людские потери Польши, к 60–70-м годам сменились фундаментальными работами Ч.Мадаичика и Ч.Лучака, стремившимися раскрыть суть фашизма и его политики. Вокруг Ч.Лучака в Познани создавалась школа историков-экономистов, которые занимались не только военной экономикой Германии, но и активно включали в этот механизм человека – военнопленного, подневольного рабочего, вывезенного из Польши, СССР и показывали его противодействие гитлеровской военной машине. Документальная база "экономической" истории пока не исчерпана и имеет к тому же большие ресурсы в архивах Германии, доступных польским исследователям. После определенного зстоя в изучении истории гитлеровского режима в начале 80-х годов появились работы, объемом представлявшие экономическую политику Германии в оккупированной Польше¹⁵, положение рабочего класса и крестьянства в годы войны /работы А.Сулика, С.Медуцкого, Б.Ратиньской, С.Сенфта, К.Пшибыша, М.Вальчака, П.Матусяка/. Другой стороной "гуманистической" струи в изучении режима оккупации стало стремление показать человека в мировом катаклизме /дети, молодежь, женщины в системе оккупации, публикация мемуаров "простых" людей/, выявить с помощью историков и всей общественности поименно все жертвы и павших в Польше воинов Красной Армии¹⁶. С этим связано и переосмысление общих потерь Польши в 1939–1945 гг. Произвольно названная еще в 1942 г. цифра 6 млн. погибших и депортированных снизилась до более реальной – 4,5 млн. человек /М.Турлейска/. Но при этом не вычленяются потери на собственно этнических польских землях. /Польская историография изучает Польшу в границах 1921 г./.

Появилось стремление юридически и документально исследовать "правовой" аспект режима оккупации в Польше, нарушения гитлеровцами собственных же законов. Опубликованы работы, показывающие в борьбе вторую сторону – гестапо, полицию. Польские ученые исследовали оккупационные

режимы и в других европейских странах. Здесь вновь надо отметить работы Ч.Мадайчика¹⁷.

Принципиальная характеристика лондонского лагеря польского эмигрантского правительства, наиболее сильного и влиятельного крыла антигитлеровской освободительной борьбы, дана в работах Е.Я.Терея и Е.Дурачинского¹⁸. Концепции внешней политики в отношении к Советскому Союзу исследованы Я.Сльсарчиком¹⁹, история и деятельность Армии Крайовой Е.Я.Тереем²⁰, Ц.Хлебовский изучал деятельность АК на территории, вошедшей в 1939 г. в состав СССР, и далее на восток в рамках операции "Веер" /"Вахляж"/²¹. Имеется ряд работ по отдельным регионам. Плохо изучена история партий "лондонского" лагеря, особенно буржуазных партий Стронництва народowego и Стронництва праши. Их историография насчитывает буквально одну - две работы, имеющие к тому же широкий хронологический охват²². То же относится к работам по истории некоторых примыкавших к "лондонцам" организаций²³.

Историю распавшегося на отдельные течения социалистического движения в Польше можно отнести к "белым пятнам". Это касается как организации "Вольность, рубность, неподлежность" /ВРН/, входившей в "лондонский" лагерь, так в еще большей степени Рабочей партии польских социалистов, перешедшего в лагерь, руководимый Польской рабочей партией /работы Я.Кавьки, Я.Томицкого, С.Чесельского/. О ПИС есть упоминания в отдельных региональных работах/²⁴.

Ту же неизученность можно констатировать относительно партий и организаций, в основном средних слоев города, объединявшихся в 1944 г. в Центральный народный комитет /ЦНК/, в том числе и партии Стронництво демократyczne.

Стронництво демократyczne /как и Стронництво праши/ в годы войны не имело вооруженных отрядов, поэтому существуют только работы о политической деятельности партии и серия книг об истории СД в отдельных воссоединениях скорее научно-популярного характера²⁵.

Примечательным явлением в польской историографии последних лет стал широкий выход в свет книг историков, связанных с Объединенной крестьянской партией. Этому способствовала деятельность Института истории крестьянского движения при Главном управлении ОКП. Издана популярная История польских крестьян, третий том которой охватывает 1918-1945 годы /1980/. Проведено исследование политических позиций крестьянства в генерал-губернаторстве, деятельности людовской /крестьянской/ партии, ее концепции преобразований в будущей освобожденной Польше /работы А.Войтаса, К.Пшибыша, С.Домсровского/. Исследованы причины и механизм раскола крестьянского движения и переход части его уже в начале 1944 г. в лагерь ППР -/монография А.Войтаса/²⁶. На основе конкретных исследований, посвященных развитию людовского движения в отдельных регионах /работы З.Томчонека, Ю.Шафлика, К.Пшибыша, Я.Гмитрука, Я.Ягелло, А.Фитовой/ Институт истории крестьянского движения издал общую историю Батальонов Хлопских²⁷.

Таким образом можно констатировать, что в "лондонском" лагере основательно изучены боевая деятельность Армии Крайовой и Батальонов Хлопских, а также политическая деятельность крестьянского движения, как оставшегося в лондонском лагере, так и перешедшего в лагерь КРН и ППР.

Что касается второго лагеря польского национально-освободительного движения, слитившегося вокруг ППР, то тут достаточно изучены проблема формирования Национального демократического фронта и его организационного центра - Крайовой Рады Народовой /в первую очередь работы А.Пшигоньского/²⁸, а также история самой ППР как в целом, так и на региональном уровне /работы М.Малиновского и Я.Коломейчика, Я.Наумюка, Е.Ольшевского и других/²⁹.

Продолжалось изучение боевой деятельности ППР, Гвардии и Армии Людовых в основных партизанских районах и в целом по стране. Тут следует отметить ряд монографий М.Вечорка³⁰. В 80-е годы получило дальнейшее развитие ис-

следование молодежного движения/харцерского/ а также истории "Союза борьбы молодых", организации идеологически связанной с ППР /работы Ч.Козловского и Б.Хиллебранта/³¹,

Польская рабочая партия и ее военные отряды принципом своей борьбы в годы войны ставили взаимодействие и союз с СССР и его вооруженными силами. СССР и его армию ППР считала не только боевым союзником против фашизма, но и классовым союзником в борьбе за власть в освобожденной Польше. Но в настоящее время исследование советско-польских связей, традиционное для польской литературы, замерло³².

Таким образом, что касается лагеря ППР-КРН, то можно констатировать достаточную изученность истории самой ППР как в целом, так и на региональном уровне, Крайовой Рады Народовой, а также боевой деятельности Гвар.ли и Армии людowych. При относительной изученности рабочего и крестьянского движения альтернативные их политические направления - социалистическое и лево-радикальные движения - исследованы слабо. Постоянные связи представительства правительства в Польше и командования Армии Крайовой с Лондоном, деятельность самого правительства отражены в богатых архивных фондах, что позволило издать за рубежом интересные научные документальные сборники. В первую очередь здесь надо отметить пятитомник документов Армии Крайовой³³, двухтомник документов по истории советско-польских отношений и издание переписки посла в СССР С.Кота с премьер-министром В.Сикорским³⁴, архива С.Кота.

Центрами эмигрантской полемистики являются Институт имени В.Сикорского в Лондоне, Институт имени Ю.Пилсудского в Нью-Йорке и издательство "Культура" в Париже, которое издает периодические кварталники "Зешити хисторичне" /"Исторические тетради"/. В США выходит "Полиш ревью" /"Польское обозрение"/. Здесь систематически печатаются статьи по периоду второй мировой войны, в основном, касающиеся деятельности лагеря эмигрантского правительства и стоявших правее него группировок подполья, в частности -

ти, народных сил збройных. Последнее время одним из ведущих авторов этой тематики был Семашко. Работы, публикуемые в указанных журналах, во многом основаны на воспоминаниях. Фонд десятков тысяч воспоминаний, собрание которых началось еще в СССР в польской армии под командованием Андерса, питает и книжную продукцию. Создают ее правые деятели сапации, христианской демократии, социалистического движения. Значительное место занимают работы деятелей людовского /крестьянского/ движения³⁵. Они едины в антисоветизме, восхвалении своих военных и политических улий в борьбе против фашизма, в отрицении подобного рода зводуг у Гвардии и Армии Людовых, которые иногда просто обвиняются в сотрудничестве с оккупантами. Отрицаются какие-либо корни у власти КРП-ШР в самой Польше, а акт 22 июля 1944 г. объявляется откровенным экспортом революции. Работы польских эмигрантов составляют до трех четвертей и более всех изданий по польской тематике, печатающихся на западе. Преподавателями университетов в США, Великобритании и Франции по проблематике Польши и славянских стран в основном являются выходцы из Польши. Эмигрантские историки первыми начали создавать синтез политической истории Польши XX в. с особым упором на период войны /автор - сатирический историк В.Нобуг-Малиновский³⁶. Они же начали создавать и обобщающую серию трудов о вооруженных силах Польши в годы второй мировой войны, их вкладе в усилия антигитлеровской коалиции³⁷. В отличие от работ первых послевоенных лет /например, В.Нобуга-Малиновский/, когда в угоду проводимой идее допускалась прямая фальсификация, это продолжающееся издание приобретает все более спокойный научный характер. В настоящее время наблюдается кризис историографии "сентрической" /1939 г./ эмиграции. Вызвано это несколькими причинами, в частности, смертью ее организаторов /генерала Л.Кукеля/ и виднейших представителей, таких как В.Нобуг-Малиновский, Т. Комарницкий и другие. Молодые и среднего поколения историки польского происхождения все более сближаются с соответствующими историческими школами стран своего пребывания

ния. Чувствуется и здесь истощение эмигрантских архивных фондов. Видимо, в связи с этим при написании работ началось использование советской литературы и публикаций /крайняя польская литература этого практически не делала/, издавая Польшу, появился интерес к материалам архивов и книгохранилищ Польши и СССР.

В 60-е годы возобновилась публикация после 1956 г. практика публикации в Париже или Лондоне работ историков и публицистов, оппозиционных ЮРП и властям ПНР. С конца 30-х годов эта литература переиздается в Польше или сразу там публикуется /как было, например, с работами К. Керстен/ ³⁹. Диапазон политических мнений в историографии Сопротивления необычайно расширился. Поступают и имеют преимущество правые течения, проследившие в национальной истории только силы, которые составляли лагерь эмигрантского правительства: одни — лишь Армия Крайова, другие — лишь Батальоны Хлопске.

С 1930 г. день Войска Польского перенесен на 15 августа — день "чуда на Висле" — разгрома советских войск под Варшавой в 1920 году. А вот тот же процесс, что в 50-е годы, но с обратным знаком. Преимущество в манипулировании общественным сознанием отдано снова публицистике. Историческое сознание поляков сформировалось в основном в первой половине XIX века и с той поры не подвергалось принципиальным изменениям: поляки до войны, которому извечно угрожают две силы — Германия и Россия — СССР. Все, что противоречит в истории этим утверждениям отвергается.

В публицистике ныне эти мифы и клише трансформировались в открытое русофобство: есть один источник зла — Россия — Советский Союз. Многие авторы "заговяли" против кого вели в 1939—1945 гг. борьбу объединенные нации, многие жертвы понес польский народ в годы немецко-фашистской оккупации. Повесть о новых политических реалиях в Европе, возможность объединения Германии /теперь уже ставшая реальностью/ вызывают воспоминания о фашистской угрозе славянству, правда в основном у авторов, чья ближайшая история — фашизм ⁴⁰.

В каком направлении пойдет дальнейшее развитие польской исторической науки, пока судить трудно. Это определит развитие политических событий в стране и мире. Пока же можно констатировать, что при общей обилии литературы по периоду 1939-1945 гг. нет целостной картины антигитлеровского подполья. В изучении истории движения Сопротивления после 1956 г. шедшего под лозунгом "Кровь не делим", преобладают показ различных форм борьбы против фашистов на материале в отдельных местностях и регионов.

При всех достижениях польской историографии в изучении военных форм борьбы Армии Крайовой, Батальонов Хлопских, Гвардии Людовой и Армии Людовой против немецко-фашистских оккупантов, еще не написана всесторонняя политическая история Польши 1939-1945 гг.⁴¹

P R I M E C A N I A

1. Wojskowy przegląd historyczny. 1987. № 3. S.92.
2. Polski czyn zbrojny w drugiej wojnie światowej. Polski ruch oporu. W-wa. 1988. S.5.
3. Polski czyn zbrojny. Bibliografia wojny wyzwolenczej narodu polskiego 1939-1945. Problematyka wojskowa. Materiały z lat 1939-1967. T.6. W-wa. 1973. Wojskowy przegląd historyczny. № spec. Bibliografia zawartości 1956-1986.
4. Mankowski Z. Między Wisłą a Bugiem 1939-1944. Studium o polityce okupanta i postawach społeczeństwa. Lublin. 1978.
5. Nazarewicz R. Drogi do wyzwolenia. Koncepcje walki z okupantem w Polsce i ich treści polityczne. 1939-1945. W-wa. 1979.
6. Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939-1945. Więzienne problemy. Wyd.2. W-wa. 1966.
7. Sułewski W. Polacy nad Odra i Bałtykiem w walce z Trzecią Rzeszą (1939-1945). W-wa. 1975.
8. Głębocki W., Morawski K. Kultura walcząca 1939-1945. Z dziejów literatury polskiej w okresie wojny i okupacji. W-wa. 1985; Jaworska J. Polska sztuka walcząca 1939-1945. W-wa. 1985; Plesniarski B. Koncepcje oświaty powojennej w programach polskiej konspiracji 1939-1945. W-wa. 1982.
9. Życze religijne w Polsce pod okupacją hitlerowską 1939-1945. W-wa. 1982; Fijałkowski Z. Kościół katolicki na ziemiach polskich w latach okupacji hitlerowskiej. W-wa. 1983; Zerosławski Cz. Katolicka myśl o obojętności. Ideowopolityczne koncepcje klerykalnego podziemia 1939-1944. W-wa. 1987.
10. Gnatowski M. Białostoczyna w latach wojny i okupacji hitlerowskiej ; Juchniewicz M. Na wschód od Bugu. Polacy w walce antyhitlerowskiej na ziemiach ZSRR 1941-1945. W-wa. 1985; Tobiasz I. Na tyłach wrogów: Obywatele radziecy w ruchu oporu na ziemiach polskich. 1941-1945. W-wa. 1972; Gnatowski M. Puszcza Białowieska była ich domem: Zarys dziejów partyzanckiej Brygady "W imię Ojczyzny". W-wa. 1979; Pilar Alfons. Za pasem broni: z dziejów ruchu oporu na Podhalu. W-wa. 1980; Dega Cz. W lesie i na froncie. W-wa. 1981; Nazarewicz R. Razem na tajnym froncie. Polsko-radzieckie współdziałanie wywiadów w latach II wojny światowej. W-wa. 1983; Słusarczyk Y. Zagadnienie sojuszu polsko-radzieckiego w programach i działalności lewicy polskiej w latach 1941-1945. Wrocław. 1981.
11. Terej J.-J. Na rozstajach dróg. Ze studiów nad modelem i obliczom Armii Krajowej. Wr., 1978.
12. Syzdek E. Syzdek B. Polityczne dylematy Władysława Gomułki. W-wa. 1985; Werblan A. Władysław Gomułka. Sekretarz generalny PZK. W-wa. 1988.
13. Pastusiak L. Adam Rapacki (1909-1970). W-wa. 1982.

14. Kisiielewski T. Heroizm i kompromis. Portret zbiorowy działaczy ludowych. W-wa. 1979. Cz.2.
15. Luczak Cz. Polityka ludnościowa i ekonomiczna hitlerowskich Niemiec w okupowanej Polsce. Poznan. 1979; Ibid. Od Bismarka do Hitlera. Polsko-niemieckie stosunki gospodarcze. Poznan. 1988; Walozak M. Walka ekonomiczna narodu polskiego 1939-1945. W-wa. 1983.
16. Wykaz poległych w II wojnie światowej żołnierzy i partyzantów Ziemi Gdanskiej oraz uczestników oporu zmarłych i pomordowanych w hitlerowskich obózach i więzieniach; Żołnierzy radzieccy polegli nad środkową Odrą; praca zbiorowa. Zielona Góra. 1982.
17. Madajczyk Cz. Faszyzm i okupacja 1938-1945; wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europie. Poznan. 1983-1984. T.1-2; Międzynarodowa sesja naukowa p.t. Hitlerowskie ludobójstwo w Polsce i Europie 1939-1945. W-wa. 14-17 kwietnia 1983. W-wa. 1983.
18. Terej J.-J. Koncepcje ustrojowe obozu londyńskiego. W-wa. 1978; Duraczynski E. Kontrowersje i konflikty 1939-1941. W-wa. 1979; Ibid. O przyszłość Polski. 1939-1945. W-wa. 1985.
19. Slusarczyk J. Polityka rządu generała Sikorskiego wobec ZSRR. W-wa. 1985.
20. Terej J.-J. Na rozstajach dróg. Ze studiów nad obliczem i modelem Armii Krajowej. W-wa.-Wr. 1978.
21. Chlebowski C. Wachlarz. Monografia wydzielonej organizacji dywersyjnej Armii Krajowej. Wrzesień 1941 - marzec 1943. W-wa. 1983; Caban J., Mankowski Z. ZWZ i Armia Krajowa w okręgu lubelskim 1939-1944. Cz.1-2. Lublin. 1971; Korab-Żebryk B. Operacja wileńska AK. W-wa. 1985.
22. Terej J.-J. Rzeczywistość i polityka. Ze studiów nad dziejami Narodowej Demokracji. W-wa. 1979.
23. Ciechanowski K. TOW. Gryf Pomorski. Gdansk. 1972.
24. Kantyka J. Burzliwe lata. Z dziejów ruchu socjalistycznego na Śląsku i w Zagłębiu Dąbrowskim w latach 1939-1948. Kr., 1977.
25. Wojskiński H. Stronnictwo Demokratyczne w latach II wojny światowej. W-wa. 1980; Andrusiewicz A. Stronnictwo Pracy 1937-1950. Ze studiów nad dalejami najnowszymi okupacji w Polsce. W-wa. 1984.
26. Wojtas A. Kryzys programu i polityki ROCHA. Powstanie SL-Wola Ludu. 1943-1944. W-wa. 1976; Ibid. Działalność polityczna ludowców w okresie II wojny światowej. T.1-2 W-wa. 1979-1988.
27. Przybylski K., Wojtas A. Bataliony Chłopskie. T.1; Geneza, rozwój struktury organizacyjnej; T.2; W walce z okupantem; T.3; O kształt społeczno-polityczny Polski. W-wa. 1985-1986.
28. Krajowa Rada Narodowa. Wr., 1976; Protokół z pierwszego posiedzenia Krajowej Rady Narodowej. W-wa. 1983; Przygórski A. Strategia Frontu narodowego PPR. W-wa. 1975.
29. Kolomojczyk M., Malinowski M. Polska Partia Robotnicza

- 1942-1948. W-wa. 1986; Olszewski E. PPR na Lubelszczyźnie. 1942-1948. Lublin. 1979.
30. Wieszczorek M. Armia Ludowa; Powstanie i organizacja. 1944-1945. W-wa. 1979; Ibid. Czyn zbrojny PPR w latach 1942-1945. W-wa. 1982; Ibid. Armia Ludowa. Działalność bojowa 1944-1945. W-wa. 1984.
 31. Kozłowski Cz. Zarys dziejów ZWM. W-wa. 1980; Hillebrandt B. Kospiracja młodzieży w okupowanej Polsce. W-wa., 1985.
 32. Pamięć wspólnej walki; Książka poświęcona bohaterskiej walce narodów Związku Radzieckiego i Polski w czasie II Wojny Światowej. W-wa. 1989.
 33. Armia Krajowa w dokumentach. T.1-5. L., 1970-1976; Documents on polish-soviet Relations. V.1-2. L., 1961-1968.
 34. Kot S. Listy z Rosji do gen. Sikorskiego. L., 1950.
 35. Buczek R. Stronnictwo Ludowe w latach 1939-1945. Organizacja i polityka. L., 1975.
 36. Pobóg-Malinowski M. Najnowsza historia polityczna Polski. T.3. L., 1949.
 37. Polskie siły zbrojne w drugiej wojnie światowej. T.3. Armia Krajowa. L., 1950.
 38. PSZ w drugiej wojnie światowej. T.I Kampania wrześniowa 1939 roku. Cz.4. Przebieg działań od 15 do 18 września. L., 1986.
 39. Kersten K. Narodziny systemu władzy; Polska. 1943-1948. Paris. 1986.
 40. Borejsza G.W. Antyślawizm Adolfa Hitlera. W-wa. 1988.
 41. Подробнее см.: Парсаданова В.С. Литература о боевом сотрудничестве советского и польского народов // Советское славяноведение. 1965. № 3; Она же. Историография второй мировой войны. Польская Народная республика // История Великой отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. М., 1965. Т.6; Она же. Основные направления изучения в ПНР проблем антифашистской национально-освободительной борьбы // Современная зарубежная историография Антифашистского движения Сопротивления и борьба против японского милитаризма в годы второй мировой войны. Реферативный сборник к 16 международной конференции историков. Штутгарт. 1985. М., 1985.

ЧЕХОСЛОВАКИИ: ДВУХДЕСЯТИСОЛЕТНЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ

В чехословацкой историографии нет пока обобщающего труда по истории антифашистской национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов в годы второй мировой войны. Дважды делались попытки создать такой труд, но обе не увенчались успехом. Первой положил конец "август 1968 г.", на 20 с лишним лет затормозивший развитие "пражской весны", второй - "нежная революция" осени 1989 г.

Тем не менее с полным основанием можно утверждать, что тема антифашистской борьбы в годы второй мировой войны всегда находилась на магистральном направлении развития чехословацкой исторической науки. Многие аспекты этой темы рассмотрены в тысячах статей и сотнях книг чешских и словацких исследователей. Попытки историографического анализа существующей литературы немногочисленны, фрагментарны и в большинстве своем весьма идеологизированы и политизированы, исключая, пожалуй, период 60-х годов.

Объем статьи не позволяет дать развернутую и подробную картину состояния чехословацкой историографии вопроса. Цель обзора - наметить этапы разработки проблемы, показать отличительные черты и преемственность в подходе к ее изучению.

Итак, на сегодняшний день автору видятся четыре этапа в разработке темы чехословацкого Сопротивления, каждый из которых имел свои методологию и направленность исследования. Хронологически они выглядят примерно следующим образом: первый - от освобождения страны до конца 40-х годов; второй - охватывает 50-е годы; третий - 60-е годы; четвертый /самый длинный/ - начало 70-х - конец 80-х годов. В настоящее время очевидно начинается

пятый этап. Конечно, хронологические границы этапов весьма условны, поскольку работы, характерные для одного этапа, могли появиться и на завершающей стадии предыдущего, и в начальной стадии последующего.

Замеченные этапы совпадают по существу с определенными этапными вехами истории послевоенной Чехословакии. Это так, поскольку историческая наука была частью культурной жизни страны и развивалась вместе с нею, не имея возможности и не стремясь абстрагироваться от внутреннего и внешнеполитического обстановки и испытывая на себе ее воздействие.

Обратимся к характеристике /самой общей/ каждого из обозначенных этапов. Все написанное в первые послевоенные годы о Сопротивлении не может считаться историографией в строгом смысле этого понятия. В своей основе вышедшие тогда статьи и немногочисленные книги могут быть отнесены к жанру мемуарной литературы и в меньшей степени — публицистики. Подавляющее их большинство принадлежало перу участников антифашистской борьбы как в стране, так и за рубежом. Эти работы по существу явились вкладом в источниковую базу исследования чешского и словацкого Сопротивления, только начинавшую создаваться. Их ценность для современного исследователя состоит в том, что их авторы принадлежали к различным политическим течениям, представленным в освободительном движении, и писали свои воспоминания непосредственно после войны.

Прежде всего, это богатые документальным материалом воспоминания президента ЧСР Э.Бенеша¹ и посла Чехословакии в СССР Э.Фирлингера². К достаточно крупным по тому времени работам мемуарного плана следует отнести книги /точнее брошюры/ И.Леттриха, Ю.Носко, В.Копецкого³.

Особенно большое внимание в эти первые годы было уделено истории Словацкого национального восстания /СНВ/. Со своей оценкой и воспоминаниями выступили многие его участники и современники разной политической ориентации. В газетах, журналах, сборниках были опубликованы сотни

статей, в том числе принадлежавшие словацким коммунистам К.Шмидке, Г.Гусаку, Л.Лювомескому /руководителям восстания/ В.Клементису, Ш.Баштёванскому, В.Широкому, М.Фалтяну и др., словацким социал-демократам М.Хорвату, Я.Бечко, Й.Шолтесу, деятелям словацкой Демократической партии Й.Леттриху, Я.Лихнеру, Я.Урсини /руководителям восстания/, М.Кветко, Р.Фраштяцкому, К.Фило. Неоднократно по разным вопросам СНВ выступал в печати Э.Бенеш⁴.

Источниковую базу истории чехословацкого Сопротивления пополнили в этот период издания речей и статей видных политических деятелей периода войны, например, Э.Бенеша, В.Клементиса, Г.Гусака⁵, а также сборников документов и материалов⁶. Сразу же после войны были сделаны и первые попытки написания истории СНВ⁷.

В воспоминаниях и статьях первых послевоенных лет освещалось множество самых разнообразных вопросов истории антифашистской освободительной борьбы: значение и уроки наиболее ярких ее событий, прежде всего Словацкого национального и Пражского восстаний, роль партий и отдельных их представителей, участие в борьбе различных социальных слоев и-групп населения, деятельность партизан и т.д.

Думается, что материалы по истории Сопротивления, опубликованные в первые послевоенные годы в основном участниками и современниками описываемых событий, еще не стали предметом изучения исследователей, заслужившие более фундаментальным документальным материалом, накопленным в последующее время. Эти материалы, имеющие свои плюсы и минусы, свои характерные черты, обусловленные их происхождением, составляют самостоятельный и специфический раздел источниковой базы истории освободительной борьбы чешского и словацкого народа, и заслуживают соответствующего отношения к себе. Для работ этого периода характерны фактографичность, описательность и попытка оценки. Их литература мемуарного плана по истории Сопротивления — весьма ценный и часто незаменимый

источник особенно для познания мотивов деятельности и настроений отдельных лиц, социальных групп и всего общества.

Второй из намеченных выше этапов начинается после политической победы КПЧ в феврале 1948 г., и связан со становлением и развитием "марксистской" — или, как теперь ясно, псевдомарксистской, исторической школы в это время. После февраля 1948 г. в стране де-факто была установлена политическая монополия КПЧ, хотя формально продолжали существовать "возрожденный", т.е. очищенный от политических оппонентов коммунистов, Национальный фронт. Многие из участников антифашистской освободительной борьбы были исключены из общественной жизни /в лучшем случае отстранены от активной деятельности, в худшем — репрессированы вплоть до расстрела/ или эмигрировали. Во время политических процессов по делу М.Горановой, М.Шверковой и О.Шлинта; словацких "буржуазных националистов" В.Клемента, Г.Гусака, Л.Новомеского и др.; "шпионско-диверсионного центра" во главе с Р.Слайским были осуждены /некоторые и казнены/ многие видные деятели внутреннего и зарубежного Сопротивления. Так, покончил с собой Ш.Баштванский, были расстреляны В.Клемента и генерал Г.Ника, и пожизненно заключены приговорен Л.Гусак, и 10 годом — Л.Новомеский, репрессирован Л.Свобода. Были объявлены "врагами народа" практически все, кто во время войны находился в эмиграции на Западе /как коммунисты, так и некоммунисты/ и кто, якобы, занимался шпионской и диверсионной деятельностью в пользу фашистских государств³.

В этот период европейские страны народной демократии все более "отгораживались" от Запада, в том числе от его науки и культуры, и сближались с Советским Союзом, испытывая его разрастающееся влияние на всю свою внутреннюю жизнь, включая развитие гуманитарных наук и, в частности, историографии. Воздействие советской исторической науки на чешскую и словацкую в конце 40-х —

начале 50-х годов нельзя оценить иначе, как негативное.

После некоторого "ослабления" в первые послевоенные годы советские историки начали снова испытывать "жесткий прессинг" со стороны властей, которые решили положить конец идеологической "разболтанности" и "выхлянию" ученых, осмелившихся сойти с указанной им дороги и "свое суждение иметь". Осенью 1948 г. в СССР и европейских странах народной демократии было торжественно отмечено десятилетие выхода в свет сталинского Краткого курса истории ВКП(б), который был признан образцом для подражания при написании исторических работ и кладезем марксистской мудрости. "Примером научного исследования может быть История ВКП(б)" - подчеркивалось на научной конференции, состоявшейся в декабре 1953 г. в Братиславе и посвященной Словацкому национальному восстанию⁹.

В обстановке нараставшей холодной войны, международной конфронтации, усвоения коммунистическими партиями тезиса об "обострении классовой борьбы по мере построения социализма" началось становление новой "марксистской" историографии. В Чехословакии, основной задачей которой, как она понималась тогда, было создание истории коммунистической партии как авангарда рабочего класса, противостоявшего буржуазии на всех этапах своей истории, в том числе и в период войны.

К концу 40-х - началу 50-х годов историки старшего поколения или "сошли со сцены" /некоторые - по возрасту, некоторые будучи признаны буржуазными специалистами, непригодными для решения новых задач/, или занимались проблемами более ранней истории чешского и словацкого народов. Ряд историков пополнились молодыми учеными /большинство их принадлежало к поколению тридцатилетних/, полными энтузиазма, но имевшими весьма ограниченный жизненный опыт и недостаточную подготовку /многие из них перешли в "историю" с партийной работы/. В основном они были ком. ун.стами и реализацию линии партии считали своим непосредственным долгом и святым делом. Некоторые из

них обучались в Советском Союзе и естественно впитали в себя всю "марксистскую" премудрость, вкладывавшуюся тогда в головы советских студентов. И советская действительность, и состояние дел в советской исторической науке виделись в идеализированном свете и абсолютизировались.

Нужно учитывать и чрезвычайную ограниченность источниковой базы, которой располагали тогда исследователи. Поэтому работы начала 50-х годов следует оценивать в контексте того сложного времени и с учетом всех обстоятельств их возникновения.

Основное внимание и в эти годы попрежнему уделялось истории Словацкого национального восстания, но уже под приоритетным углом зрения – руководящая роль коммунистической партии в освободительной борьбе.

Был организован Институт Словацкого национального восстания в Баньской Быстрице^х, который в 1949–1950 годах выпустил 8 небольших по объему сборников статей, воспоминаний и документов о восстании¹⁰.

В 1949 г., когда широко отмечалось 5-летие восстания, со статьями в газетах и журналах еще выступали Г. Гусак, Л. Новомеский, К. Шмидке, но с 1950 г. эти имена уже исчезли со страниц печати. После 1948 г. не публиковались и работы бывших партнеров коммунистов по антифашистской борьбе: Й. Леттрих, Я. Урсини, Я. Лихнер, М. Кветко и другие эмигрировали на Запад, а в коммунистической печати продолжала усиливаться обозначившаяся в ней еще до февраля 1948 г. "разоблачительная" тенденция по отношению к "демократам" и представителям западной буржуазной эмиграции – "бенешевцам".

В 1950 г. в рамках набравшего силу "поиска внутреннего врага строительства социализма" была развязана кампания против "словацких буржуазных националистов", к которым помимо прочих причислялись и руководители У нелегального ЦК КПС Г. Гусак и Л. Новомеский. В этом году оче-

^х В 1951 г. Институт был объединен с Институтом истории КПС в Братиславе.

редную годовщину восстания пресса обошла молчанием. Политические обвинения против "буржуазных националистов"^Х были развиты и конкретизированы руководителями КПС /К.Бацилеком и В.Широким/ в статьях и выступлениях в 1951-1953 гг. Высоко оценивая восстание само по себе, эти политические деятели /немалую роль здесь сыграли и личные амбиции и счёты/ как бы отделяли его от "предательского руководства", действовавшего вопреки интересам народа. Так, в статье К.Бацилека в апреле 1951 г. говорилось о том, что буржуазные националисты всегда поступали согласно своим концепциям и не считались с указаниями из Москвы, что они боялись массовой народной борьбы и больше надеялись на союз с представителями буржуазии, чем на действительное руководство партии в восстании¹¹. Таким образом политическая установка была дана и в духе времени подхвачена публицистами /М.Тнско/, а затем и историками /Б.Граца, М.Госиоровский/, искренними в своих заблуждениях и полагавшими, что они, являясь коммунистами, не могут выступать против линии партийного руководства. К тому же вся обстановка того времени свидетельствовала, что это было и весьма опасно. Возможно, что такая мысль даже не приходила в голову: партия верила беззаветно. "Огромной помощью и неким ориентиром для нас должны стать выступления и статьи наших руководящих партийных деятелей, в которых выражено мнение партии", - говорилось на научно-конференции, организованной Словацкой академией наук в преддверии 10-летия ССР¹². Выступавшие на конференции обвиняли "буржуазно-националистическое руководство" восстания в том, что оно искажало и фальсифицировало истинную линию освободительной борьбы в Словакии, выражаясь в политике московского руководства, что концепция "буржуазных националистов" была аналогична буржуазной, что они недооценивали народные массы и пренебрежительно относились к рабочему классу и его партии, а

^Х В апреле 1951 г. Л.Лусак был осужден на пожизненное заключение, а В.Голомеский - на 10 лет лишения свободы.

после захвата немцами Баварской Баварии дезертировали вместе с представителями буржуазии и предали борющийся словацкий народ и т.д. Впоследствии все эти обвинения были признаны надуманными и бесосновательными¹³.

Материалы конференции были опубликованы в стелальной книге¹⁴. В аналогичном духе были выпущены и другие работы в СБВ, вышедшие в 50-х годах¹⁵. Однако несомненно, в этот период шла дальнейшее, хотя и одностороннее накопление фактического материала и заметились некоторые более конкретные аспекты изучения истории восстания и антифашистской борьбы в Словакии, например, международная солидарность в нем, развитие партизанской войны, деятельность первого нелегального ЦК КПС и коммунистов братиславской области в подполье¹⁶. Активно выступали в этот период на страницах научных журналов и различных печатных изданиях Я. Долбак, З. Жалты, М. Гроссманский, Б. Лрца, Я. Грозненчик, А. Гучкова-Шварцова, О. Крайняк, М. Коопилек, Л. Липтак, А. Шолц и др.

Характеризуя работы 50-х годов по истории восстания, М. Коопилек¹⁷ справедливо указывал на свойственные им в большей или меньшей степени противоречивость, искажение исторического прошлого, наличие полуправды и неправды, дающую на них печать догматизма и субъективизма, т.е. всего того, чем была особенно отмечена тогда и советская историческая наука.

Что касается изучения истории Сопротивления в Чешских землях, то в 50-х годы здесь не было достигнуто ощутимых результатов, хотя акцент в исследовании также был сделан на освещении руководящей роли коммунистической партии. По сути эта ошибка исправленность была заложена в 1948 г. в книге В. Павлика и Я. Виллага "КПЧ в борьбе за свободу"¹⁸, которая претендовала на осмысление общей картины антифашистской борьбы чешского и словацкого народов в период от Мюнхена и до освобождения. Вышедшая в 1949 г. вторая доработанная редакция в издательстве "Свобода", книга эта не имела официального авторства. Издательство Политической литературы.

ва^х. В аннотации к ней говорилось, что она показывает развитие массового сопротивления народа нацизму под руководством КПЧ и во главе с Клементом Готвальдом. Работа, основанная на довольно большом фактическом материале, однако не имела научного аппарата и была очевидно рассчитана на массового читателя, поскольку тираж ее для Чехословакии был колоссален — 100 тыс. экземпляров. В этой книге по существу были заложены все оценки, характерные для историографии чешского Сопротивления в 50-е годы /но не для словацкого: книга вышла ранее, чем началась кампания против "словацких буржуазных националистов" и признавала их заслуги в подготовке и проведении СБЗ/. Видимо этой книгой было положено начало созданию "черно-белой" модели или схемы движения Сопротивления, в которой преобладали "позитив" при оценке коммунистической его части и "негатив" при оценке прочих участников движения. При этом нарушалось целостное и всестороннее видение антифашистской борьбы, давалась ее односторонняя, и следовательно, неправильная, искаженная трактовка.

Под авторство созданную концепцию о руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии с самого начала и на всех этапах национально-освободительной борьбы, подкреплялась и соответствующая тоже односторонняя источниковая база: сборники статей и выступлений К. Готвальда, очередные тома его сочинений¹⁹. Отдельным изданием вышли статьи и выступления К. Готвальда и В. Дирогого о сопротивлении²⁰. Был опубликован сборник документов по истории КПЧ в 1938-1945 годах²¹. В 1960 г. вышел в свет воспоминания В. Дирогого "ЧСР и КПЧ"²², подвергшиеся впоследствии резкой суровой критике за содержащиеся в них фальсификации. В этом же году выступил с воспоминаниями о чехословацкой эмиграции в Лондоне, прежде всего коммунистической, В. Мештовичка²³.

* В конце книги значилось: подготовила редакционная коллегия под руководством Е. Павлика.

Таким образом, источниковая база истории Сопротивления в 50-е годы расширялась, но формирование ее было целенаправлено односторонним, что, естественно, не способствовало адекватному отображению картины национально-освободительной борьбы в работах того времени. К наиболее значимым из них можно отнести работы Ф.Беера о КПЧ²⁴, В.Краля о социально-экономическом развитии чешских земель²⁵. Обе они содержали огромный фактический материал, но концептуально не выходили за рамки схем 50-х годов.

Представляется, что в первые годы после XX съезда КПСС, создавшего благоприятные условия для раскрепощения умов и отказа от догматического мышления, в чехословацкой исторической науке не наступило какого-либо ощутимого подъема, хотя в других сферах духовной жизни, например, в литературе, стремление к переосмыслению достигнутого /официально это именовалось тогда "ревизионистскими" тенденциями/ было весьма заметно, что очень обеспокоило власти. "История чехословацкой историографии от 1945 до 1959 гг. - отмечалось на III съезде Чехословацких историков в сентябре 1959 г. - это история борьбы за марксистскую историографию, история развития и победы /подч.: - В.М./ марксистской историографии"²⁶.

Однако было бы неправильно считать, что историография находилась в состоянии полного застоя и спокойного пребывания на занятых ею ранее позициях. Говоря современным языком, "шоковая терапия" XX съезда КПСС /этот термин очень подходит, чтобы определить значение его решений для развития исторической науки, как в СССР, так и в других европейских социалистических странах/ требовала времени для осмысления происшедшего, для высвобождения из сковывавших пут догматизма, для внутренней перестройки историка, прежде всего занимающегося современностью. В этот период обнаружилось стремление к более глубокому изучению источников и фактов и ослабление внимания к "марксистской" методологии, что было понятно: она дискредитировала себя. Лю в резолюции, принятой III съездом

историков в 1959 г. отмечалось, что ревизионистские тенденции не нашли серьезного проявления в исторической науке и что позитивизм "не сформировался в целенаправленное течение, которое представляло бы серьезную угрозу для нашей историографии"²⁷.

Можно сказать, что пятилетие после XX съезда КПСС было для чехословацкой исторической науки временем внутреннего метания и поисков направления дальнейшего развития, временем "бутона", набирающего силу для цветения.

Если и дальше использовать этот образ, то можно сказать, что время цветения пришлось на 60-е годы, во всяком случае что касается историографии антифашистской национально-освободительной борьбы. Конкретных причин этого было много. Прежде всего общество выходило из того состояния интеллектуальной спячки, на которое оно было обречено в предшествующее десятилетие. То же самое в это время происходило и в СССР, хотя преодоление этого умственно-болотного состояния здесь было делом более сложным в силу более глубокой косности и инерции мышления. И тем не менее стремление отойти от существовавших в советской исторической науке догм и схем было налицо, что не могло не оказать благотворного влияния на развитие чехословацкой историографии, в том числе и истории антифашистского Сопротивления. "Мы все чувствуем и знаем, — отмечал О.Янечек в 1963 г., — что не будь XX и XXII съездов КПСС, мы не смогли бы правильно понять и отобразить годы второй мировой войны"²⁸.

Внимательно знакомились чехословацкие историки, в частности, с постановлением ЦК КПСС о журнале "Вопросы истории КПСС", которое содержало острую критику журнала за непоследовательную борьбу с "пережитками культа личности" в освещении истории партии, а также материалами состоявшегося в декабре 1962 г. Всесоюзного совещания историков²⁹, материалы которого затем вышли в Чехословакии с предисловием М.Реймана и В.Куша³⁰. Положительные отклики получил и сборник "Советская историческая наука

между XX и XXI веками КПСС". Упоминая о нем, М. Рейман, например, писал: "Советские историки должны распрощаться с огромным балластом укоренившихся представлений и методов работы, которые в прошлом старались советскую историографию гораздо больше, чем какую-либо иную национальную марксистскую историографию"³¹.

Благотворно влияло на развитие чехословацкой историографии и расширение контактов с коллегами из других социалистических стран, особенно Польши, Венгрии, где также шли глубокие процессы в исторической науке³².

Расцвету чехословацкой исторической науки способствовали и ее "выход на европейскую арену", установление и развитие контактов с западными исследователями движения Сопротивления, особенно во Франции и Италии, но также Бельгии, Голландии и ФРГ. "В исторической науке на Западе, - писали Я. Кржек и Б. Курал, - существуют очень сильные прогрессивные течения и демократические тенденции в рядах немарксистских, но безусловно антифашистски и патристически настроенных историков, с которыми необходимо установить активные контакты, сотрудничать с ними, в ряде вопросов учиться у них и одновременно на них активно воздействовать"³³.

Думается, что это чехословацкими исследователями движения Сопротивления удалось сделать. Начиная с 1961 г. /с конгресса в Милане/, чехословацкие историки принимали участие во всех международных заседаниях, посвященных проблемам антифашистской борьбы в годы второй мировой войны³⁴. Общение с зарубежными коллегами позволило чехословацкой историографии преодолеть национальную ограниченность, увидеть чехословацкое Сопротивление в контексте европейского, поставить многие ранее не возникавшие проблемы. В 1963 г. в Карловых Варах, например, состоялась

³⁴ В конце 60-х годов чехословацкие историки были исключены из Международного комитета по истории Сопротивления и второй мировой войны за неудачу членских взносов в течение 2-х лет³⁴.

международная научная встреча по вопросу о сущности и формах нацистского оккупационного режима в Европе, материалы которой затем были изданы в Чехословакии³⁵.

Большое значение в деле прогресса чехословацкой исторической науки имело усиление интереса к ней в стране, со стороны самых широких слоев населения, и особенно интереса к недавнему прошлому чешского и словацкого народов, в том числе и к периоду войны. И историография, острейшая общественным вниманием к ней, будучи "востребованной" обществом, не могла не откликнуться на это. Застрельщиками, инициаторами тут были исследователи среднего поколения, те, которые "делали" историю страны в 50-ые годы по указке сверху и не могли не ощущать всего несовершенства и проточности такого метода. Они накопили уже определенный опыт работы, но, к счастью, были еще достаточно молоды, чтобы заостенеть в догматических взглядах и схемах, и без особого труда сбросили со своих плеч давления на них груз стереотипов и построенных на их основе конспирций. Новый этап в изучении истории Сопротивления в стране можно датировать 1960 г., когда был создан Чехословацкий Комитет по истории антифашистской национально-освободительной борьбы^х. Первым его председателем был Б.Лаштовичка, а с 1963 г. /и до ликвидации/ проф. Н.Кледибо. В Комитете активно работали с чешской стороны К.Бартошек, Ф.Бер, А.Бенчик, Й.Долекал, Ф.Ялачек, О.Ялечек, Н.Кржен, Н.Кураш, А.Лавратал, Й.Новотны, Б.Пекарек, В.Пречан, Я.Тесарж и др., со словацкой стороны И.Бали /председатель/, Б.Граца, С.Далтия, I.Гусак, Й.Хренё, И.Ясломанский, А.Итертешна, Ш.Нажур, Я.Ушня, Я.Шудлярский.

Комитет работал инициативно и быстро. В 1961 г. был подготовлен проект написания трехтомной Истории национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов в 1938-1945 гг., а весной 1962 г. Ф.Ялачек уже сделал сообщение о рабочей концепции труда³⁶. Авторский коллектив ставил перед собой задачу ответить на вопросы:

^х Далее: Комитет.

каковы место и роль национально-освободительной борьбы 1938-1945 годов в истории чехословацкого революционного движения и в чехословацкой новейшей истории вообще? Каково было соотношение национально-освободительной борьбы и национально-демократической революции, приведшей к созданию народно-демократического государства? /и в рамках этого: как коммунистическая партия боролась за руководство антифашистской борьбой и революцией? Что представляли собой некоммунистические группы и течения Сопротивления? Каково было значение помощи СССР и освобождения Чехословакии Советской Армией? /Далее: каково было место борьбы чешского и словацкого народов в антифашистской борьбе остальных, прежде всего европейских народов? Наконец, в чем значение этого ключевого периода чехословацкой истории для современности?

Как видно из перечисленного, задачи были поставлены новаторски и масштабно. Национально-освободительную борьбу в чешских землях и Словакии предполагалось рассмотреть в широких горизонтальных и вертикальных исторических взаимосвязях и взаимозависимостях.

Однако нельзя думать, что работа Комитета проходила гладко и беспрепятственно. Стереотип мышления были еще сильны и О.Янечек отмечал весной 1963 г.: "...сегодня мы являемся свидетелями того, что на первый план все более выступает проблема сектантского догматизма, который наложил тяжелый отпечаток на период до 1956 г."³⁷.

Ю сторонников нового подхода к изучению темы Сопротивления среди историков было гораздо больше. Их энтузиазм, организованность, работоспособность, а также поддержка общественности и партийного руководства^х привели

^х Летом 1965 г. было принято постановление Секретариата ЦК КПЧ, где были сформулированы основные направления работы Комитета, включавшие систематическую разработку истории национально-освободительной борьбы, подготовку специалистов по истории сопротивления и второй мировой войны, координацию работы всех исторических учрежде-

к тому, что к середине 60-х годов значительная часть поставленных задач была выполнена. Одной из них было содействие формированию действительно научной источниковой базы изучения проблемы. Уже в начале 60-х годов было выпущено два сборника документов о нацистской политике по отношению к чешскому народу /до 1943 г./³⁹. Хотя сборники содержали ценные для историков документы Гейдриха, Рейхarta, Франка и других нацистских деятелей, издания имели не научный, а пропагандистский характер, и не давали полного представления об оккупационной политике гитлеровцев и ее эволюции на различных этапах войны.

В середине 60-х годов вышел ряд научно подготовленных весьма объемных сборников документов, имевших чрезвычайно важное значение для изучения истории освободительной борьбы чешского и словацкого народов, сборников, к которым обращались впоследствии все исследователи проблем, но которые, как представляется, использованы все еще недостаточно. Многие из опубликованных в них документов по разным причинам оставались как бы вне поля зрения историков, и прежде всего те, которые касались деятельности представителей некоммунистических течений Сопротивления.

В 1965 г. был издан сборник документов о Словацком национальном восстании, составленный В.Пречаном и с его обширным предисловием, где дана характеристика всех архивных фондов, содержащих материалы о СНВ. В сборник включено 593 документа /в основном опубликованных полностью/ из 17 архивов Праги, Братиславы, Баньской Быстрицы, Москвы, Киева, дающих представление о политическом развитии в Словакии в 1943-1944 гг., о взрывании и ходе восстания, о деятельности и позициях отдельных антифашистских групп и политических течений.⁴⁰ Важное значение для изу-

хний страны, занимающихся этой проблематикой. Научные и организационные результаты деятельности Комитета освещались в специальном ротационном издании "Сопротивление и революция. Сообщения"³⁸.

ценная политическая линия коммунистов в период СБВ имело факсимильное переиздание комплекта номеров газеты "Правда", выходившей в Баньской Быстрице в сентябре - октябре 1944 г.⁴¹

Чрезвычайно ценным пособием для историка стал и сборник документов "Путь к Маю", содержащий архивные материалы о возникновении и развитии народной демократии в Чехословакии /декабрь 1943 г. - 9 мая 1945 г./⁴². В первой части сборника, составленного М.Климешем, П.Леськом, Л.Малой, В.Пречаном под научной редакцией В.Крала, представлены документы, касающиеся формирования программ новой республики, во-второй - первых революционных шагов на освобожденной территории. Тщательная археографическая обработка, прекрасные комментарии наряду с прочими достоинствами сборника содействуют сохранению его научной значимости до сегодняшнего дня.

Наконец, к числу подобных можно отнести и сборник "Из истории чехословацкой политики. 1939-1943 гг.", подготовленный И.Отагеловой и М.Череминковой. В первой части издания, включающего 536 документов, показано отношение международной дипломатии к политике чехословацкой эмиграции на Западе, во второй - ее связи с Сопротивлением внутри страны, отношение к протекторату и германской оккупационной политике⁴³. Сборник содержит массу материалов, дающих представление о позиции чехословацких эмигрантских кругов в Париже и Лондоне в 1939-1943 гг.

Кроме этих фундаментальных изданий в журналах 60-х годов был опубликован ряд документов, имеющих принципиально важное значение для изучения проблемы Сопротивления. К их числу относятся, например, радиосообщения, которыми обменивались в 1939-1941 гг. московское руководство КПЧ и нелегальное партийное руководство в стране⁴⁴; Протокол заседаний Чешского национального Совета 4 - 9 мая 1945 г.⁴⁵ /публикатор Л.Штевичек/, документы, касающиеся влияния СБВ на развитие антифашистской борьбы в чешских землях⁴⁶ /Л.Тесарж/, листовки начального периода второй

мировой войны⁴⁷ /М.Радимски/, документы по истории КПЧ в 1938-1945 гг.⁴⁸, справка Б.Ракина для Московского руководства КПЧ о положении в оккупированной стране в 1939-1940 гг.⁴⁹ и др.

Источниковая база исследования была расширена в этот период за счет накопления мемуарного материала. Инициатором сбора рукописей участников Сопротивления выступил тот же Комитет, которому большую помощь оказывал Союз антифашистских борцов. В 1964 г. в Институте истории КПЧ хранилось уже 834 рукописи, которые продолжали поступать⁵⁰. Воспоминания участников Сопротивления имели особое значение, поскольку о многих важных событиях военных лет не осталось вообще какой-либо письменной документации.

Некоторые из воспоминаний были опубликованы. Их авторами являлись не только деятели КПЧ, например, Г.Бареш, Э.Фриш, но и представители других направлений в движении Сопротивления, например, П.Грия /бывший социал-демократ/, А.Ратля, рассказавший о словацкой армии, В.Клима, К.Весели-Мтайвер, Л.Ванек, А.Полаески, Р.Корчак - участники Езкоммунистических подпольных организаций⁵¹.

С помощью и при поддержке Комитета началось региональное изучение антифашистской освободительной борьбы. Филиалы Комитета были созданы во всех областях страны и местные издательства начали выпускать литературу о развитии движения Сопротивления в отдельных областях, районах и даже населенных пунктах.

Параллельно со всей этой научно-организационной работой Комитет решал главную из поставленных перед ним задач: написание трилогии о национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов. Был подготовлен и в 1965 г. опубликован макет задуманной работы "Сопротивление и революция. 1938-1945"⁵², подготовленный авторским коллективом в составе Г.Бареш, К.Бартошек, А.Бенчик, Я.Долежал, О.Лнечек /руководитель/, Л.Климекова, О.Крайняк, Я.Кржев, Б.Курал, Л.Кмтак, Я.Лозотны, Б.Пе-

карей, А.Штертепка. Стремясь преодолеть априорный, схематично-догматизированный подход 50-х годов, авторы обратились к изучению и анализу фактов и документов, конкретно исторического материала, чтобы оценить движение Сопротивления "без суеверия и иллюзий". Вместе с тем авторы понимали, что их возможности ограничены "существующим уровнем марксистского мышления и уровнем собственной дисциплинированности" /т.е. тем, что мы называем сегодня "внутренним цензором"/. Считая свою работу незавершенной, авторский коллектив видел ее смысл и значение в том, чтобы создать рабочую гипотезу чехословацкого Сопротивления, указать на недостаточно или просто неисследованные вопросы, а также на деформации, допущенные в прошлом в освещении проблемы. Думается, что поставленная авторами цель была достигнута. В книге, преобладающую часть которой написана Я.Кржежом и В.Куралом, намечены три этапа развития Сопротивления /1938 - июнь 1941, июль 1941 - август 1944, сентябрь 1944 - май 1945/, отмечены их характерные черты, определена структура будущей трилогии. По новому были поставлены многие вопросы, касающиеся внутреннего и заграничного Сопротивления, роли отдельных участвовавших в нем социальных и политических сил. В связи с предполагаемой дискуссией по книге некоторые вопросы были специально заострены и акцентированы: /например, ранее плохо изученный начальный период Сопротивления, история его некоммунистических групп и организаций, роль Бенеша, отношение широких слоев народа к вопросам освободительной борьбы, силы, противостоявшие движению за свободу: оккупанты и коллаборационисты и т.д./.

Макет широко обсуждался в стране, что весьма активизировало интерес к рассматриваемой в нем проблематике, как со стороны широкой общественности, так и специалистов⁵³. Книга, переведенная в Чехословакии на русский, французский, немецкий, итальянский, английский языки, была направлена за рубеж с просьбой обсудить ее и высказать свои пожелания. В частности, с ней знакомился руко-

волиний Е.А. Болтиным сектор ИМЛ при ЦК КПСС, давший в целом весьма высокую оценку труду и полагавший, что он займет видное место в марксистской историографии Сопротивления. Критические замечания были связаны главным образом с оценками, касающимися внешней политики СССР и антигитлеровской коалиции. С точки зрения нашего сегодняшнего видения этих вопросов критика была во многом несостоятельной⁵⁴.

Положительные рецензии с конструктивными замечаниями были получены из Польши, Словении, Болгарии⁵⁵.

Дискуссии и широкое обсуждение проблем были вообще характерны для чехословацкой исторической науки 60-х лет как путь приближения к истине. По этому пути шел и Комитет, наметив еще в начале своей деятельности круг вопросов, которые надлежало исследовать для создания полной картины состояния чешского и словацкого общества в годы войны. Перечень этих вопросов достаточно велик, но интересен тем, что им было задано направление исследований в последующий период. Вот на какие конкретные темы предложено было обратить внимание: деятельность нелегальных ЦК КПЧ и крупных партийных организаций на завершающем этапе войны /Пршедвой, Пламен, Актив/; положение крестьянства, городских средних слоев, интеллигенции в чешских землях и Словакии, развитие культуры; молодежное движение в период оккупации; оккупационный режим и коллаборационизм в протекторате, политика нацистов в Словакии; политика словацкой буржуазии, словацкая армия; развитие форм Сопротивления; чехословацко-советские отношения, чехословацкий вопрос в международной политике; еврейский, немецкий вопросы в чехословацком Сопротивлении; ситуация в отторгнутых от Чехословакии районах, проблема Закарпатской Украины; возникновение правительства Национального фронта, начало революции и создание народно-демократического государства⁵⁶.

Начало разработки этих вопросов относится к 60-ым годам. Поименно, не прямолинейно террористическим, а более

гибким, коварным, приспособливающимся к обстоятельствам и играющим на меняющейся расстановке сил, сочетающим методы "кнута и пряника" предстал перед читателями нацистский режим в чешских землях⁵⁷. Более сложным явлением оказались и те организационно-политические структуры в оккупированной стране, на которые опирались или использовали в своих интересах нацисты. Об этом свидетельствовала серия статей Т.Пасака в ведущих исторических журналах⁵⁸. В этой связи был поднят и ранее упрощенно трактованный вопрос о коллаборационизме, его сути, формах, эволюции.

Большое внимание уделялось истории и роли отдельных организаций Сопротивления как коммунистической /В.Менцл, О.Сладек/, так и некоммунистической ориентации /Ф.Янечек, О.Янечек, В.Курал, Я.Пржикирил/⁵⁹. Две серьезные, основанные на огромном количестве документального, прежде всего архивного материала, книги по истории чешской и словацкой буржуазной эмиграции на Западе накануне и в начальный период второй мировой войны выпустил Я.Кржен⁶⁰. Примитивная характеристика Бенеша только как антисоветчика и антикоммуниста была отвергнута автором, который создал колоритный портрет этого безусловно виднейшего буржуазного политического деятеля своего времени, осторожного, гибкого и готового на неизбежные компромиссы.

Началась разработка тематики, касавшейся положения отдельных слоев населения и их отношения к антифашистской борьбе⁶¹. Стал рушиться стереотип "массовости" Сопротивления. Его место занимали реалистические оценки, основанные на анализе конкретно-исторического материала о настроениях и поведении разных групп общества в годы войны. Человек, человеческий фактор /тогда эти термином тоже пользовались/ в Сопротивлении становился центром внимания исследователей.

Из ослабевал интерес к вопросу о формах национально-освободительной борьбы, и особенно к партизанскому движению. Происходило накопление фактического материала

этого плана, осмыслением которого занимались как военные, так и гражданские историки⁶².

Из книги К.Бартошека⁶³, статьей С.Замечника, Й.Долежала⁶⁴ читатель, наконец, получил достаточно полное представление о майских событиях 1945 г. в чешских землях, о восстании в Праге.

В корне пересмотрена в 60-е годы была история Словацкого Национального восстания. Политическая реабилитация его руководителей /от КПСС/ Г.Гусак, Л.Юзовеского, К.Гмилке, а также В.Клементиса на апрельском и декабрьском пленумах ЦК КПС в 1963 г. /из тюрьмы Г.Гусак был освобожден в 1959 г. и работал научным сотрудником в юридическом кабинете Словацкой академии наук/ создала благоприятные условия для решительной переоценки всего, что было сделано ранее в освещении этого вопроса. Состоявшийся в июне 1963г. съезд Словацкого исторического общества прошел на высокой самокритической ноте и принял решение о борьбе с деформациями в исторической науке. На конференции в Смоленске летом 1964 г., посвященной 20-летию СВ, было дано много новых принципиально важных оценок, касавшихся самых различных сторон его подготовки и проведения. О задачах марксистской историографии в новых условиях говорил А.Дубчек, тогда член президиума ЦК КПЧ и первый секретарь ЦК КПС. В работе конференции активно участвовали Г.Гусак и Л.Юзовеский⁶⁵.

Большое влияние на развитие историографии СВ оказала книга Г.Гусака "Свидетельство о Словацком Национальном восстании"⁶⁶, вышедшая в 1964 г. книга, являвшая собой своеобразный сплав воспоминаний активного участника событий и научного труда^x, предлагала отличную от прежней картину восстания, по-новому оценивая роль и место в нем И нелегального руководства КПС, буржуазного крыла Сопротивления, словацкой армии, партизан, позиции сил, противостоявших повстанцам, деятельность Словацко-

x

Она была эллишена Г.Гусаком на звание кандидата исторических наук.

го Национального Совета, отдельных лиц и т.д. В общем это был настоящий переворот во взглядах на восстание, и, естественно, новое его видение воспринималось не однозначно. С публичной критикой книги по сути с позиций 50-х годов выступал В.Крал. Но большинство рецензентов оценили работу положительно, хотя говорили и о ее слабых сторонах /например, упор на разногласия в словацком освободительном движении, а не на том, что его объединяло; недифференцированный упрощенный подход к оценке лондонского буржуазного лагеря, позиций Бенеша и др./⁶⁷.

Книга Г.Гусака была бесспорно значительным явлением в историографии восстания и сыграла, как представляется, для исследователей, если иметь в виду концептуальный аспект, роль "путеводной звезды". Особенно это относится к 70-80 годам, когда Г.Гусак оказался на самом верху партийно-государственной иерархической лестницы^х.

Первым научным обобщением новых взглядов на историю СВ была книга "Исторический перекресток"⁶⁸ /Ф.Беер, А. Бенчик, Б.Граца, Я.Кржен, В.Курал, Я.Шольц/, авторы которой стремились устранить прежние деформации и ошибки в освещении восстания, дать всестороннюю картину его подготовки, хода и результатов в широком контексте чешской и словацкой проблематики периода второй мировой войны. Эта работа не утратила своей значимости и по сей день, хотя ее авторы не претендовали "на конечную правду и безошибочность", считая, что "преодоление старого не сводится ни к простому отрицанию прежних представлений, ни к их выворачиванию наизулку, а состоит в упорном стремлении выяснить правду, которая должна впитать в себя из прошлых представлений все, что сохраняет непреходящую ценность"⁶⁹.

Помимо этих основных работ в 60-е годы вышло много

^х В 1969 г., когда политическая карьера Г.Гусака резко пошла вверх, книга была срочно /суквально в считанные дни/ переведена на русский язык и издана в СССР.

книг и статей, рассматривавших отдельные вопросы истории антифашистской освободительной борьбы в Словакии и СЧВ, в том числе С. Фалтына, М. Кропилака, И. Яблоникского, Л. Диптака и др.⁷⁰

Заслугой историографии Сопротивления 60-х годов является реабилитация многих деятелей коммунистического и некоммунистического его направлений, научная оценка роли отдельных политиков, в частности Ебеша, объективный всесторонний анализ политики коммунистической партии в период войны, стремление более глубоко разобраться в таких крупных событиях этого времени, как Словацкое национальное и Пражское восстания.

В ходе накопления и осмысления фактического материала были поставлены многие методологически важные вопросы изучения движения Сопротивления: необходимость рассмотрения его как единого, хотя и внутренне противоречивого социально-политического явления; невозможность правильной оценки движения при изолированном его изучении вне связи с внутри- и внешнеполитической ситуацией и противостоящими ему силами; важность учета национальной специфики страны, уровня ее социально-политического развития, национальной психологии и исторических традиций /например, чрезвычайно интересной представляется мысль, потом уже нигде не развивавшаяся, об особенностях развития Сопротивления в "индустриальных обществах" - к таковым относилось и чешское общество - с их уважением к законности и государству, /культу труду⁷¹/; видение тесной взаимосвязи сопротивления и революции, особенно на завершающем этапе войны /И. Кржеж предложил формулу: Сопротивление - беременность революции⁷²/ и т.д.

В это же время было начато и сравнительно-историческое изучение Сопротивления в рамках региона Центральной и Восточной Европы. Чешские и словацкие историки совместно с учеными из Польши и Югославии обсуждали вопрос о роли коммунистических партий в создании антифашистского национального фронта в годы войны, обратив внимание на

общие черты и национальные особенности этого процесса и впервые подвергнув критическому рассмотрению линию Коминтерна⁷³. Другая книга по истории Сопротивления, охватывавшая все страны Центральной и Юго-Восточной Европы, с развернутым обобщающим заключением О.Дженка была подготовлена чешскими историками⁷⁴.

Таким образом, развитие историографии Сопротивления в 60-е годы было многоплановым, плодотворным и обещающим. Историки этого поколения несомненно внесли свой вклад в подъем национального самосознания и общественной активности народа в эти годы. Конечно, бурное разворачивание событий, накал страстей и эмоций в конце этого десятилетия не могли не способствовать появлению некоторых экстремистских "зигзагов" в исторических оценках, а также рождению "разрепских клише и порых догм", о возможности которых говорил Я.Кржель еще в 1965 г.⁷⁵ Но не это являлось главным и основным. В целом "политиканство" не было характерно для исторической науки 60-х годов.

Конец 60-х годов был отмечен спадом научной активности Комитета, что было связано с бурным развитием политических событий в это время о выжидательностью практически всех членов Комитета в "пражской тесне" 1968г.⁷⁶ Можно сказать, что вся деятельность Комитета особенно с середины 60-х годов носила не только научный, но и политический характер и сыграла несомненно роль в подготовке событий 1968 г.

Комитет осудил вступление войск ОВД в Чехословакию как ошибочное, вызвавшее осложнения отношений с этими странами, и высказался за продолжение "ягварской" политики, т.е. за развитие всего позитивного, что принес Январь 1969 г.⁷⁷ Начавшийся в Чехословакии процесс "нормализации", укрепивший положение консервативных сил в партии и государстве, положил конец и деятельности Комитета: большинство его членов были уволены с работы и исключены из партии, им было запрещено работать в области общественных наук. Многие из высказанных в 60-е годы мысли и

идей оказался надолго "не востребуемыми", будучи заклеймены как ревизионистские, оппортунистические, буржуазные, антисоциалистические; и т.д.

Последующие два десятилетия и особенно переход из них, были достаточно сложными для исторической науки и прежде всего того отряда историков, которые занимались войной и послевоенным временем. Уход из науки /да и из выстав школ/ значительного числа историков, а это были в основном люди среднего поколения, находившиеся в расцвете творческих сил, создал "кадровый вакуум". Нужно было ждать, пока подрастут воспитанные на "марксистской методологии" /как она тогда понималась/ новые исследователи. Возможности тех, кто "остался на плаву" были ограничены рамками официально допущенного способа мышления и жестких правил существования идей, ведущей из которых было утверждение, исходя с руководящей роли коммунистической партии и непогрешимости ее руководства. Процессы, происходившие в это время в чехословацкой исторической науке, были аналогичны тем, которые развернулись тогда и в советской исторической науке, где было разгромлено прогрессивное направление, представленное, в частности, И.В. Волосуевым, К. Тарновским, В.И. Даниловым, и снова бушевал "эпидемия" "классовости и партийности" в его вульгаризированном и антидемократическом понимании.

Отрицательно повлияло на состояние и развитие чехословацкой исторической науки и ограничение ее связей с западной историографией, которая снова стала восприниматься как единое, не дифференцированное целое, идеологически враждебное и противостоящее "марксистскому" направлению.

Чтобы ограничить влияние "ревизионистских" идей в обществе и особенно на молодое поколение, был закрыт доступ к литературе 60-х годов: многие книги, как и в СССР, попали в спецхраны, были исключены из каталогов, библиографий, рекомендательных списков литературы, на работы "ревизионистов" было запрещено ссылаться в научных тру-

дах.

Однако идеи и мысли, родившиеся в 60-е годы и казавшиеся похороненными, на самом деле продолжали существовать, поджидая своего времени. Первые признаки обновления, как представляется, появились в начале 80-х годов. Лю тенденции эти крепили медленно, задавленные грузом господствовавшей идеологии и не набрали надлежащей силы к моменту "нежной революции" ноября 1989 г. В ее подготовке в отличие от "пражской весны" 1968 г. официальная историческая наука не принимала участия. Существовала, правда, другая, неофициальная, подпольная историческая наука, которая жила своей трудной и замкнутой жизнью и была малоизвестна /речь о ней пойдет ниже/.

В официальной историографии "нормализаторского" периода, как представляется, существовало двухуровневое отношение к литературе 60-х годов: первый — яростное неприятие и полностью негативная ее оценка как "ревизионистской" /среди ученых сторонников этой позиции было немного/, второй — понимание правильности взятого в 60-е годы курса /это подсказывал здравый смысл/ при сдержанно-критическом отношении к отдельным сделанным в ту пору оценкам, стремление не растерять идейный багаж предшествующего периода, использовать накопленный опыт в дальнейшей разработке истории движения Сопротивления. Думается, что сторонников этого второго подхода была большинство как среди тех, кто продолжал работу по этой тематике, так и среди представителей молодого пополнения историков, заявивших о себе в конце 70-80-е годы.

С резкой критикой взглядов "шестидесятников" выступил В.Крал. Обнародовав свою позицию /точнее, подтвердив/ в 1974 г., он дал позднее ее развернутое обоснование⁷⁸. Вся чешская историография движения Сопротивления была заклеена как ревизионистская, буржуазно-объективистская, порвавшая с марксизмом-ленинизмом, выступающая под флагом "пресловутого" "демократического социализма". Оценки давались только негативные, все сделан-

ное изображалось одной черной краской. При этом как представляется, оценивались по-существу не действительные взгляды и позиции критикуемых, а достаточно упрощенное, схематичное и, следовательно, неадекватное реальности, изображение автором этих позиций⁸⁰. Развитие историографии Словацкого национального восстания в целом оценивалось положительно, но критике подвергалась новаторская для своего времени книга "Исторический перекресток" за якобы имевший там место антисоветизм. В то же время словацкие историки /А.Каменьец, М.Кропалак/, анализируя состоявшиеся изучения проблемы, с похвалой отзывались /что было достаточно смелой тогда позицией/ об этой работе⁸⁰.

Конкретные направления развития исторической науки в 70-е годы определялись документом "Развитие, современное состояние и задачи общественных наук в ЧССР", подготовленным президиумом ЦК КПЧ в мае 1974 г. Задачей исторической науки было помогать процессу консолидации в области идеологии: именно так ставился вопрос на состоявшихся в 1975 г. съездах Чешского и Словацкого исторических обществ. "...В сегодняшнем классово-разделенном мире на передний план выступает идеологическая функция науки", - говорилось в резолюции XII съезда словацких историков⁸¹. В соответствии с этим центром внимания исследователей опять становилась революционная борьба народных масс, рабочего класса и коммунистической партии, приведшей народ "к победе социализма".

Можно сказать, что в 70-80-е годы вышло довольно большое количество работ по истории чешского и словацкого движения Сопротивления⁸², несмотря на удар, нанесенный

⁸⁰ Думается, что можно согласиться с авторами историографического очерка, опубликованного в нелегально выходящем издании "Исторические исследования", где отмечалось, что действительно научной критики, анализа вышедших в 60-е годы трудов, в том числе и по периоду войны, не было. Этот разбор замечался манипулированием с фактами и цитатами, чтобы сконструировать миф "историографической контрреволюции"⁷⁹.

историографии после 1968 г. Продолжалась публикация документов, правда не носившая такого научно-фундаментального характера, как в 60-е годы, и имевшая скорее учебно-пропагандистские цели. Они издавались ИМЛ ЦК КПЧ, Высшей политической школой ЦК КПЧ небольшим тиражом, малой печатью, а в подготовке тех, которые вышли в самом начале 70-х годов, участвовали еще и члены Комитета по антифашистскому сопротивлению⁸³.

Стала доступной для широкого читателя подпольная коммунистическая пресса периода войны, переизданная в это время⁸⁴. Отдельными сборниками вышли речи и статьи некоторых видных общественных и политических деятелей периода войны /Ю. Фучика, Л. Новомеского, З. Неудлы/⁸⁵, а также воспоминания участников Сопротивления⁸⁶.

Что касается собственно научной разработки проблем, то общее ее состояние можно было бы определить словом "мозаичность": появилось множество конкретных разработок в виде книг и статей по отдельным аспектам темы при уходе от постановки общих и методологических вопросов. Очевидно это объяснялось как ситуацией в стране, так и положением дел с кадрами. Большое внимание было снова обращено на освещение роли коммунистической партии в антифашистской освободительной борьбе⁸⁷. Положительно стороны новых исследований было привлечение для раскрытия этой темы широкого круга источников и введение в научный оборот неизвестных ранее архивных материалов. Ограниченное же значение вышедших в то время работ обусловлено тем, что вопрос о деятельности коммунистов в годы войны рассматривался в них более или менее изолированно, вне связи с другими политическими направлениями, представленными в национальном сопротивлении. Руководящая роль Компартии не выводилась из анализа всей совокупности конкретно-исторического материала, а постулировалась, носила аксиоматический характер, хотя это делалось не так прямолинейно и схематично, как скажем, в 50-е годы.

Были конкретные работы, посвященные участию в Сопротивлении различных социальных групп и слоев насе-

ния: учителей, журналистов, деятелей культуры, студентов, молодежи, женщин и т.д., отдельных организаций, в том числе и некоммунистических /В.Гудец, Я.Гебхарт, Т. Крачмарова, Я.Куклик, Т.Пасак, П.Вошагликова и др./. Они по тематике явно продолжали линию историографии 60-х годов и явились вкладом в разработку проблемы Сопротивления. Однако история лондонской эмиграции практически была заброшена.

Не снижался интерес к формам антифашистской освободительной борьбы и, в частности, к партизанскому движению /Ч.Аморт, В.Фин и особенно Я.Гебхарт и Я.Шимовчек/⁸⁸, а также разведывательной деятельности /Я.Коутек, Я.Гебхарт, Я.Куклик/⁸⁹. Сделаны были определенные шаги в изучении социально-экономического развития чешских земель и Словакии, положения отдельных слоев населения /А.Гробелны, М.Карны, З.Прохазка, В.Пруха, Й.Шприсл и др./.

Проблемы Сопротивления рассматривались как на местном материале /М.Лёртлер, В.Лаштовка и др./, так и в широких международных рамках /В.Крал, Я.Липтак, Я.Пиволуска, Л.Тейхман, Л.Черны и др./.

Различные аспекты подготовки и проведения Майского восстания чешского народа исследовались в работах М.Боучека и М.Климеши, Я.Гебхарта, А.Фалтиса, С.Кокошки, В.Краля, Ф.Лесвадоб, С.Замечника, Я.Ужжи и др. В этот период был сделан шаг вперед в том, что касалось ситуации и развития событий в близлежащих от Праги районах в конце апреля - начале мая 1945 г., но очень глухо с легитимным отрядом говорилось о деятельности Чешского национального совета, отдельных его членов, его программе. Очевидно многое еще предстоит выяснить в вопросе военного освобождения Праги, в частности, роли "власовцев", договоренностей между советским и американским военными командованиями. Нет пока ответа и на вопрос о том, почему представители внутреннего чешского сопротивления не были включены в состав так наз. Комицкого правительства.

Эти вопросы стали в настоящее время предметом обсуждения в чешской публицистике.

Отдельного упоминания заслуживает очень полезный и интересный энциклопедический словарь "Чешский антифашизм и Сопротивление", изданный в 1988 г., и сразу же ставший библиографической редкостью⁹⁰.

Исследование антифашистского освободительного движения в Словакии и его апогея Словацкого Национального восстания шло в направлении, тон которому, как уже говорилось, был задан книгой Г.Гусака. Разница состояла в том, что, если в 60-е годы это была одна из возможных версий истории СНВ /Г.Гусак не претендовал в 1964 г. на окончательность своих суждений и завершенность исследования, о чем и говорил в предисловии к книге/, то с начала 70-х годов, а особенно после того, как Г.Гусак в 1975 г. совместил в своем лице посты Генерального секретаря КПЧ и Президента ЧССР, сделанные им оценки стали восприниматься как не подлежащие сомнению. Эта своеобразная "заморенность" исследователей не могла не сказаться на развитии научной мысли и не дала возможность выйти за рамки утвердившихся представлений. Все общие работы по истории СНВ, вышедшие к его 30, 35, 40 годовщинам были схожи по концепции. Их вершиной явилось 5-ти томное издание "История Словацкого национального восстания. 1944"⁹¹, вышедшая в 1984 г. Первые два тома ее посвящены подготовке и ходу восстания, два тома – документы, воспоминания участников и хроники, последний том – энциклопедия сопротивления и СНВ.

Параллельно с подготовкой общих работ о восстании, шло изучение антифашистской освободительной борьбы в различных областях Словакии, а также участия в ней отдельных слоев населения, в частности, армии⁹².

В исследовании проблемы явно обозначились социально-экономический и политический аспекты, отчетливо зазвучала тема: восстание как начало национальной и демократической революции в стране /М.Кропилак, В.Плевза, Я.Хо-

ванец, С.Цамбел, М.Барковский⁹³. Несмотря на сотни книг и статей о СБВ, недостаточность разработанности его истории признана и М.Кропилаком в выступлении на научной конференции по случаю 45-летия восстания. Он отметил, что хотя на сегодняшний день достаточно хорошо известны основные события СБВ, но остаются все еще "открытыми" многие вопросы, касающиеся роли отдельных лиц, политических, военных, международных аспектов восстания, а также партизанского движения. Было отмечено и состояние в публикации документов о СБВ⁹⁴. Таким образом, историография чешского и словацкого сопротивления 70-80-х годов в количественном отношении была достаточно продуктивной и в разработке отдельных конкретных вопросов сделала определенный шаг вперед. Но не было в ней яркости, одухотворенности, характерных для исторической науки предшествующего периода. На многих работах лежала печать официальной ограниченности, идеологической скованности и "табуизирования". Все признаки этой "бемоции" были свойственны в рассматриваемое время и советской исторической науке, а также историографии многих других в прошлом именуемых социалистическими стран /пожалуй, в меньшей мере Венгрии и Польши/.

В то же время наряду с официальной в эти годы в Чехословакии существовала и неофициальная "самиздатовская" историческая литература. С 1977 г. начал выходить упомянутый выше сборник "Исторические исследования", редакционный совет которого возглавляли Я.Мезник, М.Отагал, Я.Кржен. До 1988 г. вышло II выпусков этого сборника^х, в нем публиковались исследования тех историков, которым было запрещено работать в идеологической сфере, но которые несмотря на все трудности, продолжали свои изыскания. Так, серия фундаментальных статей о чешской культуре в годы оккупации /этой темой почти не касалась официальная историография/ была написана И.Долежалом, а так-

^х Автор, к сожалению, не имел возможности с ними ознакомиться.

же Ф.Червинкой. Речь шла о нaziстской политике в отношении чешской культуры, о состоянии исторической науки, образования, литературы, кинематографии⁹⁵. Я.Долежал опубликовал также свои размышления о пражском восстании⁹⁶.

Были изданы и работы монографического плана, касающиеся истории некоммунистических организаций в чешском сопротивлении /В.Курал, В.Врабец/⁹⁷.

Существование этого "исторического подполья", его неформальные связи с некоторыми представителями официальной историографии, не могли не оказывать своего влияния на нее, что, как уже говорилось, стало ощущаться особенно во второй половине 80-х годов и было, несомненно, связано также с переменами, происходившими в Советском Союзе и в советской исторической науке. Отражением начавшегося "брожения умов" было, в частности, и письмо, направленное VI съезду чехословацких историков /Февраль 1989 г./ и подписанное не только "подпольщиками" и эмигрантами, но и официально работающими учеными, прежде всего из числа молодых. Общий смысл письма сводился к требованию изменения положения дел в исторической науке, отказа от идеологического пресса, независимости науки от политики, возможности существования разных школ, допущения плюрализма и состязательности мнений и взглядов, упрочения связей с мировой наукой, свободы дискуссии, ликвидации цензуры и т.д. В резолюции, принятой съездом, говорилось о необходимости перестройки исторической науки, как части перестройки всего общества, о дальнейшем развитии теории и марксистско-ленинской методологии при одновременном искоренении схематизма, конъюнктурщины и стереотипов в исторических исследованиях, об обращении к тематике, которая разрабатывалась inadekvatно или обходилась молчанием, об открытии доступа к архивам и "другим источникам информации" в библиотеках /имелись в виду спецархивы - В.М./, о проведении научных дискуссий⁹⁸ и т.д. Постановленные задачи по своей сути были аналогичны тем, которые выдвигались чехословацкими историками еще

в 60-е годы и которые широко дискутируются сегодня в советской исторической науке.

"Гархатная революция" осени 1989 г. несомненно положила начало новому этапу в развитии чехословацкой историографии. Признаки этого обозначались как в публицистике, так и в активизации деятельности той группы историков, которые незаслуженно пострадали после 1968 г. и теперь восстанавливаются в своих правах исследователей. Безусловно появится критическая переоценка последнего 20-летия в историографии, но важно, чтобы это не было огульным отрицанием всего, что было сделано в эти годы /а сделано было немало/, чтобы сохранился континуитет в развитии исторической науки, чтобы критика не превратилась в критиканство. Поэтому у прав И.Куклака, предупреждавший от того, "чтобы критика историков не переросла во всеобщее клеймение каменной печатью, от которой они уже никогда не смогут избавиться". Можно согласиться с ним и в том, что каждый имеет право на ошибку и ее исправление, если на это у него есть и моральное право⁹⁹.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Beneš E. Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství. Praha, 1947
2. Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl I,2. Praha, 1947-1948
Fierlinger Z. Od Mnichova po Košice. Praha, 1946
3. Lettrich J. O Slovenskej Národnej Rade. Bratislava, (1945); Nosko J. Vojaci v Slovenskom národnom povstaní Bratislava, (1945); Kopecký V. Gottwald v Moskvě. Praha, 1946
4. CM. Slovenské národné povstanie a národno-oslobodzovací boj slovenského ľudu. 1938-1945. Výberová bibliografia. Praha, 1967
5. Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Reči, projevy a dokumenty z r. 1938-1945. Praha, 1946; Clementis V. Odkazy z Londýna. Bratislava, 1947; Husák G. Zápas o zajištění. Bratislava, 1948
6. Bojující Československo. 1938-1945. Košice, 1945; Před sudom národa. Bratislava, 1947; Rašla A. Tiso a povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1947; Druhý československý odboj v SSSR. Bratislava, 1948
7. Mišík V. Slovenské národní povstání. Praha, 1945; Šujan J. Slovenské národné povstanie. Banská Bystrica, 1945; Nad Tatrou sa blýska. Praha-Bratislava, 1946
8. Лондон А. Признание /, Иностранная литература, 1989, № 1, с. 180
9. Historický časopis, 1954, N I, s. 118
10. Sborník Ústavu Slovenského národního povstania, 1949, N I-4, 1950, N I-4
11. CM. Pravda, 8.IV.1951
12. Historický časopis, 1954, N I, s. 6
13. Ibid., s. 3-38, 105-112
14. Slovenské národné povstanie. Bratislava, 1954
15. Gosiorovský M. Slovenské národné povstanie. Bratislava, 1954; Doležal J. Slovenské národní povstání. Praha, 1954; 15 výročie Slovenského národního povstania. Materialy z vedeckej konferencie. Bratislava, 1959
16. Doležal J., Hrozič J. Medzinárodná solidarita v SNP. Bratislava, 1959; Faltan S. Partizánska vojna na Slovensku. Bratislava, 1959; Hučková-Štvrtecká A. Činnosť prvého ilegálneho ÚV KSČ. Bratislava, 1959; Krajník O. Komunisti bratislavskej oblasti v boji proti fašizmu v rokoch 1938-1942. Bratislava, 1959
17. Kropilák M. Slovenské národné povstanie v našej historiografii a ďalšie perspektívy spracovania. // Historický časopis, 1980, N I, s. 6-7
18. Pavlík B.-Bílý J. KSČ v boji za svobodu. Praha, 1948
19. Gottwald K. Za večné bratstvo čechov a slovákov. Bratislava, 1949; Gottwald K. Deset rokov. Zborník statí a prejavov rokov 1936-1946. Bratislava, 1950; Gottwald K. So Sovietskym Zväzom na večné časy. Bratislava, 1951; Gottwald K. Spisy, sv. 9, 10, 11. Bratislava, 1954, 1955
20. Klement Gottwald a Viliam Široký o našom odboji. Bratislava, 1954
21. Za slávu českého a slovenského národa. Bratislava, 1956
22. Kopecký V. KSČ a KSČ. Praha, 1960

23. Laštovička B. V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR. 1939-1945. Praha, 1960.
24. Beer F. Komunistická strana Československa v čele národněsvobozenického boje českého a slovenského lidu (1938-1945). Praha, 1956.
25. Král V. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v českých zemích v letech 1938-1945, sv.I,II,III. Praha, 1957,1958,1959
26. Československý časopis Historický(ČCH),1960,N I, s.6
27. Ibid., s.54
28. Historie a vojenství (HaV), 1963, N 3, s.454
29. Příspěvky k dějinám KSČ (Příspěvky...),1963,N 3,1964N5
30. Sovětská historiografie včera a dnes. Praha,1966
31. Příspěvky..., 1965, N 3, s.444
32. Ibid., 1966, N 3, s.329
33. Ibid., 1963, N I, s.42
34. Odboj a revoluce. Zprávy. 1969, N I, s.90
35. Nacistická okupace Evropy, d.I-4. Praha,1966
36. Příspěvky..., 1962, N 4, s.624-629
37. HaV, 1963, N 3, s.448
38. Odboj a revoluce.Zprávy,1966,N I,s.74;N 4,s.141-147
39. Chtěli nás vyhubit.Sb.dok-ů. Praha,1961; Zločiny nacistu za okupace a osvobozenický boj našeho lidu.Praha1961
40. Slovenské národné povstanie.Dokumenty.Bratislava, 1964
41. "Pravda" v období SNP.Sept.1944-okt.1944.Bratislava1964
42. Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Sv. I,II. Praha, 1965
43. Dokumenty z historie československé politiky.1939-1943. Praha, 1966
44. Depeše mezi Prahou a Moskvou. 1939-1941 // Příspěvky... 1967, N 3
45. HaV, 1967, N 6, s.979-1019
46. HaV, 1964, N 3
47. Sborník Matice Moravské, 1965, s.258-277
48. Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938-1945. Praha, 1965
49. Rejcin B. Situace a odboj v protektorátě v letech 1939-1940//Z počátku odboje.1938-1941. Praha, 1969,s.61-III
50. Příspěvky...1964, N I,s.154-168; N 2, s.322-328
51. Бареш Г.Три схватки Я.Зики.Киев, 1965; Friš E.Povstanie zd'aleka a zblizka. Bratislava,1966; Grňa J. Sedm roku na domácí frontě. Brno, 1968; Rašla A. Civilista v armáde. Spomienky na roky 1938-1945.Bratislava, 1967; Z počátku odboje, s.III-160,161-208,249-264, 265-302, 303-376
52. Odboj a revoluce.Nástin dějin československého odboje. Praha,1965
53. Odboj a revoluce. Zprávy. 1966, N I, s.6-18
54. Ibid., 1966, N 3, s.135-137
55. Ibid., s.161-212
56. Příspěvky..., 1963, N I, s.59
57. Tesár J. Poznámky k problému okupačního režimu v tzv. "protektorátě" //HaV, 1964, N 2, N 3
58. HaV,1966, N 5; Příspěvky..., 1967, N I; ČCH,1967,N 3; 1969, N 4

59. Mencl V. a Sladek O. Dny odvahy. Z historie revoluční skupiny Předvoj. Praha, 1966; Janáček F. Dva směry v začiatkoch národného odboja. Bratislava, 1962; Janáček O. O programu Pětičlenného výboru "Věrní staneme" z let 1940-1941. // Revue dějin socialismu. 1968, N 1; Přikryl J. Vojenská odbojová organizace Obrana národa. // Sborník Matice Moravské, 86/1967.
60. Křen J. Do emigrace. Západní zahraniční odboj. 1938-1939. Praha, 1966; Křen J. V emigraci. Západní zahraniční odboj. 1939-1940. Praha, 1969
61. Moulis M. Mladež proti okupantům. Praha, 1966; Lehar L. Pražští kováci v boji za svobodu (1939-1941). Praha, 1965; Sprysal J. K problematice postavení českého rolnictva v letech 1939-1941. // HaV, 1967, N 4
62. Partýzanské hnutí v Československu za druhé světové války (A. Benčík, V. Kural, J. Paulíček a.). Praha, 1961; Doležal J. Jediná cesta. Cesta ozbrojeného boje v českých zemích. Praha, 1966
63. Bartošek K. Pražské povstání. 1945. Praha, 1965
64. Zámečník S. Květnové povstání českého lidu. // HaV, 1965, N 1; Zámečník S. Komunistická koncepce a otázky národnofronty v českých zemích (1945). // HaV, 1968, N 2; Doležal J. Jak vzniklo české květnové povstání. // Slovenský přehled, 1965, N 2
65. Slovenské národné povstanie roku 1944. Bratislava, 1965
66. Husák G. Svedectvo o Slovenskom národnom Povstaní. Bratislava, 1964
67. Příspěvky..., 1965, N 1 (A. Benčík, J. Navrátil)
68. Dejinná křižovatka. Bratislava, 1964
69. Ibid., s. 9-10
70. Falt'an S. Partizani na Slovensku. Bratislava, 1960; Falt'an S. O Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1964; Kropilák M. Účast' vojakov v Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1960; Jablonický J. Slovensko na prelome. Bratislava, 1965; Jablonický J. Z illegality do povstania. Bratislava, 1969; Lipták L. Slovenský štát a protifašistické hnutie v r. 1939-1943. // Historický časopis (HC), 1966 N apr.
71. Křen J. K metodickým otázkám moderních dějin. // Příspěvky..., 1965, N 3, s. 336; Křen J., Kural V. Ke smyslu českého protifašistického odboje. // HaV, 1965, N 1; Tesářík J. O metodě historického výzkumu veřejného mínění společnosti pod nacistickým režimem. // HaV, 1966, N 2
72. Křen J. K metodickým otázkám..., s. 342
73. Národní fronta a komunisté. 1938-1945. Praha, 1968
74. Střední a jihovýchodní Evropa ve válce a v revoluci. 1939-1945. Praha, 1969
75. Křen J. K metodickým otázkám..., s. 331
76. Odboj a revoluce. Zprávy. 1967, N 4
77. Ibid., 1969, N 1, s. 94-96
78. Král V. Myšlenkový svět historie. Praha, 1974; Slovenský přehled, 1980, N 3
79. Prokon R., Sadecký L., Ríha K. České dějepisectví včera, dnes a zítra. // Historické studie, leden 1988, s. 116-117

80. HC, 1976, N I-2; 1985, N I
81. HC, 1976, N I-2, s.312
82. Historiografie v Československu. 1970-1980. Výběrová bibliografie. Praha, 1980, s.206-229
83. Český odboj na sklonku války ve světle nacistických dokumentů, d.I,II. Praha, 1970; KSC proti nacismu. Praha, 1971; Květnové povstání českého lidu. SB. dok. ú. Praha, 1974; Sborník dokumentů k dějinám CSR a KSC v letech 1938-1945, d.I,II. Praha, 1971,1972; Slovenské národné povstanie. Nemci a Slovensko. 1944. Dokumenty. Bratislava, 1971
84. Rudé právo. 1939-1945. Praha, 1971; Pravda, 1944. Martin, 1974; Nové slovo. Martin, 1974; Moravská rov. ost. 1940-1945. Brno, 1985
85. Julius Fučík v boji proti fašismu (Výbor z díla). Praha, 1973; Novoměstský L. Slávnost istoty. Výber zo statí a príspevkov o kultúre a umení. I. 1938-1944. Bratislava, 1970; Hovoří Moskva: Rozhlasové projevy z let 1939-1945. Praha, 1975
86. Bojovali, jsme a zvítězili: Leta 1938-1945 ve vzpomínkách pamětníků. Praha, 1979; Proti fašismu za národné osvobodzenie. Bratislava, 1979
87. Bouček M., Klimeš M., Vartíková M. Program revoluce. Praha, 1975; Hajková A. Strana v odboji. Praha, 1975; Zizka J. Proti okupantům. Strana a lid v boji proti nacistům (červen 1941-leden 1945). Praha, 1975 Za národní osvobození, za novou republiku.1938-1945. Praha, 1982; Hajková A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984
88. Gebhart J., Šimovček J. Partyzani v Československu. 1941-1945. Praha-Bratislava, 1984
89. Koutek J., Tichá fronta. Praha, 1985; Gebhart J., Koutek J., Kuklík J. Na frontách tajné války. Praha, 1989
90. Český antifašismus a odboj. Slovníková příručka. Pr. 1988
91. Dějiny Slovenského národního povstania 1944, d.I-5. Bratislava, 1984
92. Stefanský V. Armáda v Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1984;
93. Kropilák M. Povstanie a revolucia Bratislava, 1984; Plevza V. Slovenské národné povstanie - začiatok národnej a demokratickej revolúcie v Československu. Bratislava, 1984; Barnovský M. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944-1948. Bratislava, 1978;
94. HC, 1990, N 2
95. Historické studie, roč.I, s.154-181, 182-210; roč.4, s.3-56; roč.15, s.2-77; roč.16, s.107-175
96. Ibid., roč.5, s.20-72
97. Kural V. ÚVOD. Praha, 1985; Vrabec V. Zmařená naděje. K historii odbojového seskupení Pětičnický výbor Věrní zůstaneme. Praha, 1985
98. Rudé právo, 6.III.1989
99. Tvorba, 1990, N I9

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ 1941-1945 гг. В ЮГОСЛАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Когда речь идет о событиях 1941-1945 гг. в Югославии, то определение "движение Сопротивления" не отвечает ни размаху, ни существу этих событий. Уже давно в югославской, в советской и историографии ряда других стран эти события характеризуются, как народно-освободительная война, как социалистическая революция^х, которая привела к коренному изменению характера государственного строя.

Гитлеровское нападение на Советский Союз Коммунистическая партия Югославии /КПЮ/, югославские патриоты расценили как сигнал для начала вооруженной борьбы против фашистских оккупантов и их пособников. К осени 1941 г. страна была охвачена восстанием. В борьбе приняли участие представители различных классов и слоев населения: трудящиеся города и деревни, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, по преимуществу трудовая, патриотически настроенные круги мелкой и средней буржуазии, офицерство, чиновничество, часть духовенства.

Еще до оккупации Югославии ее буржуазия проявила себя как одна из самых реакционных в Восточной Европе. Буржуазные партии и их руководители, входившие в правительство, проводили антинародную политику, полагали, что фашистские главари не только не нарушат, но и защитят их классовые интересы. Поэтому правительство Цветковича в марте 1941 года присоединилось к Тройственному пакту фашистских держав. Поэтому хорватская буржуазия приветствовала одобрен-

^хПравда, в последнее время этот тезис отвергается некоторыми югославскими историками. Так, Чосич считает, что в период войны в Югославии происходила антифашистская народная, а вовсе не социалистическая революция¹.

ное Гитлером и Муссолини создание марионеточного "независимого государства Хорватия" во главе с фашистским ставленником А.Павеличем. Поэтому реакционная великосербская буржуазия поддержала генерала М.Недича, сформировавшего квислинговское "правительство" в Сербии. То же самое можно сказать и о реакционных кругах словенской и черньгорской буржуазии, стремившейся использовать фашистскую оккупацию в своих сепаратистских целях.

Часть югославской буржуазии была настроена прозападно. Свои надежды на восстановление независимой монархической Югославии и довоенных порядков она связывала с победой союзников, с деятельностью югославского эмигрантского правительства в Лондоне, заявившего о принадлежности к антигитлеровской коалиции. Однако эмигрантское правительство, опасаясь революционизации масс, по сути препятствовало развертыванию антифашистской вооруженной борьбы в стране, оказывало всяческое содействие военно-политической организации четников /чета - отряд - I.C./ во главе с военным министром этого правительства генералом Д.Михайловичем. С помощью четников прозападно ориентированная часть буржуазии рассчитывала придти к власти в Югославии в момент ее освобождения. Руководство четников на словах выступало против оккупантов, а на деле - и это было доказано документально - использовало свои войска для вооруженной борьбы против народно-освободительного движения. Оно пошло по пути сотрудничества с фашистскими оккупантами.

Победа в войне и революции имела величайшее значение для исторических судеб народов Югославии. Естественно, что период 1941-1945 гг. в жизни страны находился и продолжает находиться в центре внимания многих югославских историков. Уже существующая огромная и разнообразная литература с каждым годом дополняется, о чем свидетельствует ряд библиографических работ. Из них одна из наиболее солидных - "Библиография трудов о народно-освободительной войне и революции в Югославии /1941-1945/"². В книге даны сведения о почти двух тысячах публикаций, освещающих борьбу народов Югославии против фашизма, а также боевое

сотрудничество Народно-освободительной и Советской армий в годы второй мировой войны. До этой книги вышло около 40 больших и малых библиографических изданий. Но основательные историографические работы на эту важную тему пока не написаны ни в Югославии, ни в СССР. Можно назвать только краткие обзоры и отдельные статьи. К ним, например, относится статья бывшего директора Института современной истории в Белграде П.Морачи, который, пожалуй, больше других югославских историков сделал для научной разработки и освещения вопросов истории Народно-освободительной войны и революции³. Другой югославский историк — член Черногорской академии наук В.Стругар, дал в реферате докторской диссертации обширный обзор источников и литературы⁴.

В развитии югославской историографии видимо можно выделить три периода: 1945—1948 гг., 1949—1955 гг. и 1956 г. и далее⁵. Выделение этапа 1949—1955 гг. связано с тем, что в эти годы на научную разработку вопросов истории Народно-освободительной войны и революции в Югославии оказали значительное отрицательное влияние приказы в июне 1948 г. и в сентябре 1949 г. постановления Информбюро коммунистических и рабочих партий о положении в Компартии Югославии. Они привели к нарушению добрых отношений между Советским Союзом и Югославией, что нашло отражение и в советской, и в югославской историографии, в необъективно ненаучном освещении многих событий 1941—1945 гг.⁶ Лишь после 1956 г. /XX съезд КПСС/ и в советской, и в югославской историографии постепенно складывались условия для объективного исследования событий революционных лет и их правдивого описания.

Нужно учесть, что в первые годы своего существования новая, народная Югославия не располагала кадрами историков, стоявших на позициях, близких к марксистским. Можно назвать лишь нескольких активных участников рабочего коммунистического движения в югославском королевстве, которые положили начало историографии нового направления в послевоенной Югославии. Это — Т.Кашлерович, С.Димитриевич, П.Цази. Кадров историков, ныне представляющих югос-

лавскую историческую науку воспитывались постепенно в Белградском, Загребском, Люблянском, Сараевском и других университетах и научных учреждениях.

С первых послевоенных лет в Югославии, несмотря на трудности, уделялось надлежащее внимание созданию базы для изучения ее новейшей истории. В Белграде развернул сбор документов и материалов Исторический Архив Коммунистической партии Югославии, впоследствии Архив ЦК Союза Коммунистов. В каждой из шести югославских республик, а также в двух автономных краях — Воеводине и Косове, постепенно формировались Институты по истории рабочего движения с приданными им и постоянно пополнявшимися архивами. В Белграде был учрежден — также с Архивом — Военно-исторический институт Югославской народной армии. Все эти научные учреждения в первую очередь сосредоточились на изучении вопросов истории народно-освободительной войны и революции 1941—1945 гг. В 1949—1951 гг. вышли в свет семь томов "Исторического архива КПЮ", из которых первый /в двух книгах/ и седьмой содержали материалы по периоду войны⁷. В 1975 г. было предпринято издание документов центральных органов КПЮ в 23 томах, охватывающее только период народно-освободительной войны и революции⁸.

Военно-исторический институт Югославской Народной Армии в 1949 г. приступил к изданию "Сборника документов и материалов о народно-освободительной войне югославских народов". К настоящему времени число опубликованных книг этого Сборника уже превысило 160. Сборник содержит документы Верховного штаба народно-освободительной армии и партизанских отрядов, краевого и областного руководства народно-освободительного движения, законодательных органов власти — Антифашистского вече народного освобождения Югославии, высших штабов частей народно-освободительной армии с апреля 1941 г. по май 1945 г.⁹ В 12-й, 13, 14 тома Сборника включены соответственно документы командования и учреждений гитлеровского "рейха", фашистской Италии, четнических частей и подразделений, находившихся под командованием генерала Михайловича. Этот сборник

один из самых ценных источников по истории войны и революции. Военно-исторический институт ВИА издал также в 1982 г. объемистый Сборник избранных документов по этой тематике¹⁰. Он рассчитан на зарубежного, в том числе и советского, читателя, и снабжен примечаниями и комментариями к документам.

Сборники документов, позволяющие проследить развитие антифашистского движения и освободительной войны на территории отдельных югославских республик и краев, выпущены их научными учреждениями. Они содержат решения партийных организаций, народно-освободительных комитетов, листовки и воззвания, статьи из партизанских газет и другие материалы. Вот, например, "Архив Коммунистической партии Боснии и Герцеговины" включает комплекты газеты "Освобождение" – органа Народного фронта Боснии и Герцеговины, входившей на оккупированной, а с декабря 1944 г. – на освобожденной территории края, а также документы руководства КП Боснии и Герцеговины¹¹.

Важную роль в антифашистской войне и революции сыграла молодежь, составлявшая большинство в партизанских отрядах и в народно-освободительной армии. Ряд солидных исследований, посвященных анализу деятельности Союза Коммунистической молодежи и вкладу югославской молодежи в победу революции принадлежит П. Качавенде. Из них отметим "СКМЮ и молодежь в Народно – освободительной армии и партизанских отрядах Югославии", "СКМЮ и молодежь в войне и революции."

Деятельность Союза коммунистической молодежи Югославии, слившегося в годы войны с другими прогрессивными молодежными организациями в Объединенный Союз Антифашистской молодежи Югославии, также отражена в ряде сборников документов и материалов¹³. То же можно сказать и о созданном в декабре 1942 г. Антифашистском фронте женщин¹⁴. И даже участие югославских пионеров во всенародной борьбе нашло отражение в нескольких документальных изданиях¹⁵. В специальном двухтомном издании¹⁶ собраны биографические

данные о Народных Героях Югославии, особо отличившихся в борьбе с врагом.

Об участии представителей различных слоев югославского общества в народно-освободительной войне и революции можно узнать из многочисленных биографических материалов, которых опубликовано уже более 200. Есть исторические очерки и документальные материалы о металлотах, железнодорожниках, о людях других рабочих профессий, об интеллигенции, крестьянах, об участии целых сел и сельских районов в народно-освободительной борьбе, об офицерах королевской армии /например, полковник Сава Орович/, о литераторах /например, поэт Владимир Назор/, о православных священниках /например, Владо Зеченич/, вставших на сторону борцов с фашизмом. Кстати, примеров участия в освободительном движении низших представителей духовенства, особенно православного, немало, и при характеристике отношения югославского клира к оккупантам и оккупации позиции различных церковных кругов нужно рассматривать дифференцированно.

Значительную ценность представляют дневники и воспоминания участников войны и революции¹⁷. Ряд их опубликовали свои мемуары, в которых подчас односторонне и субъективно изображают происходившие события. К таким мемуарам, например, относится двухтомник, написанный С.Вукмановичем - Темпо, видным деятелем югославского коммунистического движения, выполнявшим во время войны ответственные поручения Верховного командования партизанскими войсками¹⁸. Эти мемуары подверглись критике как участников народно-освободительной борьбы, так и ее историков.

Одним из важнейших источников, дающих возможность проследить развитие войны и революции в Югославии, являются произведения руководящих деятелей КПЮ - И.Броз Тито, Э.Карделя, А.Ранковича, М.Джиласа, Б.Кидрича, М.Пьяде, Р.Чолаковича и других. В 1977 г. в Белграде, а также в других республиканских центрах страны начало выходить Полное собрание сочинений И.Броз Тито¹⁹, в котором 25

томов содержат материалы, непосредственно связанные с войной и революцией. В предисловии к собранию своих сочинений Тито заверял, что "в интересах исторической истины" он не вносил в них никаких поправок, лишь некоторые тексты сопровождал своими замечаниями и разъяснениями.

Анализ важнейших проблем народно-освободительного движения и революции содержат также статьи и речи Э.Карделя, который выступал не только как один из руководителей Компартии Югославии, но и как ее главный теоретик. В сборнике статей и речей Э.Карделя "Путь новой Югославии" имеются материалы о втором заседании Антифашистского вече народного освобождения, заложившем фундамент новой Югославии, о политике и задачах Народного фронта и других ключевых вопросах²⁰. Нужно отметить также работы, включенные в 3, 4 и 5 тома избранных сочинений одного из видных деятелей КЮ того времени М.Пьяде, которые охватывают военные и первые послевоенные годы²¹.

Освещая развитие антифашистской борьбы, историография СФРЮ, естественно, уделяла внимание тем 12 дням так называемой апрельской войны 1941 года, которая завершилась крахом королевской Югославии. И ход этой войны, и причины быстрого поражения югославской армии наиболее полно и тщательно исследовал ее участник полковник Велимир Терзич. Он стал затем одним из виднейших партизанских военачальников и завершил войну в звании генерал-лейтенанта, главы первой военной миссии народной Югославии в Советском Союзе. Труд В.Терзича "Апрельская война" вышел первым изданием в 1963 г., и вторым, значительно переработанным и дополненным, уже в 2 книгах и под новым названием "Крах королевской Югославии" в 1982 г., незадолго до смерти автора²².

Обстоятельное описание внутриполитического и внешнеполитического положения Югославии, хода апрельской войны и причин капитуляции Югославской армии дал также один из югославских историков старшего поколения С.Чуданович в

монографии "Крах старой Югославии". Ему же принадлежит и ряд других серьезных монографий об освободительной войне и создании нового югославского государства²³.

К исследованиям об апрельской войне 1941 г. примыкают работы, вскрывающие существо оккупационного режима, установленного в разорванной на части после капитуляции Югославии. Порядки, введенные и поддерживаемые немецкими и итальянскими захватчиками и их венгерскими и болгарскими сателлитами на территориях, оказавшихся под их властью, различались между собой. Но это обстоятельство не оказало существенного влияния на отношение к этим порядкам трудящихся Сербии, Словении, Черногории, Македонии. На территориях Хорватии и Боснии и Герцеговины было создано марионетное государство — так называемое независимое государство — так называемое независимое государство Хорватия. И на оккупированных территориях, и в квислинговском хорватском государстве еще до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз началась борьба против установленного фашистами и их пособниками режима.

Научный анализ оккупационной системы дан в ряде работ югославских историков, и в частности в сборнике "Оккупационная система в Югославии", содержащем доклады югославских историков на 3-м Международном конгрессе по истории движения Сопротивления, состоявшемся в Карловых Варах в сентябре 1963 г.²⁴ О режиме оккупации в Словении, о предательской роли верхов словенской буржуазии и католического клира, сотрудничавших с оккупантами, говорится в монографии Ф. Сапе²⁵. ныне югославская историография располагает значительным числом работ, характеризующих правление оккупантов и их пособников во всех краях Югославии.

В 50-е годы велась работа и по написанию обобщающих трудов. Белградский Военно-исторический институт издал в 1957-1958 гг. коллективную монографию "Освободительная война народов Югославии" /1941-1945/²⁶, охватывающую события от капитуляции королевской армии до завершения вой-

ны. Этот двухтомник до сих пор не утратил своей научной значимости. Тогда же этим Институтом был издан труд "Заключительные операции по освобождению Югославии. 1944-1945 гг."²⁷, авторы которого ставили своей целью подробно осветить завершающий период народно-освободительной войны.

В конце 50-х годов была опубликована и совместная работа П.Морачи и И.Марьяновича "Наша освободительная война и народная революция"²⁸. За прошедшие с тех пор тридцать лет югославская историография пополнилась еще рядом обобщающих трудов на тему о войне и революции 1941-1945 гг. Академику Владо Стругару принадлежит труд об освободительной войне в Югославии, переведенный на несколько языков, в том числе на русский²⁹. В работе В.Стругара, бывшего полковника ЮНА, поэтапно прослежены ход и развитие освободительной войны глазами не только историка, но и военного специалиста. Это и достоинство работы и, вместе с тем, ее недостаток, так как гражданские сюжеты исследуемой темы автор осветил довольно скупо.

Деятельность КПЮ во время войны, как единственной общегославской партии, единственной политической силы, выступившей, в отличие от развалившихся и прекративших свое существование буржуазных партий, в качестве организатора всенародного сопротивления освещена во многих работах югославских историков, в частности, в ряде сборников, статей и многочисленных книгах. Так, перу П.Морачи принадлежат очерки и монографии по истории Союза коммунистов Югославии, охватывавшие период войны, а также десятки других работ о КПЮ, написанными в соавторстве.

В 1963 г. коллектив видных югославских историков опубликовал первый обобщающий труд по истории Коммунистической партии Югославии³¹, спустя 22 года, в 1985 г., обновленный и расширенный авторский коллектив, с участием П.Морачи, П.Дамьяновича, Ф.Трго, Б.Петрановича, Д.Биланджича, С.Стояновича, М.Васича и других историков выпустил основательно дополненное и переработанное издание того

же труда по истории Коммунистической партии с большой главой, посвященной народно-освободительной войне и революционной смене власти³². Есть монографии, рассматривающие историю партии в отдельных республиках. Так ошибки и искривления в проведении в Боснии и Герцеговине линии КПЮ в восстании, их тяжелые последствия для народно-освободительной борьбы в крае показаны в книге Р.Хурема³³.

Деятельность КПЮ в годы освободительной войны и революции в настоящее время продолжала оставаться одной из важных тем исследований югославских историков. Наряду с ней освещается история Единого народно-освободительного фронта — ЕНЮФ. Надо отметить, что попытки руководителей КПЮ после оккупации страны договориться с лидерами бывших буржуазных партий о совместных антифашистских действиях по сути оказались безуспешными. Народно-освободительный фронт в Югославии создавался не "сверху", а "снизу", антифашистски настроенными трудящимися города и деревни, всеми патриотами.

Естественно, что в работах об освободительной войне и революции в той или иной степени освещается и затрагивается деятельность организаций ЕНЮФ. Но посвященных собственно Народному фронту исследований немного. Среди них выделяется монография Д. Живковича³⁴. Автор проследил и охарактеризовал основные моменты в создании и укреплении организаций Народного фронта на всех оккупированных, а затем и освобожденных территориях Югославии, и особенно в Словении, где его организации действовали наиболее активно и успешно. В разработку истории Народного фронта заметный вклад внес профессор Белградского университета Б.Петранович, который по существу первый исследовал деятельность Народного фронта в завершающий период освобождения Югославии, показал, как закладывались политические и экономические основы народной власти³⁵. Петранович исследовал также вопрос о позициях руководства буржуазных партий во время войны³⁶.

В 1984 году вышел большой сборник статей Б.Петрановича по вопросам новейшей югославской истории и ее пробле-

мам "Историография и революция"³⁷.

От Народного фронта до Социалистического Союза — так назвал свою монографию М. Ракич, имея в виду преобразование после войны Народного фронта в Социалистический союз трудового народа Югославии³⁸. Один из его руководителей Д. Петрович-Шапе в своей книге "Народ в революции" характеризует этапы развития Народного фронта³⁹. Роль коммунистов в создании народных, национальных фронтов в Югославии, в Польше и Чехословакии рассматривается в сборнике материалов международного симпозиума на тему "Народный фронт и коммунисты"⁴⁰. Строительство новой государственной организации Демократической Федеративной Югославии, начатые в период народно-освободительной войны, описано и исследовано в ряде работ, из которых наиболее основательными до сих пор считаются труды представителей старшего поколения историков — Л. Гершковица и Ф. Чулиновича⁴¹. Работа Л. Гершковица хорошо документирована, особенно что касается 2-й сессии Антифашистского вече народного освобождения. В работе академика Ф. Чулиновича специально рассматриваются вопросы права в период создания основ новой югославской государственности.

42
Возникновению и развитию народной власти в Югославии, посвящена монография Д. Живковича. Есть ряд исследований, где рассматриваются становление, укрепление и развитие органов народной власти в Сербии, Хорватии и других югославских землях⁴³. Документальные материалы, касающиеся создания, укрепления и развития народной власти, особенно 1-й и 2-й сессий АВНОЮ, были скрупулезно собраны, обработаны, прокомментированы и изданы С. Лешовичем и теперь широко используются исследователями⁴⁴.

Югославские историки длительное время не уделяли надлежащего внимания политике и мероприятиям народной власти в области экономики, осуществленным в годы войны. Из немногочисленных работ на эту тему отметим принадлежащие перу Д. Косановича и С. Лешовича⁴⁵. Монография Г. Хумара "Возникновение общественной собственности в Югославии"

несомненно, относится к числу до сих пор немногих серьезных и хорошо документированных исследований на эту тему. Автор, ссылаясь на Тито, Карделя, Кидрича, подчеркивает, что, так как югославская революция развивалась в ходе народно-освободительной войны, появление первых элементов социалистического типа в экономике страны стало не результатом формальной национализации, а конфискации собственности предателей народа⁴⁶.

Весьма ограниченное число югославских исследователей занимались изучением роли рабочего класса, крестьянства и средних слоев населения в народно-освободительной войне и революции. Из хорватских материалов осветил эту проблему П. Ёасаканда в работе "Классы, слои и революция". Автор пришел к заключению, что в Хорватии, в силу, как он выражается, "дефицита рабочего класса в социальной структуре общества", его роль в значительной мере взяла на себя и осуществила Коммунистическая партия Хорватии, объединявшая и связавшая воедино всех участников революционного процесса. КПХ удалось активизировать миллионные массы крестьянства, которые составили главную силу частей народно-освободительной армии и народно-освободительных комитетов⁴⁷.

Положение крестьянства в первый период аграрных преобразований в стране, состояние сельского хозяйства Югославии, его экономика наиболее основательно исследованы в многочисленных научных работах В. Стипетича. Отметим также посвященные этой проблематике труды С. Ловреновича.

Как уже отмечалось выше, основные группировки буржуазии во всех югославских землях непосредственно или косвенно служили оккупантам. Противники народно-освободительного движения возлагали надежды на югославское эмигрантское правительство в Лондоне, заявившее о принадлежности к антифашистской коалиции. В последнее время начали появляться работы, посвященные его деятельности. Подготовлен состоящий из двух томов сборник архивных документов "Югославское правительство в изгнании"⁴⁸. Он дает возможность проследить усилия эмигрантского правительства, направленные на то, чтобы затормозить развитие партизанского движения в

стране, предотвратить ликвидацию монархического строя. Опорой эмигрантского правительства в стране стало организованное полковником Д. Михайловичем четническое движение, которое не только отказалось от сотрудничества с народно-освободительным движением, но и вело вооруженную борьбу с ним^х. Историей четнического движения занимались в той или иной степени большинство югославских историков, исследовавших ход и развитие освободительной войны и народной революции. Но особенно среди этих исследований выделяются работы И. Марьяновича: "К истории конфликта народно-освободительного движения и четников Дражи Михайловича в Сербии 1941 г.", "Восстание и народно-освободительное движение в Сербии 1941 г."; подготовленный им сборник документов "Тайное и явное сотрудничество четников и оккупантов 1941-1944 гг.". Последний крупный труд И. Марьяновича - монография "Дража Михайлович между британцами и немцами". Опубликованный в 1979 г. первый том монографии именовался "Британский подзащитный"⁴⁹, а второй том, названный "Июмекский партнер", автор не успел завершить - помешала смерть.

К югославской историографии четнического движения с известным основанием можно отнести работу американского историка югославского происхождения И. Томашевича "Четники во второй мировой войне 1941-1945". Книга, изданная сначала в США, была затем переведена на хорвато-сербский язык, вышла в Загребе и получила высокую оценку научной общественности. Томашевич, как никто другой, основательно и детально показал все виды сотрудничества четников Михайловича с оккупантами. Но, как отмечалось в издательском предисловии к переводу книги, автор рассматривал эту коллаборацию "только как политическую ошибку", в то время как мы, в Югославии не можем освободиться от мучительного

^х В 1946 г. военный трибунал приговорил Д. Михайловича к расстрелу.

представления о гнусном предательстве⁵⁰. Но в Югославии есть и сторонники менее "жесткой" оценки личности Д. Михайловича. В частности, в обстоятельном труде В. Джуретича "Правительство на передутье" интерпретация фактов, связанных с политикой эмигрантского правительства, значительно отличается по словам самого автора "от представленной в югославской и британской историографиях"⁵¹. Видимо в связи с этим книга в свое время получила неоднозначную оценку: о ней с похвалой отзывался академик В. Стругар, но ее автор был осужден Союзом коммунистов Югославии, исключившим его из своих рядов.

Не только четническое движение, но и все другие политические силы, стремившиеся помешать становлению и укреплению народной власти, подверглись анализу в вышедшем в 1983 г. двухтомном труде Б. Петрановича "Революция и контрреволюция в Югославии /1941-1945/". Этот капитальный труд написан на основе многочисленных работ, опубликованных ранее его автором. Мимо него не может теперь пройти ни один исследователь истории народно-освободительной войны и социалистической революции в Югославии⁵².

Как констатируют многие югославские исследователи, благоприятные условия для победы народов Югославии в освободительной войне и революции сложились в значительной мере благодаря Советскому Союзу, который не только вынес главную тяжесть войны против фашистских держав, но и оказывал борющейся Югославии политическую, дипломатическую, материальную, а на завершающем этапе — и непосредственно военную помощь.

Необходимо сказать, что научных работ, в которых была бы показана роль Советского Союза, как военного союзника в борьбе за независимость, до сих пор мало. Наиболее значительным остается вышедший недавно вторым изданием: уже упоминавшийся коллективный труд югославских и советских историков "Белградская операция", в котором показано значение этой операции для окончательного изгнания фашистских оккупантов из Югославии, а также, на каких принципах было основано советско-югославское сотрудничество и как оно осу-

шестилето на деле⁵³. Серьезным исследованием является монография И.Вишнич "Операция по освобождению Сербии. 1944", в ней оценены не только значение участия в этой операции Советской Армии, но и боевые действия Болгарской армии Отечественного фронта.

Отношение югославского освободительного движения к Советскому Союзу раскрыто в монографии М.Станишича "КПЮ в строительстве вооруженных сил революции. 1941-1945". Автор считает, что в лице Советского Союза освободительные и революционные силы Югославии приобрели главного союзника, что вступление СССР в войну открывало для югославов перспективы борьбы не только против фашизма, но и за социальное освобождение, что Советский Союз рассматривался также, как союзник в борьбе против возможных попыток западных держав после краха фашизма навязать народам Югославии старую общественную систему⁵⁴.

В некоторых работах югославских авторов, к сожалению, проявляется необъективный подход к освещению роли Советского Союза в победе над фашистскими державами. Корни этой необъективности уходят в период временного нарушения советско-югославских отношений в конце 40 - начале 50-х годов. Эта необъективность в известной мере проявилась и в упомянутых выше обобщающих трудах Военно-исторического института Югославской армии.

В течение ряда лет с необъективных по отношению к СССР позиций выступает такой известный историк как академик В.Дедьер, что, в частности, нашло отражение в написанном им разделе коллективного труда "История Югославии"⁵⁵. В первой половине 80-х годов у Дедьера вышли из печати три тома труда по истории новой, Народной Югославии, в которых содержатся главным образом материалы о жизни и деятельности И.Броз Тито⁵⁶. Многие участники специально организованного югославскими историками "круглого стола" /январь 1982 г./ выступили с критикой некоторых выдвинутых Дедьером положений, касавшихся событий Народно-освободительной войны. По поводу освещения Дедьером событий, связанных с СССР, Д.Брашковиц, например, сказал:

"Дедлер очень старается в как можно более черном свете представить отношение СССР к нашей народно-освободительной борьбе"⁵⁷.

Б.Петранович и С.Нешович подготовили и опубликовали в 1983 г. с многочисленными комментариями тематический сборник документов "Антифашистское вече народного освобождения Югославии и революция"⁵⁸. Ряд комментариев, а также характер купюр в известных документах дают основание обратить внимание на некоторые, мягко говоря, неточности в освещении политики Советского Союза в отношении правительства Югославии. Вот один из примеров. Из доклада И.Броз Тито на Первой сессии Антифашистского вече народного освобождения в ноябре 1942 г. изъято следующее место: "В заключение я хотел бы еще раз подчеркнуть, что все результаты нашей борьбы, которых мы достигли до сих пор, в наибольшей части заслуга наших великих славянских братьев - русских и всех народов Советского Союза"⁵⁹.

Историки, редактировавшие собрание работ и статей И.Броз Тито, вышедшее в 1959 г. в Белграде, внесли в процитированное место существенное изменение. Вместо определения - заслуга "в наибольшей части", было напечатано, что результаты борьбы "являются отчасти и заслугой наших великих..." И далее по уже цитированному тексту. Этот искаженный текст в таком виде повторен и в опубликованном в Москве Политиздатом в 1987 г. сборнике избранных статей и речей Тито. Между тем, в вышедшем ранее в Белграде, в 1982 г. 13 томе Полного собрания сочинений Тито его выступление на Первой сессии Антифашистского вече и высокая оценка роли и значения Советского Союза для успешной освободительной борьбы народов Югославии даны в аутентичном первоначальном виде⁶⁰.

Благоприятное развитие отношений между Советским Союзом и Югославией содействовало преодолению пережитков прошлого, негативного наследия резолюций Информбиро, отражалось и в югославской историографии. В 1968 г. известный историк Никола Б.Попович опубликовал монографию, целиком

посвященную югославско-советским отношениям в годы второй мировой войны⁶¹. Проследивая развитие этих отношений и их нюансы, И. Попович приходит к выводу, что Советский Союз в политике и пропаганде народно-освободительного движения в Югославии занимал, безусловно, первое место, что это движение при политической, военной, материальной и моральной помощи Советского Союза оформило международное признание правительства, что по существу означало победу революции⁶².

Вскоре должен выйти в свет в Москве и Белграде также совместно подготовленный советскими и югославскими историками и архивистами документальный сборник /в двух томах/, дающий возможность проследить историю советско-югославских отношений на различных этапах Великой Отечественной войны и народно-освободительной войны в Югославии.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Советское славяноведение. 1990. № 4. С.18.
2. Радович Р., Јурјева И. Библиографија радова о народно-ослободилачком рату и револуцији у Југославији (1941-1945). 1945-1980. Београд. 1987.
8. См.: Вторая мировая война. Книга третья. Движение Сопротивления в Европе. М., 1966.
4. Стругар В. Освободительная война в Югославии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1968.
5. Славянская историография. Сборник статей. М., 1966. С.39.
6. См.: Вопросы истории. М., 1988, № 7; Новая и новейшая история. 1988. № 4.
7. Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Т. I, II, III. Београд. 1949-1951.
8. Dokumenti centralnih organa KPR. NOR i revolucija (1941-1945). Knj.1-23. Beograd. 1975-1989.
9. Сборник документа и података о народно-ослободилачком рату Југословенских народова. Београд. 1949-1991.
10. Народно-освободительная война и революция в Югославии. Белград. 1982.
11. Arhiv Kомунистичке партије Bosne i Hercegovine. T.I. Knj.1,2; T.III, Knj.1,2. Sarajevo. 1950-1952.
12. Kacavenda P. SKOJ i omladina u narodno-oslobodilačkoj vojsci i partizanskim odredima Jugoslavije. 1941-1945. Beograd. 1975; Idem. SKOJ i omladina u ratu i revoluciji. Beograd. 1978.
18. Документи историје омладинског покрета Југославије. Т. I. Т. 2. Књ. I, 2. Београд. 1953-1960; Материјал о омладинском покрету у току рата. Београд. 1948; Омладинска борба. Београд. 1949.
14. Zene Hrvatske u narodno-oslobodilačkoj borbi. Knj.1,2. Zagreb. 1955; Slovenke v narodno-osvobodilnem boju. Zbornik dokumentov, clankov in spominov. Knj.1,2,3. Ljubljana. 1970; Сборник на документи за учеството на жените од Македонија во народно-ослободителната војна и револуцијата 1941-1945. Скопје. 1976.
15. Pioniri u narodno-oslobodilačkoj borbi. Beograd. 1957; Djeca Hrvatske i narodno-oslobodilačka borba. Zagreb. 1955; Ratno djetinjstvo. Sarajevo. 1961; Цветови во пламен. Књ. I, 2. Скопје. 1967-1972.
16. Narodni heroji Jugoslavije. Knj.1,2. Beograd. 1975.
17. См., напр., Četrdeset godina. Knj.5,6,7. Beograd. 1961.
18. Vukmanović S. Revolucija, koja teče. Knj.12. Beograd. 1971.
19. Broz Tito J. Sabrana djela. T.1-32. Beograd. 1977-1991.
20. Kardelj E. Put nove Jugoslavije. Zagreb. 1946.
21. Pijade M. Izabrani spisi. Knj.3,4,5. Beograd. 1965-1966.
22. Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije. 1941. Beograd-Ljubljana-Titograd. 1982.

23. Ćulinović F. Slom stare Jugoslavije. Zagreb. 1958;
Idem. Stvaranje nove jugoslovenke države. Zagreb. 1959
Idem. Dvadeset sedmi mart. Zagreb. 1965; Idem. Okupa-
torska podjela Jugoslavije. Beograd. 1970.
24. Les sistemes d'occupation en Jugoslavie 1941-1945.
Belgrade. 1963.
25. Sajc F. Bełogardizam. Ljubljana. 1951.
26. Oslobođilacki rat naroda Jugoslavije 1941-1945. Knj.1,
2. Beograd. 1957-1958.
27. Završne operacije za oslobođenje Jugoslavije. 1944-
1945. Beograd. 1958.
28. Марјановић И. Мораца П. Наш ослободилачки рат и на-
родна револуција (1941-1945). Историјски преглед. Бео-
град. 1958.
29. Стругар В. Югославија в огне войны. 1941-1945. М.,
1985.
30. Četrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugosla-
venskog revolucionarnog radničkog pokreta. 1941-1945.
Knj.7. Beograd. 1961; Revolucionarni put partije;
Šezdeset godina razvoja i borbe KPJ (SKJ) i SkaJa.
Beograd. 1979; Šezdeset godina Saveza Komunista Jugo-
slavije. Sarajevo. 1979; Damjanović P. Tito pred te-
mama istorije. Beograd. 1972.
31. Преглед историје Савеза комуниста Југославије. Београд.
1963. С.281.
32. Историја Савеза комуниста Југославије. Београд. 1985.
С.159.
33. Hurem R. Kriza narodno-oslobodilačkog pokreta Bosni
i Hercegovini krajem 1941 i početkom 1942 godine.
Sarajevo. 1972.
34. Živković D. Narodni front Jugoslavije. Beograd. 1978.
S.161-276.
35. Petranović B. Političke i pravne prilike za vreme
privremene vlade Demokratske Federativne Jugoslavije.
Beograd. 1964; Politička i ekonomska osnova narodne
vlasti u Jugoslaviji u vreme obnove. Beograd. 1969.
36. СМ.; Politički život Jugoslavije. Beograd. 1973.
S.493-530; Petranović B. Istorija Jugoslavije. 1918-
1978. Beograd. 1980.
37. Petranović B. Istoriografija i revolucije. Beograd.
1984.
38. Rakić M. Od Narodnog Fronta do Socijalističkog Saveza.
Sarajevo. 1979.
39. Petrović-Sane D. Narod u revoluciji. Beograd. 1978.
40. Narodni front i komunisti 1938-1945. Beograd. Prag.
Varsava. 1968.
41. Гершкович Л. Историја народне власти. Београд. 1950-
1955. 2 књ.; Ćulinović F. Stvaranje nove jugoslaven-
ske države. Zagreb. 1959.
42. Živković D. Postanak i razvoj narodne vlasti u Jugo-
slaviji. 1941-1942. Beograd. 1969.
43. Ковачевић М. Народна власт у Србији: 1941-1961. Бео-
град. 1962; Korać D. Narodna vlast u Zagrebu i Oko-
lici. 1941-1945. Zagreb. 1978; Cemerlio H. Bosna i

Hercegovina u narodno-oslobodilačkoj borbi. Sarajevo, 1965; Duretic V. Narodna vlast u BiH. 1941-1945. Sarajevo. 1981.

44. Nesovic S. Temelji nove Jugoslavije. Beograd. 1973.
45. Kosanovic D. Ekonomsko-politicka dejatnost narodne vlasti u toku NOB. Zagreb. 1964; Nesovic S. Privredna politika i ekonomske mere u toku oslobodilacke borbe naroda Jugoslavije. Beograd. 1964.
46. Humar Jozko. Nastanak drustvene svojine u Jugoslaviji. Beograd. 1986. S.218.
47. Nasakanda P. Klase, slojevi i revolucija. Zagreb. 1985 S.8,236.
48. Jugoslovenske vlade u izbjeglištvu. Dokumenti. T.1 (1941-1943). T.2 (1943-1945). Zagreb. 1981.
49. Marjanovic J. Draza Mihajlovic između britanaca i nemaца. Knj.1. Zagreb-Beograd. 1979.
50. Tomasevic J. Cetnici u drugom svjetskom ratu 1941-1945. Zagreb. 1979. S.7.
51. Duretic V. Vlada na bespuću. Beograd. 1982. S.303.
52. Petranovic B. Revolucija i kontrarevolucija u Jugoslaviji (1941-1945). Knj.1,2. Beograd. 1983.
53. Белградская операция. Изд.2-ое. М., 1990.
54. Stanisic M. KPJ u izgradnji oruzanih snaga revolucije 1941-1945. Beograd. 1973. S.14.
55. Bozic J., Cirkovic S., Ekmecic M., Dedijer V. Istorija Jugoslavije. Beograd. 1972.
56. Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Zagreb, Rijeka. 1981.
57. Борба. 1982, 28 јануара.
58. Avnoj i revolucija. Beograd. 1983.
59. Броз Тито Иосип. Избранные статьи и речи. М., 1987. С.106.
60. Broz Tito J. Sabrana djela. T.13. Beograd. 1982. S.43.
61. Popovic N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu. Beograd. 1988.
62. Ibid. S.306,314.

ПРОБЛЕМЫ АНТИФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблемы антифашистской борьбы болгарского народа в годы второй мировой войны всегда находились в центре внимания национальной историографии. Ее успехи в этой области весьма значительны: написаны десятки монографий и сотни статей, в которых затрагивается широкий спектр вопросов движения Сопротивления. В небольшом обзоре невозможно дать полный анализ всех достижений и слабостей, задач и перспектив болгарской исторической науки по данной проблематике. Поэтому попытаемся выделить и охарактеризовать основные этапы в развитии болгарской историографии, а также остановимся на освещении в ней социально-политических проблем движения Сопротивления: вопросов о роли и месте различных классов, общественных слоев и их политических партий в антифашистской борьбе, о расстановке политических сил в Болгарии в годы второй мировой войны.

Однако, прежде чем приступить к историографическому обзору, необходимо предварительно сказать несколько слов о самой постановке проблемы в болгарской историографии, уточнить понятийный аппарат.

Изменения, происходящие сегодня в политической жизни Болгарии и Советского Союза, ставят историков перед необходимостью более объективного и реалистичного анализа многих факторов и процессов, переосмысления целого ряда сложных общественных явлений, к которым относится и болгарское движение Сопротивления. Одним из ключевых здесь является вопрос о характере политических режимов в Болгарии в период с 1923 по 1944 гг. От ответа на него зависит, в сущности, правомерность самих терминов "антифашистская борьба", "антифашистское движение Сопротивления", "монархо-фашистская диктатура", "антифашистское восстание 9 сентября 1944 г." и т.д.

Нам представляется заслуживающей внимания оформившаяся сравнительно недавно в советской историографии

точка зрения, согласно которой в межвоенный период и в годы второй мировой войны в Болгарии существовали буржуазно-демократические режимы с сильными авторитарными вкраплениями, вплоть до появления фашистских тенденций. Однако внутренних возможностей для развития фашизма, за исключением некоторых всплесков, в стране не существовало¹.

Правомерно ли, в таком случае, говорить об антифашистской борьбе в Болгарии, об антифашистском Сопротивлении? Надо иметь в виду, что спецификой Болгарии было преобладание социальных аспектов в движении Сопротивления, борьба была направлена на изменение существующего строя, на создание нового общества по советской модели. Не случайно в Болгарии политический состав борцов движения Сопротивления был весьма узким: подавляющее их большинство составляли коммунисты и им сочувствующие. Компартия — организатор и руководитель Сопротивления — преувеличивала значение фашистских тенденций в стране, сравнивала режим в Болгарии с итальянским и германским фашизмом, звала трудящихся на борьбу с "реакционной монархофашистской диктатурой", стремясь таким образом вовлечь в борьбу как можно более широкие массы народа. Нельзя не принимать во внимание и внешний фактор в развитии движения Сопротивления: целенаправленную политику и поддержку советского руководства, проводимую через Коминтерн, Загранбюро ЦК ЕРП и лично Георгия Димитрова, усиливавших антифашистское понимание борьбы против существующего авторитарного режима в Болгарии. Такое понимание характера борьбы перешло затем и в болгарскую историографию, которая, проводя аналогию с развитием движения Сопротивления в оккупированных Германией странах, преувеличивала антифашистский аспект борьбы в Болгарии в годы второй мировой войны.

Разумеется, нельзя полностью отрицать наличие элементов антифашизма в революционной борьбе болгарского народа в рассматриваемый период. О присутствии в движении Сопротивления в Болгарии именно антифашистских ас-

пектов позволяет говорить и то обстоятельство, что борьба велась против режима, ориентированного на фашистскую Германию и превратившего страну в сателлита "третьего рейха".

Таким образом, с нашей точки зрения, термины "антифашистская борьба", "антифашистское Сопротивление", "монархо-фашизм" являются в определенной мере условными, хотя и принятыми в болгарской /и советской/ историографии, находившейся под влиянием политической конъюнктуры и исходившей из той общей концепции, что в Болгарии в межвоенный период и в годы второй мировой войны существовали фашистские режимы.

Первые работы по движению Сопротивления, имеющие характер научного исследования, появились в конце 40 - начале 50-х гг. В этот период в Болгарии еще только создавалась документальная база, организовывались государственные исторические архивы. Ощущалась нехватка квалифицированных кадров историков-марксистов. Тем не менее, в работах этого периода уже были поставлены основные вопросы движения Сопротивления: вооруженная борьба народных масс и руководящая роль в ней Болгарской рабочей партии /так называлась в тот период Болгарская коммунистическая партия/, создание Отечественного фронта, влияние Великой Отечественной войны советского народа на развитие антифашистской борьбы в Болгарии. Однако общим недостатком этих публикаций, помимо описательности и слабой источниковедческой базы, было отсутствие анализа социально-экономического положения Болгарии, общих закономерностей и специфики антифашистской борьбы в стране. Негативное влияние на развитие исторической науки в этот период оказало распространение культа личности И. Сталина и В. Червенкова. Историческим работам были присущи схематизм и догматизм, конъюнктурность и цитатничество. Некоторым событиям и явлениям, а также личностям давались субъективные, часто неверные оценки в соответствии с официальной точкой зрения.

Особо следует сказать о самом первом издании о болгарском движении Сопротивления, вышедшем после 9 сентября 1944 г. — книге О. Василева "Вооруженное сопротивление фашизму в Болгарии. 1923-1944 гг."², в котором содержится богатый фактографический материал и дается широкая картина революционной борьбы болгарского народа. В книге помещены портреты подлинных активных деятелей и руководителей антифашистской борьбы, Отечественного фронта, восстания 9 сентября, в том числе Н. Петкова, Тр. Костова, А. Держанского, Б. Бумбарова и многих других, репрессированных или преследовавшихся в 1947-1949 гг. и "преданных анафеме", но отсутствуют фотографии Т. Живкова, Ст. Тодорова, Л. и В. Боневых и ряда иных лиц, роль которых в революционной борьбе впоследствии стала, мягко говоря, сильно преувеличиваться. Интересна судьба самой книги. Опубликованная в 1946 году, то есть в период, когда в Болгарии оформилась так называемая легальная оппозиция новому режиму, книга была запрещена и начала изыматься уже в 1947 г., когда по стране прокатилась волна политических процессов и началась ликвидация многопартийности. Доступ к ней был затруднен вплоть до недавнего времени.

После апрельского /1956 г./ пленума ЦК БКП, сделавшего выводы из решений XX съезда КПСС применительно к Болгарии, были созданы новые условия и более благоприятная атмосфера для развития исторической науки. Расширение документальной базы, способствующий творчеству политический климат во многом обусловили то, что молодые научные кадры с энтузиазмом взялись за разрешение многих проблем антифашистской борьбы. Появились первые монографии, значительно возросло количество мемуарной литературы о периоде второй мировой войны и вооруженной борьбе болгарского народа против фашизма. За 10 лет — с середины 50-х до середины 60-х годов — было опубликовано около 150 книг и статей по этой теме /в предыдущее десятилетие их было около полусотни/3.

Основное внимание исследователей на этом этапе при-

влекали вопросы вооруженной борьбы болгарского народа, действия партизанских отрядов и боевых групп. И это понятно — вооруженная борьба была главной, высшей формой антифашистского Сопротивления. Следует, однако, отметить, что болгарской историографии всегда было свойственно некоторое преувеличение масштабов партизанской борьбы в стране. Это направление историографии антифашистского движения и по сей день остается господствующим и наиболее разработанным. Важнейшие работы по партизанскому движению и завоеванию армии на сторону народа принадлежит Н. Горненскому. В многочисленных статьях и монографии⁴ он обобщил предшествовавшие исследования и дал подробную картину борьбы болгарского народа от возникновения первых партизанских отрядов до победы 9 сентября 1944 г. Он проследил тесную связь между нарастанием болгарского народно-освободительного движения и победами Красной Армии. Характерная черта исторической концепции Н. Горненского — стремление рассматривать вооруженное Сопротивление как внутренний фактор, определивший условия победы революции 9 сентября^х.

В работах этого периода широко освещается деятельность ятков-помощников Партизан, антифашистская борьба молодежи под руководством Рабочего союза молодежи /Р.С./.

Изучение вооруженной борьбы повлекло за собой необходи-

^х В настоящее время в Болгарии обозначилась тенденция пересмотра круга проблем, связанных с приходом коммунистов к власти, а также самих сентябрьских событий 1944 г. и дальнейшего развития революционного процесса. Однако пока эта тенденция не получила четкого оформления в научной литературе. Частично дискуссия в болгарской и советской историографии по указанным вопросам отражена в историографическом обзоре монографии Т. В. Волокитиной "Программа революции. У истоков народной демократии в Болгарии. 1944-1946 гг.", М., 1990.

мость освещения и других форм движения Сопротивления: появились статьи о стачечной борьбе трудящихся, о политических демонстрациях в период войны. В самостоятельную проблему выделяется в начале 60-х годов история создания и деятельности Отечественного фронта. Это прежде всего статьи и монография Д. Шарланова⁵. Большой интерес среди научной общественности вызвала книга В. Божинова о событиях последнего года существования буржуазного строя в Болгарии — с сентября 1943 по сентябрь 1944 г.⁶ Автор вскрывает основные причины острого кризиса, охватившего в этот период все стороны государственной, общественно-политической и хозяйственной жизни страны.

Однако и на этом этапе в целом болгарская историография не смогла освободиться от ряда слабостей. В публикациях по истории антифашистской борьбы по-прежнему преобладала фактологическая направленность и количественная характеристика явлений, часто без необходимого анализа. Не были преодолены шаблонность и мелкотемье, отсутствовали крупные обобщающие труды.

Новый этап в развитии болгарской историографии движения Сопротивления начинается со второй половины 60-х годов. Сложные задачи, вставшие перед болгарскими историками и прежде всего написание многотомной "Истории Болгарии" /решение об этом было принято в мае 1968 г. Политбюро ЦК БКП/ вызвала организационную перестройку всего исторического фронта. Этот этап характеризуется как количественным ростом публикаций /с 1966 по 1971 гг. появилось более 250 названий/, так и расширением проблематики исследований, повышением их теоретического уровня. Появляются серьезные исследования по экономической, внешне- и внутриполитической истории Болгарии в период войны, по социально-классовой структуре болгарского общества.

Вышедшая в 1967 г. книга И. Горненьского "Классы в Болгарии и их борьба. 1934-1944"⁷ остается пока единственной обобщающей работой о классовой структуре болгарского общества периода капитализма, хотя эта тема, несом-

ненно, нуждается в дальнейшей, более глубокой разработке. Еще в 1974 г. один из крупнейших болгарских специалистов по периоду второй мировой войны Д.Сирков писал о том, что для более полного объяснения интенсивной политической жизни Болгарии в период войны, острого противоборства общественных классов, инстансов в поведении тех или иных социальных групп необходима развернутая социологическая характеристика болгарского общества этих лет. Важно проследить количественный рост различных классов и социальных прослоек, их внутреннюю структуру, материальное положение в годы войны, их относительный вес в обществе, совпадения или противоречия в их интересах. Особенно важно определить более конкретно социальную структуру села, поведение различных групп крестьянства, прежде всего среднего, принимавшего более массовое участие в Сопротивлении. Стоит задача проследить влияние войны на положение различных классов и слоев болгарского общества и на их взаимоотношения⁸. Сегодня, спустя почти 20 лет, с сожалением приходится констатировать, что эти важные проблемы все еще ждут своего разрешения.

Новый шаг был сделан в изучении политической линии руководящей силы антифашистского движения — коммунистической партии. Наиболее целостным исследованием роли БКП в движении Сопротивления фашизма и в организации победы восстания 9 сентября 1944 г. является монография Ст.Петрова⁹. На основании изучения широкого круга источников автор проанализировал нарастание антифашистского движения в стране, охарактеризовал этапы развития политического кризиса и досконально проследил изменения в тактике партии на одном из ответственных этапов ее истории.

Ряд исследований болгарских ученых был посвящен организации и деятельности Народно-освободительной повстанческой армии, повстанческих оперативных зон, отдельных боевых отрядов и групп. Здесь следует упомянуть обобщающие труды М.Евелийской, Д.Даскалова, Г.Георгиева, Д.Пеекова, Л.Стойнова¹⁰. Надо отметить, что в этих работах

содержатся некоторые сведения о социальном составе и партийной принадлежности партизан и их помощников — ятаков. Сл. Петрова опубликовала монографию о последнем периоде антифашистского Сопротивления и победе восстания 9 сентября 1944 г.¹¹, в которой на основе богатого архивного материала исследуются важные проблемы: экономическое и политическое положение Болгарии в годы войны, стратегия и тактика БРП, дается анализ революционной ситуации, сложившейся в стране к лету 1944 г. Несколько лет спустя Сл. Петрова выпустила труд об участии в вооруженной антифашистской борьбе Рабочего союза молодежи¹². Развитию революционного процесса в Болгарии в период второй мировой войны посвятил свою книгу А. Бочев¹³. Научную ценность, прежде всего с точки зрения выявления и обобщения огромного фактографического материала, представляют собой и многочисленные исследования по истории БКП отдельных округов и регионов страны¹⁴.

Чем более полно и глубоко исследовалась политика и деятельность БКП по руководству антифашистской борьбой, тем настоятельнее возникала необходимость более детального изучения поведения других оппозиционных фашистскому режиму течений и партий, с которыми БКП устанавливала контакты.

К середине 60-х годов многим болгарским историкам стала очевидна односторонняя направленность исследований по периоду второй мировой войны. Практически все публикации были посвящены развитию революционного движения, вооруженной борьбе, политическим кризисам, стратегии и тактике БКП. Однако для того, чтобы получить целостное представление об истории Болгарии этого периода, необходимо было самостоятельное изучение других процессов и классовых сил. На этом фоне рельефнее выступало бы и само революционное движение, объективнее и аргументированнее можно было бы показать его место в общем историческом процессе. Перед болгарскими историками встала настоятельная необходимость расширения проблематики исследований. Не была разработана история буржуазных пар-

тий и даже Болгарского земледельческого народного союза. Недостаточно исследовалась внутренняя и внешняя политика фашистского режима. Не анализировалось развитие фашистских сил в Болгарии. В результате осознания этой объективной потребности произошло заметное оживление в рассматриваемой области болгарской историографии.

В конце 60-х - начале 70-х годов появляются первые монографические исследования по истории БЗНС в период войны - партии, являвшейся главным партнером коммунистов по народному, а затем и Отечественному фронту. В книгах Д. Тишева и Д. Петровой¹⁵ анализируется пестрый социальный состав Земледельческого союза, раскрывается политическая линия и поведение различных течений в нем, анализируются взаимоотношения БКП с этими течениями. Значительный вес в БЗНС, как показывают исследования, имели силы, разделявшие антифашистские убеждения и выступавшие против существующего режима с позиций мелкобуржуазной политической платформы. Эти силы отказывались от сотрудничества с коммунистами и присоединялись к нефашистской буржуазной оппозиции. В то же время постепенно в БЗНС оформилось и демократическое течение, которое все решительнее выступало не только с антифашистских, но и с антикапиталистических позиций и сотрудничало с БРП.

Одной из проблем, которые ранее обходились исследователями, была деятельность в годы войны буржуазно-демократических партий. Несмотря на свою слабую активность, буржуазная оппозиция стояла на нефашистских позициях и оказывала известное противодействие внутренней и внешней политике властей. Изучение деятельности нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий в период второй мировой войны, их идейно-политической эволюции представляет интерес и с точки зрения выяснения причин гибели болгарской буржуазной демократии в послевоенные годы.

Начало серьезному изучению буржуазной оппозиции как самостоятельной общественно-политической силы было положено И. Димитровым, опубликовавшим в 1969 г. книгу "Буржу-

азная оппозиция в Болгарии. 1939-1944". По определению автора, "под названием "буржуазная оппозиция" в работе объединены все оппозиционные течения в Болгарии, которые были противниками фашистской диктатуры и в то же время, в отличие от БКП, стояли на позициях частной собственности и буржуазного или мелкобуржуазного либерализма"¹⁶. Так как исследование И.Димитрова остается по сей день единственной монографией, посвященной деятельности болгарских буржуазных партий в годы войны, оно заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

В книге на основе новых документальных данных представлены оригинальные и интересные суждения о соотношении социальных и политических сил в стране, о характере буржуазной оппозиции, различных течениях в ней, ее политической линии и платформе, внутри- и внешнеполитических концепциях и их эволюции в рассматриваемый период. И.Димитров выступает против утвердившейся в исторической литературе точки зрения, что после начала войны лишь БКП боролась против участия Болгарии в войне, за мир и нейтралитет. Он убедительно доказал, что такую же позицию занимали и оппозиционные буржуазные и мелкобуржуазные партии, что различия между ними и коммунистами были только в вопросе внешнеполитической ориентации. Рассматривая явления во всем историческом контексте, автор показывает, что болгарская буржуазная оппозиция не имела серьезной общественной опоры в стране, равно как и международной поддержки. Он отмечает историческую ограниченность и бессилие нефашистской буржуазии, ее неорганизованность и бездействие, подчеркивая, что в годы войны в очередной раз проявился главный недостаток болгарской буржуазии как класса - ее неспособность организовать в исторически решающий момент, неумение сориентироваться в международной обстановке. Автор показывает изменения, происходившие в среде буржуазной оппозиции на протяжении всего периода войны. До 1943 г., то есть до поворотного момента в ходе второй мировой войны, ей

так и не удалось выработать общую программу. Среди болгарской буржуазной оппозиции начинается процесс дифференциации. Одна ее часть, в которой возродилось прежнее русофильство, оформилась как леворадикальное течение, которое постепенно сближалось с БРП. Другая группа оставалась на своих прежних позициях. Предложение болгарских коммунистов ко всем антифашистским силам о вхождении в Отечественный фронт доводят начавшуюся дифференциацию в среде буржуазной оппозиции до логического конца. Часть ее лидеров, главным образом, из мелкобуржуазных партий - БЗС "Пладне", левого крыла социал-демократической партии, группировки "Звено", а также группа независимых - входят в 1943 г. в Отечественный фронт. Правое крыло буржуазной оппозиции, в которое входили влиятельные демократические силы, также активизировались и продолжали искать революционный выход страны из кризиса. При этом они постепенно все больше превращались в единственного гаранта спасения буржуазного строя.

Особую главу И. Димитров посвятил анализу характера последнего буржуазного правительства Болгарии. В ней он развил ранее уже высказанные мысли¹⁷ о кабинете К. Муравиева как правительстве правой нефашистской буржуазной оппозиции, которое представляло попытку восстановления буржуазно-парламентского режима с целью сохранения политической власти буржуазии и предотвращения революционного взрыва. В книге делается вывод о том, что в годы второй мировой войны в Болгарии боролись две нефашистские тенденции - буржуазно-демократическая и социалистическая. Социалистическая тенденция возобладала лишь к концу августа - началу сентября 1944 г., причем под воздействием конкретных факторов. Именно в результате сочетания определенных внутренних и внешних факторов, действовавших в болгарском обществе летом 1944 г., политическая программа буржуазной оппозиции потерпела сокрушительный провал.

Оригинальная, яркая работа И. Димитрова вызвала в

свое время различные оценки и суждения, от хвалебных до резко отрицательных¹⁸. Для того периода болгарской историографии это было смелое, новаторское исследование. Сегодня многие ее положения воспринимаются большинством историков как бесспорные. Это не значит, однако, что все затронутые в книге вопросы нашли свое полное и окончательное решение. Так, в дальнейшей разработке нуждается вопрос о действительном влиянии и весе буржуазной оппозиции в болгарском обществе, о степени влияния на население режима царя Бориса и месте этого режима во всей общественно-политической системе Болгарии, некоторые другие проблемы.

Конец 60 - начало 70-х годов характеризуется проведением широких и интересных дискуссий болгарских историков по некоторым спорным вопросам, прямо или косвенно затрагивающим существенные аспекты антифашистского движения Сопротивления. Некоторые господствовавшие ранее точки зрения оказались дискуссионными и были подвергнуты пересмотру.

В 1968 г. Институт истории ЕКП в связи с написанием истории Болгарской коммунистической партии провел дискуссию по вопросу о том, являлась ли Болгария оккупированной страной или сателлитом гитлеровской Германии¹⁹. Еще с конца 40 - начала 50-х годов в болгарской историографии получил распространение тезис о "фактической оккупации" Болгарии, который вплоть до середины 60-х годов оказывал значительное влияние на трактовку целого ряда вопросов антифашистской борьбы. Так, утвердилось деление болгарского общества в годы войны на два лагеря - антифашистские, демократические силы и силы монархо-фашизма, что порождало видимость однородности движения Сопротивления и повлекло за собой, хотя и с оговорками, причисление к силам монархо-фашизма всех слоев и групп, не входивших в Отечественный фронт. Наиболее последовательно тезис о "фактической оккупации" Болгарии проводился в работах Н. Горбаневского, М. Фредлиской, Д. Царларова, Д. Коена. В

публикациях других историков, прежде всего Ст.Петрова и Ст.Петровой, высказывалось более обоснованное мнение о том, что Болгария, находясь в экономической и политической зависимости от Германии, являлась ее сателлитом. В ходе дискуссии в результате глубокого анализа социально-политической истории Болгарии в годы второй мировой войны утвердилась вторая точка зрения, которая была отражена и в новой программе БКП, принятой на X съезде партии в 1971 г.

Утверждение вывода о том, что Болгария была сателлитом Германии позволило исследователям с новых позиций проанализировать условия, в которых разворачивалась антифашистская борьба болгарского народа. Стало подчеркиваться существенное различие между движением Сопротивления в стране-сателлите Германии и в оккупированной стране. Получила распространение точка зрения о существовании в Болгарии не двух, а трех политических группировок - монархофашизма, антифашистских сил и легальной буржуазной оппозиции. Был сделан вывод о том, что первоначальный замысел болгарских коммунистов - добиться объединения всех антифашистских демократических сил в национальном масштабе - полностью осуществить не удалось. Состав Отечественного фронта оказался в политическом отношении сравнительно узким.

В 1972 г. в Институте истории БКП прошли еще две интересные дискуссии в связи с подготовкой обобщающего двухтомного труда "История антифашистской борьбы в Болгарии. 1939-1944". В ходе обсуждения первого варианта двухтомника выяснилось, что по ряду проблем среди научной общественности, в том числе и в авторском коллективе, существуют различные мнения. Было решено провести широкие дискуссии по трем спорным вопросам:

1. Возникновение и этапы революционной ситуации в Болгарии.
2. Политическая линия БРП в годы второй мировой войны.
3. Буржуазная оппозиция и характер правительства К.Му-

равиева.

В обсуждении участвовало более 40 ведущих болгарских специалистов по данной проблематике²⁰. В ходе дискуссий были приведены новые аргументы в пользу имевшихся точек зрения, но полного единства мнений по ряду вопросов достигнуть не удалось. Авторский коллектив двухтомника воспринял те точки зрения, которые ему представлялись наиболее аргументированными на данном этапе развития исторической науки.

Так, в ходе дискуссии о возникновении и развитии революционной ситуации в Болгарии в годы второй мировой войны выявилась большая пестрота взглядов по вопросам о начале революционной ситуации, ее этапах и характерных чертах. Большинство исследователей, в том числе и основной докладчик Ст. Петрова, придерживались мнения, что процесс созревания революционной ситуации начинается после 22 июня 1941 г., появляются ее первые признаки. Этот процесс расширяется и углубляется, и к осени 1943 г. революционная ситуация полностью созревает. Кульминационной точки развитие революционного кризиса в Болгарии достигло к концу лета 1944 г.

С этим же вопросом связан и вопрос о начале движения Сопротивления в Болгарии. Большинство ученых полагает, что ни после начала второй мировой войны, ни после присоединения страны к Тройственному пакту /1 марта 1941 г./ в Болгарии не наступало видимого изменения в общественном мнении и поведении, в политической жизни страны. Лишь после 22 июня 1941 г. наступили изменения в соотношении классовых и политических сил, сложилась новая политическая обстановка, в которой БКП могла призвать трудящихся к вооруженной борьбе с фашизмом.

Большой интерес вызвала дискуссия по вопросу о политической линии БРП в годы второй мировой войны. В докладах Д. Сиркова, Ст. Петрова и А. Аврамова были скрупулезно прослежены изменения в оценке Болгарской рабочей партией характера второй мировой войны на различных ее этапах и вы-

текающие из этого коррективы в политической линии партии. Были уточнены представления о том, как партия сочетала борьбу за демократию с борьбой за социализм, национальные и интернациональные задачи, прослежены основные этапы борьбы за единство демократических сил. Особое внимание было уделено первому периоду войны /1939-1941 гг./. Известно, что на протяжении сентября - октября 1939 г. болгарские коммунисты рассматривали фашизм в качестве главного врага как внутри страны, так и на международном арене, характеризовали начавшуюся войну как империалистическую со стороны обеих группировок, подчеркивая, что ее зачинщиком является гитлеровская Германия. В ноябре 1939 г. БРП фактически принимает новую политическую линию. Острые борьбы отныне направлены уже не против фашистской буржуазии, а против буржуазного класса в целом. Лозунг национального антифашистского фронта с включением буржуазной оппозиции снимался, выдвигался лозунг создания, причем исключительно снизу, народного фронта, основанного на единстве рабочего класса в союзе с крестьянством и другими слоями трудящихся против войны и капиталистической эксплуатации. "Главными поджигателями" войны БРП в своих документах уже называла Англию и Францию.

Недостатки в политической линии партии в конце 1939 г. были результатом сложной и противоречивой международной обстановки, отмечал Д.Слоков, а также слабостей и ошибок в политической стратегии и тактике Коминтерна в тот период. Сообразуясь с советско-германским пактом о ненападении /август 1939 г./ и выполняя прямое указание Сталина, Исполком Коминтерна направил всем компартиям директиву объявить главным врагом англо-французский империализм, свернуть антигерманскую, антифашистскую пропаганду, создавать народный фронт без и против буржуазно-демократических и социал-демократических лидеров. Эти ошибочные установки Коминтерна нанесли немалый вред антифашистскому движению во всех странах, мешая работе компартий по

сплочению всех демократических сил в борьбе с фашизмом.

Деятельность БРП также была затруднена, хотя в ходе практической работы эти трудности постепенно преодолевались и вносились коррективы в некоторые неправильные установки. С начала 1941 г. наблюдалась эволюция, изменения в политической линии партии в направлении предвоенной политики широкого национального антифашистского фронта. Этот процесс завершился после 22 июня 1941 г.

Продолжением дискуссии о революционной ситуации и политической линии БРП явилось обсуждение вопроса о буржуазной оппозиции в годы второй мировой войны и о характере последнего буржуазного правительства Болгарии — кабинета К.Муравиева, просуществовавшего со 2 по 8 сентября 1944 г. Были представлены две точки зрения. Одна была изложена в уже упоминавшейся книге И.Димитрова о буржуазной оппозиции, другая — в докладе И.Аврамова, оспаривавшего ряд выводов И.Димитрова и предлагавшего иное толкование некоторых фактов и явлений. И.Димитров, а также поддерживавшие его позицию К.Василев, Д.Сирков, Й.Тотов, М.Асусов, Сл.Петрова, К.Баичински высказали мнение о том, что правительство Муравьева было правительством правой нефашистской буржуазной оппозиции, имевшее целью спасти и стабилизировать капиталистический строй. В условиях революционной ситуации внутри страны и приближения Красной Армии правящие круги решили добровольно передать власть буржуазной оппозиции. По мнению, высказанному тогда М.Асусовым, правительство Муравьева имело переходный характер — от фашистской диктатуры к буржуазной демократии. Попытка крайнего сужения социальной базы и политического влияния буржуазной оппозиции, отрицание ее реальных и потенциальных возможностей в дореволюционный период ставят нас в затруднительное положение при исследовании исторических процессов в 1944–1947 гг., подчеркнул докладчик.

Согласно другой точке зрения кабинет Муравьева был продолжением фашистской диктатуры, фашистским правитель-

ством. При этом оппоненты И.Димитрова — Н.Аврамов, И.Зарчев, П.Костов, Н.Горненски — ссылались на высказывание Г.Димитрова о том, что 9 сентября 1944 г. была свергнута ненавистная монархо-фашистская диктатура, хотя очевидно, что эта мысль имела скорее пропагандистский, нежели научный характер.

Резюмируя итоги обсуждения вопроса о поведении буржуазной оппозиции в годы войны, можно сказать следующее. В некоммунистической оппозиции фашистскому режиму было две социальные группы — буржуазная и мелкобуржуазная. В политическом отношении проявлялось два основных течения, левое и правое. Левое включало БЗС "Пленье", "Звено", левых радикалов и левых социал-демократов. Они придерживались линии решительной борьбы с монархо-фашизмом, как правило, шли на сотрудничество с коммунистами, выступали за установление демократической власти, были готовы участвовать в вооруженной борьбе с фашизмом. Правое течение было представлено Народняцкой партией, Демократической партией, БЗС "Брабча I", правыми социал-демократами и правыми радикалами. Правая буржуазная оппозиция была определена большинством участников дискуссии как нефашистская политическая группировка, находившаяся в оппозиции к режиму, но не участвовавшая в активной борьбе против него, поэтому она не может характеризоваться как антифашистская.

Обобщением всех достижений болгарской историографии движения Сопротивления на этом этапе стал двухтомный коллективный труд "История антифашистской борьбы в Болгарии. 1939/1944"²¹, вышедший в свет в 1976 г. /авторский коллектив: К.Василев, Д.Сирков, М.Брелийска, Ст.Петров, Сл.Петрова, Н.Горненски, Б.Стойнов, И.Димитров. Главный редактор К.Василев/. Двухтомник представляет собой фундаментальное историко-теоретическое исследование, охватывающее все важнейшие события антифашистской и революционной борьбы болгарского народа, которая рассматривается в тесной связи с ходом второй мировой войны, движением

Сопrotивления в других европейских странах и развитием социально-политической обстановки в самой Болгарии. В этом труде на основе результатов упомянутых дискуссий сделан ряд новых выводов и оценок. Авторами проанализирована внешнеполитическая ориентация, стратегия и тактика различных политических формаций — монархо-фашистской власти, буржуазной оппозиции и антифашистских сил. Отмечая политическую дифференциацию в борьбе болгарского народа против фашизма, авторы выделяют три ее основных классовых потока: пролетарский, игравший решающую роль в Сопrotивлении, буржуазный, занимавший непоследовательные антифашистские позиции и проводивший политику выжидания, и мелкобуржуазный, охватывавший постоянно колеблющиеся в отношении острых политических проблем слои мелких собственников.

Уделяя большое внимание проблеме социальной базы и движущих сил антифашистской борьбы, авторы раскрыли роль и функции рабочего класса, бедного и среднего крестьянства, антифашистской молодежи, демократической интеллигенции, некоторых групп нефашистской буржуазии. В работе излагается политическая программа, стратегия и тактика отдельных партий, стоявших во главе упомянутых общественных групп, дается анализ степени их политической активности и организованности, показываются заслуги различных политических сил в антифашистской борьбе. Особое внимание уделяется освещению сложного процесса создания Отечественного фронта в 1942-1943 гг. Авторы подчеркивают специфику болгарского Сопrotивления, заключавшуюся в том, что единственным руководителем вооруженной борьбы являлась БРП, а подавляющее большинство ее участников составляли коммунисты и члены РМС.

В антифашистском Сопrotивлении в Болгарии тесно переплетались социальные и национальные мотивы и тенденции. В работе показаны возникновение, развитие политического и революционного кризиса в Болгарии; первый этап революционного кризиса охватывает период с 22 июня 1941 г.

до весны 1943 г., второй – с весны 1943 г. до 9 сентября 1944 г. Народное восстание 9 сентября характеризуется в труде как начало социалистической революции в Болгарии. Тот факт, что БРП ориентировала массы на свержение правительства Муравиева – правительства нефашистской буржуазной оппозиции – означал, по мнению авторов, что произошло изменение в направлении стратегического удара антифашистских сил. Если раньше главным врагом являлись гитлеровцы и болгарская монархо-фашистская буржуазия, то теперь стратегический удар распространялся на всю буржуазию как класс. Это свидетельствовало о резком усилении социалистических тенденций в борьбе.

Как и всякий большой труд, двухтомник не свободен от отдельных недостатков /нагромождение фактографического материала, отсутствие историографического раздела, отдельные повторы/. Целый ряд вопросов, прежде всего касающихся революционных событий 9 сентября 1944 г. и роли в них БРП, нуждается с точки зрения сегодняшнего дня в корректировке, а возможно даже в пересмотре. Тем не менее этот капитальный труд, представляющий собой итог огромной исследовательской работы болгарских историков, является важным вкладом в разработку широкого круга проблем социальной и политической истории болгарского народа новейшего времени, а также в историографию европейского движения Сопротивления. Он послужил и будет служить в дальнейшем отправной точкой для новых, более углубленных исследований поставленных в нем проблем.

В 1983 г. в Болгарии была издана книга "Город против фашизма. 1939-1945. Исторический очерк о борьбе болгарского народа в период второй мировой войны"²². Базируясь на двухтомной "Истории антифашистской борьбы в Болгарии", коллектив авторитетных болгарских историков /Д.Сирков, Сл.Петрова, Л.Горненский, Г.Баталски/ в сжатой, популярной, но не упрощенной форме подводит итог достижениям современной историографии антифашистского Сопротивления в Болгарии. Концепция этого труда, оценки

отдельных событий и фактов совпадают с оценками двухтомника, что вполне естественно, поскольку трое из четырех авторов являются членами обоих авторских коллективов. В 1986 г. книга вышла в переводе на русский язык в Москве²³.

Несмотря на то, что болгарские историки неоднократно подчеркивали важность социологических исследований периода второй мировой войны, сделано в этом направлении было крайне мало. В упоминавшихся трудах М. Ередийской, Сл. Петровой, Д. Пекова и некоторых других содержатся определенные данные о партийно-политическом и социальном составе партизанских отрядов и отдельных групп ятакор. Опубликован также ряд статей, в которых авторы исследуют основные социологические аспекты — пол, возраст, образование, социальное происхождение и положение, партийную принадлежность партизан и их помощников²⁴.

Однако обобщающего труда, дающего более полное и четкое представление о движущих силах антифашистского Сопротивления, не было. Первую попытку обстоятельной социально-классовой и партийно-политической характеристики высшей формы антифашистской борьбы — партизанского движения — предпринял Д. Дочев. В целом ряде статей и в двух монографиях²⁵ с использованием статистических методов исследуются классовый и политический состав партизанского движения в Болгарии, его количественные и качественные характеристики, динамика и темпы его роста в тесной связи со стратегией и тактикой БРП, а также социальная реализация участников вооруженной борьбы после победы народно-демократической революции. На основании репрезентативного метода автор устанавливает относительную долю участия отдельных классов, социальных слоев и групп в партизанском движении. Для более точной оценки их активности и вклада в движение Сопротивления вводится понятие "степень отражения", которым измеряется отношение числа партизан — выходцев из определенного класса или слоя к своей собственной социальной базе. Такой подход позволил автору внести не-

которые уточнения в утвердившиеся ранее оценки, Д. Дочев приходит к выводу, что социально-классовая структура партизанского движения не отражает адекватно социальную структуру болгарского общества в тот период. Особенностью партизанского движения в Болгарии является активное участие в нем рабочего класса и интеллигенции, прежде всего студенчества и учителей. Участие же крестьян, составлявших в те годы большинство населения страны, представляется весьма незначительным^х, причем особенно слабую активность проявляло бедное крестьянство. Относительная доля крестьян в партизанском движении вдвое меньше, чем рабочих, а степень отражения значительно ниже.

Анализ политической структуры партизанского движения в Болгарии приводит Д. Дочева к заключению, что по сравнению с соседними странами оно имело довольно ограниченный партийно-политический состав. Это было предопределено специфическим расположением классово-политических сил в болгарском обществе, отношением антифашистских и нефашистских партий и организаций к вооруженным формам борьбы. Партизанское движение в Болгарии на протяжении всего периода объединяло в своих рядах практически только членов ЕРП /35,4%/, Р.Х. /47%/ и их беспартийных единомышленников /16%/. Социально-классовая и политическая структура партизанского движения подтверждает, по мнению автора, тезис о классовом характере антифашистской борьбы в Болгарии.

Касаясь вопроса о масштабах партизанского движения, автор утверждает, что оно не достигло своих естественных количественных границ, несмотря на то, что объективные условия и возможности для его роста были. Эти масштабы не соответствуют полностью возможностям классово-политических сил, готовых включиться в вооруженную борьбу, а также авторитету и влиянию партии. Причину этого Д. Дочев

^х Правда, среди ятков и помощников партизан было более половины крестьян.

видит в снижении темпов количественного роста партизанского движения в 1944 г., что, в свою очередь, объясняется ошибками в тактике БРП осенью 1943 г. /увлечения в мобилизации, приведшие к многочисленным жертвам/.

Монографии Д.Дочева, носящие новаторский характер, являются хорошей основой для дальнейших разработок проблемы движущих сил и характера антифашистской освободительной борьбы в Болгарии в годы второй мировой войны.

В начальной стадии находится пока изучение классов в рассматриваемый период. Работы 60-70-х годов можно характеризовать скорее как накопление фактографического материала и как постановку проблемы. Поэтому появившаяся в 1985 г. монография Б.Кастелова была воспринята как первое серьезное исследование о рабочем классе в годы войны²⁶. Массовая экономическая и политическая борьба болгарского рабочего класса является, по мнению автора, составной частью антифашистской борьбы народа, важной стороной тактики БРП. В центре книги стоит вопрос о причинах того, что массовая борьба болгарского пролетариата в период вооруженной освободительной борьбы не смогла достичь того размаха, для которого существовали объективно все возможности. Основная причина этого — недооценка БРП места и роли массовых выступлений пролетариата в антифашистской борьбе. В то же время автор отмечает и объективные факторы, среди которых на первом месте стоит попытка монархо-фашизма поставить промышленный пролетариат в относительно более благополучное положение, ослабить социальное недовольство фабричного пролетариата. В этом же, видимо, кроется и причина того, что промышленный пролетариат принял недостаточно массовое участие в вооруженных формах борьбы с фашизмом, в частности, в партизанском движении. Статьи, содержащие социологический анализ отдельных партизанских отрядов и других формирований, недвусмысленно говорят об этом факте. Исследование специфики фабричного пролетариата как социальной категории, специфики его форм борьбы представляет собой значительный интерес.

Основную монографию об участии Болгарского земледельческого народного союза в движении Сопротивления опубликовала Д.Петрова²⁷. Детальный анализ программ и деятельности двух организаций, действовавших в БЗНС в годы Второй мировой войны — "Александр Стамболийский" /"Пладне"/ и "Врабча I" — приводит автора к заключению, что часть лидеров Земледельческого Союза занимала правые позиции и даже шла на сотрудничество с монархо-фашизмом, в то время как основная членская масса Союза, прежде всего, из БЗНС "Александр Стамболийский", не только сохраняла свои демократические и антифашистские убеждения, но и претерпела значительную эволюцию влево. Основная часть рядовых членов, так же как и большинство лидеров БЗНС "Александр Стамболийский", выступала за сотрудничество с БРП и активно участвовала в создании и деятельности Отечественного фронта. "Земледельцы" включались и в вооруженную борьбу, главным образом в качестве ятяков, хотя об их массовом участии в вооруженных формах Сопротивления говорить не приходится. Д.Петрова делает вывод, что то обстоятельство, что БЗНС внес свой вклад на заключительном этапе борьбы против монархо-фашизма, в значительной степени обусловило сохранение Союза как политической партии и после победы революции.

Сл. Петрова, уже более двух десятилетий разрабатывающая проблему кульминации антифашистской борьбы — восстания 9 сентября 1944 г. — издала обобщающий труд на эту тему²⁸. На основе обширного фактического материала в книге раскрывается процесс непосредственной всесторонней подготовки восстания и его развития по отдельным зонам, дается характеристика восстания 9 сентября как начала социалистической революции в Болгарии, показывается его специфическое, национально обусловленное проявление. В книге приводятся данные о социальном составе партизан и ятяков, на основании которых делается вывод о том, что народно-освободительная повстанческая армия представляла собой вооруженную силу социальной революции. Позиция ав-

тора отражает, таким образом, принятое в официальной болгарской историографии определение событий 9 сентября 1944 г. как социалистической революции, несущее на себе в немалой степени печать политической конъюнктуры.

В последние годы вышли еще две книги по движению Сопротивления — монография А. Радкова об антифашистском движении в Северо-Восточной Болгарии²⁹ и работа П. Иванова об участии студенческой молодежи в борьбе с фашизмом³⁰.

До недавнего времени в тени оставалось изучение противостоявшего антифашистскому движению фронта реакционных сил, его попыток разгромить народное Сопротивление. Историческая наука располагала разрозненными и неполными сведениями о состоянии антинародных сил, о различных течениях в них, их внутренней политике, идеологии, организации и деятельности. Имелось лишь несколько публикаций, посвященных отдельным акциям властей, политическим судебным процессам против антифашистов, попытке правящих кругов создать в 1943—1944 гг. государственную партию.

Этот провал был восполнен в 1983 г. книгой Д. Дочева "Монархо-фашизм против народного Сопротивления"³¹. В ней автор сумел дать целостное представление о стратегии и тактике властей, формах и методах их борьбы против вооруженного Сопротивления болгарского народа, о противоборстве в духовной сфере. Д. Дочев убедительно показал, что в лице государства с его репрессивными органами и многолетним опытом борьбы с революционным движением болгарским антифашистам пришлось столкнуться с серьезным и опасным противником. Разгром антифашистского движения был важнейшей внутриполитической задачей режима. Основной удар был направлен против компартии и Рабочего союза молодежи. Позже репрессии распространились и на другие силы, вошедшие в Отечественный фронт.

Монография Д. Дочева внесла серьезный вклад в изучение положения "по другую сторону баррикады". Тем не менее, оно нуждается в дальнейшей разработке. Слабо проанализирован вопрос о характерных чертах авторитарного

режима, существовавшего в Болгарии во время второй мировой войны, об изменениях, произошедших в его развитии в эти годы. Одно из важных перспективных направлений будущих исследований представляет собой изучение идеологической борьбы во время войны.

В заключение необходимо остановиться на современных тенденциях в освещении антифашистской борьбы в Болгарии. Падение в ноябре 1989 г. живковского режима открыло возможности для более всестороннего и объективного изучения движения Сопротивления и событий 9 сентября 1944 г., ставших поворотным моментом в истории страны. Болгарская историческая наука находится сейчас в преддверии "переоценки ценностей". Пошатнулись ее методологические основы, что выражается прежде всего в отрицании прежнего, классово-партийного подхода при оценке фактов и явлений. Проткивается информационный занавес, шире стал допуск в архивы. Однако по интересующей нас проблематике профессиональные историки пока еще не сказали ничего принципиально нового. Современные тенденции в освещении вопросов антифашистской борьбы и событий 9 сентября 1944 г., которые все чаще называются теперь не восстанием, а переворотом, проявились прежде всего в публицистике. Появились статьи, авторы которых констатируют преувеличения, искажения и конъюнктурный подход при освещении многих вопросов антифашистской борьбы и восстания 9 сентября. Отмечается, в частности, что исключительно все заслуги в развитии антифашистской борьбы и проведении восстания приписываются ЕКП, игнорируется участие и вклад в эту борьбу других партий и находившихся под их влиянием слоев населения. "Восстание 9 сентября было совершено от имени Отечественного фронта, а не одной партией, и на исторической сцене должны появиться подлинные действующие лица с их действительными политическими и личными качествами", - подчеркивается в статье "Истина о Девятом сентября 1944 г."³². Особое возмущение вызывает сфабрикованная в Институте истории ЕКП версия о том, что решающий удар в

Софии в ночь с 8 на 9 сентября был осуществлен под руководством оперативного бюро во главе с Т.Живковым.

Пресса, стоящая на позициях Союза демократических сил, резко негативно характеризуя все периоды деятельности БКП, обвиняет коммунистов в насильственном захвате власти при помощи Советского Союза. При этом подчеркивается, что ни в каком "освобождении" советскими войсками Болгария не нуждалась, так как не от кого было ее освобождать³³. Поэтому в отличие, например, от ситуации в Польше или Чехословакии, приход Красной Армии в Болгарию не имел освободительного характера. В этой связи следует отметить, что с нашей точки зрения более обоснованным представляется говорить не об "освобождении Болгарии советскими войсками" /поскольку страна действительно не была оккупирована Германией/, а о выполнении Красной Армией своей главной военной задачи — дальнейшем преследовании гитлеровских войск. Видимо, надо признать, что понятия "освободительная миссия СССР" в ходе второй мировой войны /в смысле освобождения всего человечества от угрозы гитлеровского фашизма/ и "освободительная миссия Красной Армии" не всегда совпадают, как это видно на примере Болгарии.

Во всяком случае, в настоящее время в Болгарии начинается складываться новая историографическая ситуация по всем проблемам болгарской истории. Каково будет соотношение официальной исторической науки и исторической публицистики, возобладает ли трезвое, объективное изучение явлений и фактов — покажет время.

Подводя итоги развитию болгарской историографии по вопросам антифашистской борьбы в годы второй мировой войны можно сказать, что, несмотря на то, что эта проблематика является одной из наиболее разработанных в новейшей истории Болгарии, перед учеными стоит еще немало задач. Даже сегодня, когда одни заглавия книг и статей на эту тему составляют солидный том, нельзя утверждать, что она изучена досконально, во всей полноте и взаимосвязях.

Одной из первостепенных задач остается социологический анализ основных проблем: структуры болгарского общества в годы войны, истории отдельных классов, основных политических партий, идеологической борьбы. Не случайно сами болгарские историки в своих последних исследованиях признавали, что в ходе работы остро почувствовали отсутствие серьезных социологических трудов /об этом, в частности, пишут Сл.Петрова и Б.Хастелов/. Изучение расстановки политических сил в Болгарии в годы второй мировой войны, концепций отдельных партий по вопросам антифашистской борьбы, а также будущего политического развития страны, их взаимоотношений, внешнеполитических позиций, эволюции, происходившей внутри этих партий, необходимо и для объективного анализа сложных исторических процессов в первые послевоенные годы.

Кроме того, сегодня очевидна потребность пересмотра ряда односторонних, а порой и неверных оценок, имеющих в научной /не говоря уже о мемуарной/ литературе, изменения господствовавших до недавнего времени точек зрения по некоторым вопросам. В частности, представляется необходимым снять незжитый пока налет упрощенчества и схематизма при оценке руководящей роли ЕРП в антифашистском Сопротивлении, показать достоинства и слабости ее стратегии и тактики³⁴. В более объективной оценке нуждаются роль и позиции буржуазных и мелкобуржуазных партий в антифашистской борьбе, реальное влияние буржуазной оппозиции в годы войны, соотношение внутреннего и внешнего факторов в развитии антифашистской освободительной борьбы и их влияния на послевоенное государственное устройство страны.

Историкографы движения Сопротивления обогатили бы сравнительные исследования, сопоставление развития антифашистской борьбы в Болгарии с движением Сопротивления в других странах, в контексте тогдашней международной ситуации.

Ваконец, перед историками стоит задача создания

серьезных историографических работ по рассматриваемой проблематике. Объективная оценка всех достижений и слабостей современной болгарской историографии антифашистской борьбы будет стимулировать ученых к дальнейшей, более углубленной, комплексной и сбалансированной разработке многоплановой тематики движения Сопротивления.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. См. Гришина Р.П. Парламентаризм, демократия и диктатура в общественно-политической жизни Болгарии XIX-XX вв. // Болгаристика в системе общественных наук: опыт уроки, перспективы. Харьков, 1991, С. 63.

2. Василев О. Въоръжената съпротива срещу фашизма в България. 1923-1944 г. София, 1946.

3. См.: Иесторов Хр. Историография на антифашистското движение в България и неговите международни прояви /1939-1944 гг./. // Проблеми на българската историография след Втората световна война, София, 1973, С. 498.

4. Горненски Н. Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархофашистката диктатура /1941-1944/. София, 1958.

5. Барланов Д. Създаване и дейност на Отечественния фронт /юли 1942 - септември 1944/. София, 1966.

6. Божанов В. Политическата криза в България през 1943-1944 гг. София, 1957.

7. Горненски Н. Класите в България и борбите им. 1934-1944. София, 1967.

8. См.: Сарков Д. Поглед върху някои историографски проблеми на антифашистката борба в България по време на Втората световна война // "Векове", 1974, № 4 - 5, С. 70.

9. Петров Ст. Стратегията и тактиката на БКП в борбата против монархофашизма /1941-1944 гг./. София, 1969. На рус. яз.: БКП в борбе против монархофашизма /1941-1944 гг./. М., 1973.

10. Ередийска М. Въоръжената борба във Втора въстаническа оперативна зона. София, 1965; Даскалов Д. Съпроти-

вата в Пета въстаническа оперативна зона /1941-1944/. София, 1968 ; Георгиев Г. ЮВА-Бойната дейност на народно-освободителната въстаническа армия. 1943-1944. София, 1974 ; Стойнов Б. Бойните групи /1941-1944 гг./. София, 1969 ; Пеков Д. Въоръжената антифашистка борба в Северо-западна България 1941-1944 гг. София, 1977.

II. Петрова Сл. Борбата на БРП за установяване на народно-демократичната власт /май - септември 1944/. София, 1966.

12. Петрова Сл. РМС във въоръжената борба 1941-1944. София, 1971.

13. Бочев И. Революционният процес в България, 1940-1944. София, 1969.

14. См., например: Варненската окръжна организация на Българската комунистическа партия. 1893-1944. София, 1965 ; История на Шуменската окръжна организация на БКП. 1892-1944. София, 1972 ; История на Русенската партийна организация. София, 1971 и др.

15. Тишев Д. Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. София, 1967 ; Петрова Д. БЗНС в края на буржоазното господство в България /1939-1944 гг./. София, 1970.

16. Димитров И. Буржоазната опозиция в България. 1939/1944. София, 1969, с. 4-5.

17. См.: Димитров И. Последното правителство на буржоазна България // "Исторически преглед", 1964, № 5, с. 3-33.

18. Критика книги дава в докладе П. Аврамова "За буржоазна опозиция и правителството на К. Муравиев". // "Известия на института по история на БКП". Т. 30, София, 1974, с. 169-204.

19. Материали дискусии см.: Положението на България по време на Втората световна война - окупрана или сателитна страна. // "Известия на Института по история на БКП". 1969, Т. 21, с. 273-331.

20. Материали дискусии см.: Дискусия по някои въпро-

си от историята на БКП // "Известия на Института по история на БКП". 1973. т. 29. с. 183-401; 1974. т. 30. с. 165-354.

21. История на антифашистката борба в България. 1939/1944. В два тома. София. 1976.

22. Народът против фашизма. 1939-1945. Исторически очерк за антифашистката борба на българския народ по време на втората световна война. София. 1983.

23. Народ против фашизма. 1939-1945. Исторически очерк о борьбе болгарского народа в период второй мировой войны. М., 1986.

24. См., например: Илиев И. Социалнокласова характеристика на първа средногорска бригада "Хр. Ботев" // "Исторически преглед". 1974. № 4 - 5; Гешева Й. Социално-класова и политическа структура на партизански отряд "Смърт на фашизма" // "Военноисторически сборник". 1979. № 3; Минчев М. Партизанско-политически и лични мотиви в образуването и дейността на първото Отечественофронтовско правителство // "Исторически преглед". 1984. № 4; Каркелев И. Ятаци и помагачи в народоосвободителната борба (социологически анализ) // "Исторически преглед". 1987. № 3 и др.

25. Дочев Д. Семейната на бурята /Социално-класова характеристика на партизанското движение във П ВОЗ/. Пловдив. 1984; он же. Социалнокласова и политическа структура на партизанското движение в България /прината к печати/.

26. Кастелов Б. Масовите борби на работническата класа в България 1941-1944. София. 1985.

27. Петрова Д. Българският земеделски народен съюз в антифашистката борба. София. 1983.

28. Петрова Сл. Деветосептемврийската социалистическа революция. 1944. София. 1981.

29. Радков Л. Антифашистката съпротива в Североизточна България 1941-1944. София. 1986.

30. Иванов П. Студентската младеж в антифашистката

борба 1941-1944. София, 1985.

31. Дочев Д. Монархо-фашизмът срещу народната съпротива, 1941-1944. София, 1983.

32. "Отечествен фронт", 12 феврал 1990.

33. См., например, статия "Свободна без освободители" // "Софийски вестник", 18 октомври 1990.

34. Надо отбележит, че в последните години в разработката на тази проблематика внес значателен вклад Д. Даскалов. См.: Даскалов Д. Георги Димитров и новият курс на партията в първите месеци след 22 юни 1941 г. // "Исторически преглед", 1988, № 1; он же. Г. Димитров и антифашистката борба в България през 1942 г. // "Известия на Института по история на БКП". Т. 64. 1989; он же. Задграничното бюро на ЦК на БКП и държавнополитическата криза в България след смъртта на цар Борис III. // "Военноисторически сборник", 1989, № 2; он же. Георги Димитров. Общонационалната криза и победата на Деветосептемврийското въстание // "Исторически преглед", 1989, № 9.

ИСТОРИЯ АСИИ ВЕНГЕРСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Тематика венгерского антифашистского и национально-освободительного движения еще не имеет богатой историко-графии. Научному изучению этой проблемы, несмотря на ее важность, долгое время не везло. В самой Венгрии этому мешал ряд причин, приведший к крайностям в оценках антифашистского движения Сопротивления, к упрощениям в подходах к его анализу. В качестве к такого рода факторам следует отнести внедрявшуюся в общественное сознание ракошистским руководством ВПГ в 40-50-е годы упрощенную и ошибочную суммарную оценку всей венгерской нации, как "виноватого народа", что рождало и пренебрежение к участию лучших сил и представителей венгерского народа в антифашистской борьбе.

Бесомненно, что этот, насаждаемый годами при М.Ракоши политико-психологический стереотип погальной виновности всех за участие в войне на стороне Германии, мешал не только широкому изучению проблематики движения Сопротивления, но и собиранию документов и других материалов /в частности, воспоминаний/ о различных социальных и политических силах этого движения. Характерно, что в тех условиях были даже трудности с выявлением роли коммунистов в антифашистском Сопротивлении в стране и за ее пределами. Правда, впоследствии благодаря начинаниям одного из активных участников и организаторов движения Сопротивления Д.Каллаи, началось научное исследование проблемы. С тех пор историками сделано немало для раскрытия организующей роли венгерских коммунистов в антифашистском движении. Следует, однако, учитывать, что движение Сопротивления не было монополией какой-либо одной партии, одного класса или социального слоя. Его участники и сторонники вербовались в самых различных слоях венгерского общества. Поэтому можно только сожалеть, что историография еще не

располагает анализом участия остальных социальных и политических сил в движении Сопротивления. Кроме роли компартии не изучено даже участие других левых политических, а тем более демократических и буржуазных партий, групп, представителей различных слоев общества в этом движении. Сегодня вполне очевидно, что лишь комплексное изучение всех компонентов, составляющих движение Сопротивления может дать окончательное и адекватное действительности представление о формах и методах, масштабах и динамике антифашистской борьбы, о ее движущих силах и истории в целом.

Разумеется, это не означает, что в составе участников антифашистского движения Сопротивления следует включать всех, в том числе тех официальных представителей власти при хортизме, которые в сложный для страны период фашистской оккупации выступали в своих интересах за сохранение режима М.Хорти. Такое безбрежное понимание антифашистского движения Сопротивления привело бы нас к другой крайности — к антиподу тезиса "виноватого народа", — к "нации сплошь сопротивляющейся", что опять-таки мешало бы выявлению истины. Принадлежность к движению Сопротивления, видимо, предполагает осознанное и целенаправленное действие /активное или пассивное, вооруженное или мирное/, при этом не исключается многообразие его форм и методов борьбы. Следует учитывать то обстоятельство, что подавляющее большинство населения венгров все же не принимало фашизм и в итоге особенно на завершающем этапе войны оказывало ему, если не активное, то пассивное сопротивление. В активном сопротивлении фашизму в самых разнообразных формах наряду с коммунистами участвовали социал-демократы, представители других политических партий, течений и организаций, культурных и религиозных обществ, выходцы из самых разных социальных групп, включая аристократию, военные и гражданские лица, на территории страны и за ее пределами.

Итак, проблема определения участия в движении Сопро-

тивления проста ; исследователь имеет дело с чрезвычайно сложным переплетением в этой борьбе многообразных форм и методов, взаимозависимостей различных политических и социальных сил, или изолированных друг от друга, как внутри страны, так и за ее пределами.

Для понимания проблематики антифашистского Сопротивления в Венгрии требуется, на наш взгляд, комплексный подход. С точки зрения методологии изучения проблемы следует обращаться не только к трудам, посвященным тем или иным конкретным аспектам самого вооруженного Сопротивления, но и к таким ключевым вопросам литературы, которые помогают понять историческую ситуацию кануна и периода войны. Сюда относятся литература по : а/ проблемам фашизма /исторические обстоятельства его проникновения, распространения и утверждения в стране/ и его социальной базы ; б/ экономическому и социальному развитию страны ; в/ становлению и утверждению политического режима хортизма ; г/ истории наиболее влиятельных и некоторых других политических партий и общественных движений/ среди них профашистских и антифашистских организаций/ ; д/ истории самой войны и определенного места Венгрии в ней. Такой комплексный подход может выявить те объективные условия и обстоятельства, в которых зарождалось и развертывалось само антифашистское движение. Без уяснения данного круга вопросов нельзя достоверно понять характер и особенности движения Сопротивления в Венгрии. Следует констатировать, что для изучения этих проблем сделано немало, хотя далеко не всё.

Венгерская историография внесла существенный вклад в разработку истории всего европейского фашизма и его типологизацию /М.Лашко, М.Ормош, М.Инце и др./. Прежде чем обратиться к характеристике этих работ, необходимо отметить односторонность трактовки всего 25-летнего правления М.Хорти в Венгрии, как фашистской диктатуры с самого начала 20-х годов, что явно не выдерживает научной критики. Такую трактовку нельзя найти ни в документах Коминтерна первой половины 20-х годов, ни в материалах венгер-

ского коммунистического движения того времени. Лишь после I съезда КПВ /1925 г./, а затем VI конгресса Коминтерна /1928 г./ стали ретроспективно характеризовать хортистский режим как разновидность фашизма. Следовательно, такая точка зрения получила распространение, прежде всего, среди представителей венгерской коммунистической эмиграции в СССР, которые не могли достаточно глубоко знать венгерскую действительность и не точно оценивали характер политической власти в Венгрии. Подробный анализ различных взглядов на возникновение фашизма в Венгрии, дискуссия по этому вопросу в мировом коммунистическом движении нашли отражение в исследовании Г.Секея "Коминтерн и фашизм. 1921-1929"¹.

Назревание фашистской угрозы в Европе в 30-е годы и ее анализ Коминтерном /новая волна дискуссий прошла в 1933-1935 гг./ еще больше укрепили убеждение венгерских коммунистов в фашистском характере хортистского режима с момента его установления. В результате уже в 30-е годы получил широкое распространение тезис о "венгерском фашизме" или "хортистском фашизме" как одной из наиболее ранних, если не самой ранней разновидности фашистских режимов. Этот тезис был взят на вооружение ракошистским партийно-политическим руководством и постепенно перекочевал на страницы научных изданий. В исторической литературе послевоенного времени с ним можно встретиться уже в 1945 г. в работе Э.Андич² впоследствии - во многих других трудах. В модифицированном виде эта оценка сохранилась вплоть до середины 70-х годов, в частности в книге Д.Немеша³, посвященной проблемам фашизма. Согласно позициям автора государственный строй как в Венгрии, так и в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период являлся фашистской диктатурой. Что касается самой Венгрии, то Д.Немеш считал, что "венгерская фашистская система" по времени ее создания значительно опережала подобную систему, созданную Муссолини. Установление фашистского режима в Венгрии Д.Немеш, как и его предшественники практически относили ко времени разгрома

Венгерской Советской республики. Заметим, что при этом не сам белый террор, начавшийся после этого в стране, выдается за фашизм, а последующий этап — этап мирного возрождения буржуазного политического устройства.

Сказанное выше вовсе не означает отрицания с нашей стороны факта проникновения в Венгрию в межвоенные годы фашистской идеологии, создания там профашистского толка организаций, перехода к концу существования режима политической власти в руки настоящих фашистов, прислужников Гитлера — нилашистов во главе с Ф.Салаши. Однако, принципиально важным является то, что в Венгрии фашисты долгое время не были допущены к власти. Поэтому нельзя говорить, что установившийся в 20-е годы в Венгрии политический режим был фашистским, а тем более, что он являлся "консолидированной венгерской фашистской системой" или "фашистской террористической диктатурой"⁴. Насостоятельно утверждение о том, что И. Бетлен, стабилизировавший политическое положение в стране, установивший двухпалатную парламентскую систему правления, допускавший деятельность профсоюзов и рабочих партий /за исключением коммунистической/, "являлся фашизмом", открыто проповедовавший и осуществлявший террористическую диктатуру"⁵.

Такое утверждение фактически уже опровергли венгерские ученые И.Ормош и М.Линце, которые на базе конкретного научного анализа пришли к выводу, что Бетлен не был фашистом и не провозглашал никакой диктатуры⁶. Опубликованные в 1988 г. в Венгрии мемуары И.Бетлена, написанные летом 1944 г., являются убедительным доказательством антифашистской настроенности этого венгерского аристократа, осуждавшего участие Венгрии в войне против СССР и долгое время скрывавшегося от преследований Гестапо. М.Ормош и М.Линце провели типологизацию европейского фашизма, дав глубокий анализ массовых фашистских движений и диктатур и рассматривая эти два комплекса вопросов самостоятельно.

Существенный вклад в разработку проблем фашизма уже в 60-е годы внес М.Ланко. Он сделал попытку комплексного под-

хода к сравнительному анализу фашистских движений и характера государственной власти в странах Европы⁸. Автор пришел к выводу, что развитые страны Запада в межвоенные годы уже не были способны, а балканские государства еще не были готовы создать сильные и массовые фашистские движения, а тем более фашистскую диктатуру. М.Лацко считает, что в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, являющихся в типологическом плане переходной группой между развитыми европейскими и отсталыми балканскими странами, социальная среда давала больше возможности для принятия фашистских идеологий и для возникновения фашистских движений, чем на Балканах. И все же, отмечает автор, до насильственного вмешательства Гитлера во внутренние дела этих стран фашистские движения в них не могли развиваться в такой степени, чтобы оказаться в силах переустроить существовавшие политические авторитарно-диктаторские структуры на фашистский лад. Такого рода профашистские организации и фашистские движения в Венгрии до самой оккупации страны гитлеровцами не смогли сыграть сколько-нибудь решающую роль в политической жизни. История этих организаций и движений сегодня уже достаточно известна и изучена /Р.Доши, Ш.Кони, М.Лацко, А.Рожньои, Е.Телеки, Л.Тильковский, К.Сакач/⁹. Вместе с исследованиями и сборниками документов¹⁰ по внутриполитической истории и внешней политике Венгрии и различными воспоминаниями политических деятелей, труды этих авторов позволяют судить не только о фашизме в Венгрии, но и об отношении господствующих классов, официальных кругов и их отдельных представителей к фашистскому движению, к ультраправым и профашистским организациям. Эти же материалы дают возможность ответить и на ряд вопросов, связанных с возникновением и развитием антифашистского движения Сопротивления, масштабами и формами его проявления, участия в нем тех или других политических и социальных сил.

Знакомство с указанными трудами позволяет констатировать, что радикальная фашистская диктатура в Венгрии была установлена только после немецкой оккупации страны

и прихода к власти Ф.Салаша — ставленника Гитлера. До этого времени нельзя говорить об их активном влиянии на формирование политики страны. Господствующая верхушка, которая время от времени заигрывала с ними, все же оказывалась способной долгое время удерживать ультраправых на задворках политической сцены.

Все это исключительно важно для понимания того, почему в Венгрии масштабы вооруженного антифашистского Сопротивления были менее значительны, чем в странах раньше оккупированных гитлеровцами. Для возникновения сильного антифашистского движения, на наш взгляд, необходимы как минимум две вещи: 1/ угроза фашистской оккупации страны или сама оккупация; 2/ наличие в стране мощных национальных или левых сил, способных организовать и повести борьбу с оккупантами /или внутренним фашизмом/. Спецификой Венгрии было то, что, скажем, в отличие от Чехословакии, позиции левых сил здесь были существенно ослаблены^х. Это имело негативное значение для развертывания в стране движения Сопротивления. Что касается второго фактора, то как известно, оккупация страны немцами произошла только в марте 1944 г., а политика "качелей и балансирования", проводимая господствующей хортистской верхушкой с ее явными мелкими уступками Гитлеру, порождала у основной массы населения иллюзии о возможности избежать установление фашизма и немецкой оккупации страны, что в свою очередь не способствовало мобилизации сил, готовых к сопротивлению. Представляется, что именно эти два обстоятельства сыграли

^х Разгром Венгерской Советской республики 1919 года и последующий белый террор привели к резкому сокращению в стране числа коммунистов и левых социал-демократов. Многие из них были либо физически уничтожены, либо эмигрировали, а оставшаяся небольшая часть — загнана в глубокое подполье; незначительны были и силы левых, действовавших в других политических партиях: социал-демократическая, Партия мелких сельских хозяев, Партия мира и пр.

решающую роль в том, что движение Сопротивления в Венгрии не приобрело таких масштабов, как в ряде других стран.

Кроме того, следует видеть и ряд других причин. Так, говоря о роли левых и национальных сил, необходимо учитывать такие обстоятельства, как: а/ разочарование масс, их неверие в способность революционных кругов довести борьбу до победы/исторические уроки 1919 года/; б/ отношение к грабительскому Трианонскому мирному договору /в результате него более 3 млн. венгров оказались за пределами новых государственных границ Венгрии. Для устранения этой несправедливости господствующие классы страны стали на путь сближения, а затем и союза с фашистской Германией, ибо с ее помощью надеялись на пересмотр решений Трианонского договора и возвращения Венгрии хотя бы части утраченных территорий, населенных венграми. Отсюда - уступки требованиям Гитлера фашистской Германии, политика "качелей и балансирования", отсюда - выжидание, длительная нерешительность, а также сомнения в целесообразности и необходимости оказывать активное сопротивление Гитлеру, отсюда - и более запоздалое чем в других странах менее масштабное антифашистское движение Сопротивления.

Разумеется, это не означает, что ряд видных политических и общественных деятелей Венгрии не предупреждали о грозящей стране со стороны гитлеровской Германии опасности, о шаткости и зыбкости избранного правителем страны пути. Было немало активно возражавших против германской ориентации представителей в самых различных слоях венгерского общества, равно как и предупреждавших об угрозе фашизма. Многие из них стали впоследствии активными антифашистами, отдавшими жизнь в борьбе с гитлеризмом. О некоторых написаны воспоминания, статьи и книги, которые помогают реконструировать страницы антифашистской борьбы в Венгрии.

История венгерского антифашистского движения, участие в нем представителей различных классов и слоев, пар-

тий, общественных и религиозных организаций изучена еще недостаточно. Нет пока серьезных трудов по истории наиболее значительных партий и движений кануна и периода второй мировой войны.

По понятным причинам наиболее полно изучена история коммунистической партии Венгрии и ее роли в движении Сопротивления. Есть отдельные работы по истории венгерской социал-демократии и профсоюзного движения. Что касается компартии, то имеющиеся труды дают довольно объемное представление о ее организационном и идейно-политическом развитии, союзнической политике и борьбе за массы; они позволяют судить о социальной базе венгерского коммунистического движения, о проблемах и трудностях на этом пути^{II}. Труды, выпущенные в 60-80-е годы по партийно-исторической проблематике выгодно отличаются от работ 40-50-х годов, отличавшихся схематизмом, упрощенчеством и догматизмом в освещении этих проблем. Во всех работах подобного рода акцент делается на руководящей и организующей роли коммунистов в движении антифашистского Сопротивления.

Исследований по истории Социал-демократической партии Венгрии /СДПВ/ написано мало. К тому же они отличаются консервативностью в подходе к оценке деятельности этой партии, в том числе к ее участию в антифашистском движении. Здесь сказались штампы и стереотипы, утвердившиеся в коммунистическом движении с 30-х годов, когда социал-демократия расценивалась как "прилужная лакейша". И хотя несостоятельность такой оценки была очевидной, она в 50-е годы вновь стала в политике ракошистского партийно-государственного руководства ВЛГ, а затем еще долгие годы давала о себе знать. Все это поставило венгерскую социал-демократию в положение, когда ее история изучалась слабо и не на научной основе. Только со второй половины 60-х годов стали появляться труды по истории СДПВ, но и они не лишены влияния прежних подходов. В конце 80-х годов в Институте истории партии ЦК ВСРП

велась работа по написанию обобщающей истории СДПВ межвоенного периода. Специальных исследований, посвященных социал-демократии периода войны до сих пор нет. Заслуживает внимания анализ антифашистской деятельности венгерских профсоюзов периода правления Д. Гембеша, написанная П. Эрдег¹², а также книга И. Пинтера¹³ о политике СДПВ накануне войны. Эти труды можно рассматривать как попытку нового подхода к освещению истории венгерской социал-демократии, в которых более реально показана роль СДПВ в антифашистской борьбе. Книга И. Пинтера написана на широкой источниковедческой основе и охватывает период 1933-1944 г. В ней показана роль СДПВ в развитии демократических традиций венгерского рабочего движения. В центре исследования стоят вопросы единства рабочего класса, народного фронта и движения за независимость Венгрии. Все эти проблемы освещены на базе конкретных действий и позиций партийного руководства и рядовых членов СДПВ. В работе раскрыто отношение партии к политике гитлеровской Германии, к проблеме военной опасности. Проанализированы взаимоотношения между КПВ и СДПВ, показано влияние коммунистов на левых социал-демократов, на формирование политической линии СДПВ в целом, но в то же время не замалчиваются те ошибочные, сектантские позиции, которые занимали коммунисты по отношению к этой партии по различным вопросам.

Несмотря на определенные успехи в изучении венгерской социал-демократии, сегодня еще нельзя говорить о достаточной изученности участия социал-демократов в профсоюзном и антифашистском движении Венгрии. Правда, в общей картине истории венгерского рабочего движения¹⁴ основные сюжеты СДПВ в связи с профсоюзным движением затрагивались.

Еще в меньшей степени изучены проблемы участия в антифашистском Сопротивлении ряда нерабочих /но не правых/ буржуазных и мелко-буржуазных партий, ряда демократических, религиозных и прочих организаций и движений. Этот пробел лишь отчасти заполняется одной единственной рабо-

той по истории будапештской организации левой либеральной оппозиции /1919-1944 гг./, написанной Х.Мадь¹⁵.

В венгерской историографии есть отдельные работы, позволяющие судить о социальной базе господствовавшего в Венгрии накануне и в период войны режима, но о сожалении нужно констатировать, что имеющаяся литература все же не дает сведений о социальной базе различных политических партий, участвовавших в движении Сопротивления. Данный аспект проблемы еще ждет своего исследователя.

Опубликованы отдельные труды венгерских историков, посвященные различным социально-политическим и общественным движениям 30-40-х годов, имевших не только социальную, но и яркую антифашистскую направленность и являвшихся предвестниками последующих часто антифашистских выступлений различных социальных сил. Среди них работы Д.Боршани¹⁶ о движении пролетарских масс, выступавших с начала 30-х годов против корпоративных стремлений и попыток Д.Гембеша к фашизации профсоюзов, Я.Секереша¹⁷ о борьбе венгерских горнорабочих в 1934-1944 гг., двухтомный сборник о движении земельных рабочих и бедного крестьянства в 1848-1948 гг. под редакцией К.Сакача и Ф.Пелешкеи¹⁸. Следует особо выделить стремления /к сожалению, тоже весьма малочисленные/, исследователей к анализу складывания и развития весьма важного и авторитетного идейно-политического движения близкой к крестьянству венгерской интеллигенции, возникшего в писательской и социологической среде, и получившего наименование движения народных писателей, которые интересовались социальными проблемами села и искали пути демократического переустройства Венгрии. Одной из характерных черт этого движения было ядро выраженная антифашистская направленность. Не случайно, что коммунисты в поисках союзников в конце 30-х годов в условиях назревающей фашистской угрозы, искали и находили контакты и взаимопомощь именно с представителями этого идейно-политического течения. Как это показано в одной из статей Л.Линтера¹⁹, они заключи-

ли союз с рядом его представителей, которые стали не только активными участниками антифашистского Матовского Фронта, но впоследствии сами перешли на коммунистические позиции. К сожалению, движение народных писателей по субъективным причинам /отрицательное отношение М.Ракоши к этому движению/ Венгрии было изучено недостаточно и не оценено должным образом профессиональными историками. Это обстоятельство ограничивает и наши возможности по объективному определению их места и роли в развернувшемся в Венгрии антифашистском движении Сопротивления. Правда, в конце 80-х годов увидели свет на венгерском языке первые за послевоенный период работы о движении народных писателей, написанные на Западе бывшим участником движения Д.Гомбошом²⁰ и первым исследователем проблемы Д.Борбанди²¹. В них наряду с анализом всего идейно-политического течения авторы уделяют внимание фактору духовного сопротивления и движения за независимость, деятельности народных писателей в годы войны. В самой Венгрии идейно-политические и культурно-исторические аспекты движения народных писателей периода войны также стали предметом изучения в последнее время. В 1989 г. было опубликовано две работы – К.Шаламона "Попытка третьего пути" и сборник материалов научной конференции "Поиск путей, 1943", – посвященные важнейшим вехам и проблемам этого движения²², помогающие ныне оценить вклад писателей и в сопротивление фашизму.

Венгерская историография движения антифашистского Сопротивления небогата и практически ограничивается несколькими именами и трудами научно-популярного характера. Причину такого состояния историографии следует искать в самом историческом факте: в Венгрии по сравнению с другими странами Европы движение Сопротивления было менее заметным, ярким и массовым. Процесс выявления не всегда документированных действий, форм и методов проявления движения /как активных, так и пассивных/ требует времени, кропотливого собирания, изучения и проверки

фактов, воспоминаний и свидетельств борьбы, определения социальных и политических сил, участвовавших в Сопротивлении, четкого анализа причин того, почему на том или другом этапе войны включались те или иные политические и социальные силы в движение, почему было малочисленным участие некоторых сил и пр.

Несмотря на недостатки и изученность вопроса, сегодня с полной уверенностью можно констатировать, что в Сопротивлении были задействованы самые различные социальные и политические силы Венгрии: коммунисты и социал-демократы, представители буржуазно-демократических и крестьянских партий, выходцы из различных социальных слоев, в том числе аристократы и военные, и не в последнюю очередь — интеллигенция и молодежь. Остается выяснить когда, на каком этапе подключались к движению те или другие силы, какое влияние оказывала политика "качелей и лавирования", политика выжидания господствующей верхушки на развитие или торможение этого процесса, какова была роль внешнего фактора в развитии движения. Имеющиеся публикации дают уже немало ценного и систематизированного материала для общей характеристики участия основных политических сил в Сопротивлении. Гораздо хуже обстоят дела с выяснением социальной принадлежности участников Сопротивления, так как эти аспекты социальной истории фактически не изучены.

В Венгрии к проблеме антифашистского Сопротивления в концептуальном и описательном плане, пожалуй, первым обратился в прошлом видный общественно-политический деятель Д.Каллаи, являвшийся не только участником, но и одним из организаторов и руководителей этого движения. Его книга "Венгерское движение независимости, 1936-1945" вышла в свет еще в 1947 г. Этот своеобразный по своему жанру труд, содержащий как описание наиболее памятных для автора моментов истории этого движения, так и свидетельства очевидца, его личные наблюдения и факты, является первым обобщением мемуарного характера. В то же

время это — первая попытка популярного изложения и систематизации всей истории венгерского движения Сопротивления. Она долгое время оставалась единственной работой по этой проблеме.

Формулируя цели и задачи своей книги, Д.Каллай в предисловии к первому изданию подчеркивал, что он стремится "в соответствии с исторической правдой отразить борьбу антифашистских сил", показать, "в каких исторических условиях разворачивалось венгерское движение за независимость" и то, что "лучшие представители нашей нации даже в самых страшных условиях фашистского ига и террора боролись за гуманизм, свободу и независимость". Характерно, что первые четыре издания работы охватывали период 1939—1945 гг. и только впоследствии были расширены ее хронологические рамки²³. Эта книга, выдержавшая несколько изданий в ВНР в 1968 г. вышла в свет и на русском языке²⁴.

Автору книги удалось раскрыть деятельность компартии Венгрии, направленную на создание единого фронта, фронта национальной независимости, на организацию вооруженного сопротивления нацистам, нарисовать широкую панораму развития политических событий в Венгрии и даже дать оценку политики отдельных легальных оппозиционных партий. Следует отметить, что хотя к вопросу о характере хортистского режима Д.Каллай подходил традиционно, в духе официальных трактовок своего времени, ему все же удалось /когда на рубеже 40 — 50-х годов возглавляемое И.Ракоши руководство ВПТ взяло курс на активное сотрудничество с различными политическими и социальными силами/ подчеркнуть роль и значение политики Народного фронта, указать на недооценку движения Сопротивления как широкого сплочения национальных сил. Следует отметить, что Д.Каллай первым обратил внимание на важность и необходимость изучения этой проблемы.

В последние издания своей работы Д.Каллай²⁵ внел ряд существенных дополнений и уточнений. Отдельные разделы книги были переработаны им с учетом новых документов и

современных оценок, что усилило исследовательский характер и документальную базу работы. Были внесены существенные поправки в освещение ряда вопросов, в частности; обстоятельств возникновения Мартовского фронта, оценки роли и деятельности КПВ и СДПВ, осуществления народно-демократических преобразований в ходе освобождения страны и т.д. Последнее издание книги давало более реальное и в целом достоверное, хотя далеко неполное, представление о развитии движения Сопротивления в Венгрии в годы второй мировой войны.

К проблематике движения Сопротивления относится еще несколько небольших статей автора, наиболее значительной из которых является статья, опубликованная к 30-летию освобождения Венгрии²⁶, содержащая краткий обзор борьбы венгерских коммунистов и антифашистов в годы второй мировой войны. Сюда же следует причислить книгу М. Корона "Крах фашизма в Венгрии. Складывание предпосылок народно-демократических преобразований, 1943-1945"²⁷, в которой хотя и нет анализа самого движения Сопротивления, но материалы которой служат хорошим ориентиром для правильного понимания проблем борьбы против фашизма в Венгрии на заключительном этапе войны.

Наиболее существенный вклад в разработку исторических проблем антифашистского движения Сопротивления в Венгрии внес Л. Линтер. Его первые публикации по этой теме появились в 60-е годы. В двух научных статьях²⁸ он подверг анализу деятельность Комитета освобождения - штаба венгерского национального восстания и охарактеризовал позиции антифашистских партий в вопросах национально-освободительной борьбы в первой половине 1943 г. Результаты его дальнейших исследований были опубликованы в 1968 г. в книге "Венгерские коммунисты за антигитлеровское национальное единство. июнь 1941 - март 1944"²⁹. Позже вышел в свет несколько расширенный и модифицированный вариант этого же труда /также без научного аппарата/ под названием "Венгерский фронт и сопротивление, 1944-1945". Следую-

шая книга И.Пинтера "Венгерский антифашизм и сопротивление"³⁰ представляет собой объединенный и дополненный вариант двух первых. Она является первым в венгерской историографии и до сих пор единственным специальным исследованием обобщающего характера, содержащим систематическое изложение проблемы, но издан, к сожалению, без научного аппарата. Судя по тексту для ее написания автор использовал немало архивных источников и опубликованных документальных материалов, а также научные статьи, воспоминания и мемуарную литературу.

После выхода в свет этих книг А.Пинтер продолжал изучение проблем движения Сопротивления и его истоков, исследуя, в частности, вопросы создания единого антифашистского фронта накануне УП Конгресса Коминтерна, а также дискуссии 1935-1936 гг. в КПВ в связи с принятием политики Народного фронта³¹.

Книга Д.Каллай и исследования А.Пинтера дают наиболее полную картину антифашистского Сопротивления и особенно роли КПВ как одного из основных организаторов и руководителей этого движения.

Следует назвать еще одну обобщающую работу - краткий популярный обзор истории Народного фронта в Венгрии в 1935-1943 гг., составленный А.Пинтером и Б.Сабо³², в котором отдельная глава посвящена анализу основных проблем движения антифашистского Сопротивления в годы второй мировой войны. Тематически к этому же кругу литературы примыкает работа А.Шагвари "Народный фронт и коалиция в Венгрии /1936-1948/"³³, в которой затронуты некоторые другие вопросы этого движения.

Сделан первый шаг по специальному изучению участия студенческой молодежи в борьбе против фашизма в Венгрии. Нельзя, конечно, утверждать, что ранее не была известна деятельность отдельных молодежных групп в антифашистском движении в Венгрии /в общих чертах проблема затрагивалась Д.Каллай и А.Пинтером/, но в книге "Фронт свободы венгерских студентов", написанной его бывшими участниками Е.Киш-

шем и И. Витани³⁴ проводится анализ и систематизация различных антифашистских выступлений студенческой молодежи. Материалы книги /обзорный анализ, документы, воспоминания и списки участников/ не только подтверждают существование такого движения, но свидетельствуют о том, что значительная часть вузовского студенчества находилась под его влиянием. К сожалению, это пока лишь первая и единственная попытка охарактеризовать участие одной из конкретных социально-демографических, возрастных групп в движении Сопротивления.

Самостоятельный круг работ /имеющий прямое или косвенное отношение к движению Сопротивления/ представляют исследования по истории второй мировой войны и участию в ней Венгрии, а также книги познавательного характера, содержащие материал о вооруженной борьбе против гитлеровцев или их приспешников — как внутри страны, так и за ее пределами в рамках общеевропейского движения Сопротивления. К этой группе трудов относятся книги военного историка Ш. Тота³⁵ об участии Венгрии в войне, Д. Рабки об оккупации Венгрии гитлеровцами и истории второй мировой войны³⁶. В специальной главе этой последней книги автор дал характеристику важнейших черт развернувшегося в странах Европы движения Сопротивления фашизму.

Среди трудов, посвященных периоду второй мировой войны следует назвать книгу А. Годо³⁷ о венгерско-польских отношениях, в которой наряду с прочими проблемами освещены вопросы взаимоотношений венгерского и польского народов в антифашистской борьбе. В ней раскрыты судьба и антифашистская деятельность десятков тысяч военных и гражданских лиц, сбежавших в Венгрию из Польши от гитлеровской оккупации, скрывавшихся от гестапо и нашедших там приют и защиту. Характерно, что оставшиеся в Венгрии, польские беженцы принадлежали к различным социальным слоям, включая буржуазное крыло польского движения Сопротивления. Они получали значительную поддержку широких слоев венгерского народа в своей борьбе. В книге показана так-

же антифашистская деятельность венгерских офицеров, солдат и партизан, действовавших на территории Польши, их совместная с поляками вооруженная борьба против немецких оккупантов.

Наряду с этими трудами обращает на себя внимание книга очерков, в которой показаны различные стороны конкретного вооруженного сопротивления. Это солидное, богато иллюстрированное издание под названием "С оружием за Родину"³⁸, в котором рассказывается о венгерском Сопротивлении и партизанском движении в годы второй мировой войны. Выпущено Союзом венгерских партизан к 35-летию освобождения Венгрии. Авторы подошли к проблеме с широким общеевропейским охватом /такой подход к венгерскому движению Сопротивления наиболее рационален, ибо учитывает конкретные условия, реальные возможности развития такого движения внутри страны, равно как факторы, тормозившие его, и вытекающую из этого неизбежность его выхода за пределы государственных границ страны/ и создали обширную географическую картину участия венгров в движении

антифашистского Сопротивления за пределами страны. Во вступительной статье сборника вполне обоснованно подчеркивается, что с учетом положения Венгрии, политики ее господствующих классов в годы войны создалась ситуация, при которой общая численность активных венгерских антифашистов /т.е. непосредственных участников вооруженной борьбы/ в других странах Европы превосходила число участников антифашистского партизанского сопротивления в самой стране.

Материалы опубликованных в сборнике 10 тематических очерков /авторы Л.Пинтер, Й.Гажи, Ш.Тот, А.Киш, Я.Харшани, А.Годо, А.Печи/ позволяют судить о масштабах и динамике венгерского движения Сопротивления. В четырех очерках показаны роль коммунистов в антифашистском движении Сопротивления и различные аспекты борьбы в самой стране, участие венгерских солдат-антифашистов в освобождении Будапешта, анализируются проблемы создания венгерских вооруженных частей и попытки их участия в боях на стороне со-

ветских войск против фашистов, в остальных – раскрыто участие венгров в антифашистской борьбе других стран Европы /в СССР, Польше, Чехословакии, Югославии, Франции, Бельгии, Англии, Швейцарии, Турции, Италии, Дании и Ватикане/. Отдельные события или аспекты вооруженной борьбы в рамках венгерского партизанского или в целом антифашистского движения в стране рассматриваются в другом сборнике под названием "С оружием против фашизма. Очерки из истории Сопротивления"³⁹. Здесь, в частности, показана роль коммунистов в организации вооруженного Сопротивления. Несмотря на то, что определенная работа по изучению движения Сопротивления в Венгрии уже проведена венгерскими историками, без дополнительного привлечения новых источников и материалов, выявления участия некоммунистических политических, общественных и религиозных организаций, а также отдельных политических и общественных деятелей нарабатанные историографией сведения вряд ли могут расширить наши познания о формах и методах сопротивления, об участвовавших в нем разнообразных социальных и политических силах.

Значительная документальная база венгерского движения Сопротивления, особенно что касается роли КПВ в этом движении, уже создана. Выпущено несколько сборников документов и материалов по этой проблеме, публикация которых началась еще в середине 60-х годов. Среди них – многотомный сборник "Документы и материалы по истории венгерского революционного рабочего движения"⁴⁰, один из томов которого содержит подборку основных документальных материалов /правительственные и полицейские материалы, обращения и листовки, газетные статьи/ периода 1935–1945 гг. по движению антифашистского Сопротивления, а также специальное тематическое издание "Венгерские борцы за свободу против фашизма"⁴¹, включающее документы и материалы о венгерском вооруженном сопротивлении 1941–1945 гг. Это – первые документальные сборники по указанной тематике, позволившие подойти к ее изучению.

В 70-е годы по мере выявления и отбора новых материалов, растущего интереса к проблематике Народного фронта, непосредственно связанного с развитием антифашистской борьбы, вышла в свет новая тематическая подборка документов в 3-х томах "История венгерского Народного фронта. Документы, 1935-1976"⁴² /редакция и вступительное слово Д.Каллаи/. Первый том посвящен интересующему нас периоду и проблеме. Ценность сборника этих документов определяется систематизацией и хронологическим расположением основных документов и материалов о возникновении и этапах развития антифашистской борьбы.

Наиболее плодотворную работу по сбору и публикации документов, связанных с венгерским антифашистским движением проводили ученые в 80-е годы. К 40-летию освобождения Венгрии Д.Каллаи, А.Пинтер и А.Шипош издали один из наиболее содержательных сборников по этой проблематике под названием "Венгерский фронт"⁴³. Тексты 89 важнейших документов и 32 документальных фотокопий по истории венгерских демократических и антифашистских сил позволяют проследить основные этапы и проблемы развития движения за национальное сплочение против фашизма, за создание Венгерского фронта с лета 1941 г. по июнь 1944 г., а затем - его деятельность до рождества 1944 г. Сборник открывается документом ЦК КПВ, в котором подчеркнута важность и сформулирована конкретная задача создания широкого антигитлеровского блока. Материалы раскрывают в основном инициативность, мобилизующую и организующую роль коммунистов по созданию такого блока, позволяют судить о различных формах и методах работы коммунистов среди других политических и различных социальных сил. /К сожалению, за пределами этой документальной базы остаются действия других политических и классовых сил/. Документы дают возможность проследить как начальные шаги, так и важнейшие успехи по организации и проведению антифашистских демонстраций, по совместному выпуску газет, созданию общего органа антифашистского движения в виде Вен-

герского Комитета памятных исторических дат, а затем и Комитета Освобождения — штаба венгерского национального восстания. Среди документов программные требования КПВ, Комитета венгерского фронта, меморандумы известных общественных деятелей, свидетельства о конкретном сотрудничестве с представителями различных демократических партий и антифашистских сил.

Менее значителен по объему и содержанию, но тематически удачно дополняет этот круг документов другой, популярного характера сборник материалов "Народный фронт в Венгрии /УЛ Конгресс Коминтерна и венгерские рабочие партии" ⁴⁴. В нем наряду с основными материалами КПВ в специальной главе представлена тематика социал-демократической партии Венгрии и ее печатных органов.

Еще один сборник документов, отражающий содержание специальной тематической передвижной выставки Музея рабочего движения в Будапеште "За Родину, за свободу: венгры в борьбе против фашизма" ⁴⁵, из которого вытекает, что сегодня в Венгрии уже собрана документация о деятельности около 70 тысяч венгерских участников движения Сопротивления в Венгрии и за ее пределами. Сборник содержит документальные сведения об антифашистах по широкому периоду /30-е — 40-е годы/, но его основное содержание охватывает годы войны с характеристикой участников вооруженного сопротивления и партизанского движения в самой стране. В сборнике обращено внимание на одну из указанных выше важнейших специфических черт венгерского движения Сопротивления: на слабость и разрозненность сил активных участников сопротивления фашизму внутри страны, на то, что значительная часть находилась за пределами Венгрии. Собранные здесь документы иллюстрируют широкую гамму антифашистских выступлений, начиная от участия венгров в освободительной борьбе испанского народа против фашизма /1200 венгров-интернационалистов отдали жизнь в борьбе против фашизма в Испании/, кончая участием венгерских партизан и патриотов в боях на стороне

Красной Армии за освобождение Венгрии от фашизма.

Итак, как это вытекает из анализа историографии венгерского антифашистского движения сопротивления, сегодня еще рано говорить о завершенности исследований или достаточной разработанности этой обширной проблематики. Имеющиеся работы ограничиваются пока анализом вооруженной борьбы и деятельности компартии Венгрии по организации движения Сопротивления. Вполне очевидно, что изучение проблематики требует дальнейшего углубления, а следовательно, и расширения сферы анализа на более широкие социальные и политические пласты венгерского населения.

Изучение имеющихся материалов и литературы позволяет констатировать, что за рамками исследований пока что остались такие важные компоненты антифашистского движения, как участие в Сопротивлении социал-демократической и ряда буржуазно-демократических партий, религиозных организаций и движений, а также видных представителей венгерской антифашистски настроенной аристократии. Особой задачей исследователей остается выявление конкретных форм и методов антифашистской борьбы. Все эти аспекты нуждаются в дальнейшем освещении.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Székely Gábor. A Komintern és a fasizmus, 1921-1929. Bp., 1980
2. Andics Erzsébet. Fasizmus és reakció Magyarországon. Bp., 1945
3. Nemes Dezső. A fasizmus kérdésköre. Bp., 1976
4. Ibid., 136. old., 140. old.
5. Ibid., 140. old.
6. Ormos Mária, Inose Miklós. Európai fasizmusok, 1919 - 1939. Bp., 1976, 84-85. old.
7. Bethlen István. Emlékirata, 1944. Bp., 1988
8. Történelmi Szemle, 1962., 3-4. sz.; Lackó Miklós. Válaszok - választások. Történelmi tanulmányok a két világháború közötti Magyarországról. Bp., 1975
9. OM., HANP. : Dösa Rudolfiné. A MOVE - egy jellegzetes magyar fasiszta szervezet (1919-1944). Bp., 1973; Kónya Sándor. Gűmbös kísérlete totális fasiszta diktatúra megteremtésére. Bp., 1968; Lackó Miklós. Nyilasok, nemzetssocialisták, 1935-1944. Bp., 1966; Rozsnyó Agnes. A Szálasi-puccs. Bp., 1962; Teleki Eva. Nyilas uralom Magyarországon. 1944. okt. 16 - 1945. ápr. 4. Bp., 1973; Tilkovszky Lőránt. Ez volt a Volksbund. A német néposzportpolitika és Magyarország 1938-1944. Bp., 1978; Székely Kálmán. Kaszárkeretek. Bp., 1963
10. Juhász Gyula. Magyarország külpolitikája 1919-1945. Bp., 1969; I d e m. Magyarország külpolitikája a 2. világháború kitörésének időszakában. 1935-1940. Bp., 1962; Iratok az ellenforradalom történetéhez, 1919-1945. Bp., 1959; Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához, 1936-1945. Bp., 1962; Horthy Miklós titkos iratai. Bp., 1962
11. Zágonyi Ernő. A kommunisták harca a munkásegységért, 1939-1942. Bp., 1963; A Kommunista Párt szövetségi politikája, 1936-1942. Bp., 1966
12. Ördögh Pirooska. A szakszervezetek antifasiszta tevékenysége a Gűmbös-kormány idején. Bp., 1977
13. Pintér István. A Magyarországi Szociáldemokrata Párt politikája a 2. világháború előestéjén. Bp., 1978
14. A magyar munkásmozgalom története, 2-3. köt. Bp., 1967, 1970
15. L. Nagy Zsuzsa. A budapesti liberális ellenzék 1919-1944. Bp., 1972
16. Borsányi György. "Munkát, kenyeret!" A proletariátus tömegmozgalmai Magyarországon a gazdasági válság éveiben. Bp., 1971
17. Szekeres János. A magyar bányamunkásság harcai (1934-1944). Bp., 1970
18. Földmunkás és szegényparaszt mozgalmak Magyarországon 1848-1948. 1-2. köt., Bp., 1962
19. Pintér István. A KMP és a Márciusi Front // - Párttörténeti Közlemények, 1976, 4. sz.
20. Gombos Gyula. A harmadik út. Bp., 1990

21. Borbándi Gyula. A magyar népi mozgalom. Bp., 1989
22. Salamon Konrád. A harmadik út kísérlete. Bp., 1989
23. Kállai Gyula. A magyar függetlenségi mozgalom, 1939-1945. Bp., 1955
24. Каллаи Дюла. Движение за независимость Венгрии. М., 1968.
25. Kállai Gyula. A magyar függetlenségi mozgalom, 1936-1945. Bp., 1978
26. Kállai Gyula. "Független, szabad, demokratikus Magyarországot!" A magyar kommunisták, antifasiszták harca a II. világháború éveiben // Társadalmi Szemle, 1975, 1.sz., 19-29. old.
27. Korom Mihály. A fasizmus bukása Magyarországon. A népi demokratikus átalakulás feltételeinek létrejötte 1943-1945. Bp., 1961.
28. Pintér István. Adatok a Magyar Nemzeti Felkelés Felszabadítási Bizottságának történetéhez. // - Hadtörténeti Közlemények, 1961., 2.sz.; i d e m. Az antifasiszta pártok és csoportok álláspontja a hitlerellenes felszabadító harc kérdésében. // - Párttörténeti Közlemények, 1966., 2.sz.
29. Pintér István. A magyar kommunisták a Hitler-ellenes nemzeti egységért 1941. jun.-1944. márc. Bp., 1968; i d e m: A Magyar Front és ellenállás, 1944-1945. Bp., 1970
30. Pintér István. Magyar antifasizmus és ellenállás. Bp., 1975
31. Pintér István. A KKP egységfront politikájának problémái a Komintern VII kongresszusának előestéjén. // - Párttörténeti Közlemények, 1987, 1.sz.; i d e m: A KKP-n belüli küzdelem a népfrontpolitika elfogadásáért 1935-1936 fordulóján. // - Párttörténeti Közlemények, 1987, 4.sz.
32. Pintér István, Szabó Bálint. Népfrontmozgalom Magyarországon. Bp., 1978
33. Ságvári Agnes. Népfront és koalíció Magyarországon (1936-1948). Bp., 1967
34. M. Kiss Sándor, Vitézyi Iván. A magyar diákok szabadságfrontja. Bp., 1983
35. Toth Sándor. Magyarország részvétele a második világháborúban. Bp., 1962
36. Ránki György. 1944. március 19 (Magyarország német megszállása). Bp., 1978; i d e m: A második világháború története. Bp., 1974
37. Godó Agnes. Magyar-lengyel kapcsolatok a második világháborúban. Bp., 1977
38. Fegyverrel a hazáért. A magyar ellenállási és partizánharok a második világháború idején. Bp., 1980
39. Fegyverrel a fasizmus ellen. Tanulmányok a magyar ellenállás történetéből. Bp., 1968
40. Dokumentumok a magyar forradalmi munkásmozgalom történetéhez. III. köt., Bp. 1964
41. Magyar szabadságharcosok a fasizmus ellen. Dokumentumok a magyar antifasiszta ellenállási mozgalom tör-

ténetéből 1941-1945. Bp., 1966

42. A magyar népfront története. Dokumentumok 1935-1976.
I. kötet, Bp., 1977

43. A Magyar Front. Bp., 1984

44. Népfront Magyarországon (A Kommunista Internacionálé
VII. kongresszusa és a magyarországi munkáspártok).
Bp., 1985

45. Hazaért, szabadságért: Magyarok a fasiszmus elleni
harcban. Bp., 1986

Т.А. ПОКИВАЙЛОВА

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В РУМЫНИИ. ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение антифашистского движения Сопротивления в Румынии развивалось в двух основных направлениях: как составной части национальной истории румынского общества периода второй мировой войны и в более широком плане — во взаимосвязи с историей антифашистской борьбы народов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и Европы в целом.

По первой проблеме как в СССР, так и особенно в Румынии написано немало работ, хотя в СССР до сих пор не появилось еще ни одной специальной монографии, посвященной анализу всего комплекса связанных с этим сюжетом проблем. Между тем в Болгарии в 1989 г. вышла в свет книга болгарской исследовательницы П.Кишкиловой, в которой предпринята попытка обобщить и проанализировать накопленный материал по названной теме¹.

В работах советских авторов, как правило, рассматриваются отдельные аспекты антифашистской борьбы в рамках изучения истории Румынии в годы второй мировой войны. Среди работ такого рода нужно отметить монографии и статьи А.В.Антосяка, Л.Э.Левита, Н.А.Лебедева, М.Г.Сазиной, М.А.Семиряги, А.А.Шевякова, С.А.Пархомчука, Н.А.Паклина и др.²

Развитие антифашистской борьбы в предвоенные годы и во время второй мировой войны, анализ классовой и политической структуры союзов и блоков антифашистских сил, влияние внутренних и внешних факторов на развитие и особенности антифашистского движения в Румынии нашли отражение в коллективных трудах по истории Румынии, в работах, посвященных освободительной антифашистской борьбе и народно-демократическим революциям в странах Центральной и Юго-Восточной Европы³.

Румынская историческая литература, посвященная раз-

личным аспектам антифашистской освободительной борьбы в годы второй мировой войны, чрезвычайно обширна и насчитывает десятки работ. Поэтому целесообразно отметить прежде всего историографические обзоры, содержащие библиографические сведения и раскрывающие точки зрения и тенденции в освещении румынскими авторами основных проблем антифашистского движения в Румынии. Это — статьи И. Попеску-Пуцурь "Методологические проблемы и документы по истории сопротивления в Румынии", В. Романа, В. Захареску "Исторические исследования антифашистского движения сопротивления в Румынии", Тр. Удри и Л. Кипера "Вторая мировая война в румынской историографии", А. Симиона "Вклад румынской историографии в освещение периода 1940–1944 гг. в истории страны", Л. Агригоровайе "Проблемы антифашистского движения и подготовки августовского восстания 1944 г. в освещении современной румынской историографии", М. Русеанеску "Румынская историография об антифашистском восстании 23 августа 1944 г. и его последствиях" и др.⁴

В развитии румынской послевоенной историографии можно выделить три крупных этапа, каждый из которых имеет свои специфические, в известной мере, качественные различия, определяемые условиями политического развития страны: первый — август 1944–1947 гг., второй — 1948–декабрь 1989 г. и третий — начавшийся после свержения диктаторского режима Н. Чаушеску.

На первом этапе /1944–1947 гг./, в период острейшей борьбы политических сил в стране за власть, при определяющем влиянии на исход этой борьбы присутствия на территории Румынии Красной Армии и советской военной администрации, в общественной жизни страны существовал все же политический и идеологический плюрализм, что отразилось и в историографии. Это обусловило достаточно широкий диапазон в подходах и в оценках событий второй мировой войны, и особенно периода подготовки и осуществления акта 23 августа 1944 г., когда был свергнут фашистский диктатор И. Антонеску, и Румыния вышла из войны, в которой

она участвовала на стороне гитлеровской Германии. Разные точки зрения в зависимости от политической ориентации авторов существовали в тот период и в оценках роли и места различных партий, группировок и социального состава антифашистского движения, влияния объективных и субъективных факторов на его эволюцию, взаимосвязи внутренних и внешних факторов и т.д.

Из работ, относящихся к профессиональным исследованиям, можно назвать книги Лукрециу Патрашкану, историка и одного из видных руководителей Коммунистической партии Румынии, участника антифашистского подполья в предвоенные годы и период второй мировой войны. Его работы "Под тремя диктатурами" и "Основные проблемы Румынии" были написаны частично еще до войны, завершены в годы войны, и увидели свет лишь после освобождения Румынии от фашизма⁵. Основное внимание автор уделяет анализу румынского фашизма, его истоков, социальной базы и влияния на политическую жизнь предвоенной Румынии. Л. Патрашкану считает, что фашизация страны в конце 30-х - начале 40-х годов стала одной из основных причин участия Румынии в войне против СССР на стороне гитлеровской Германии. Обращаясь к изучению специфики румынского фашизма, который подпитывался национализмом и антикоммунизмом, Л. Патрашкану сосредотачивает свое внимание на изучении положения различных классов и социальных групп румынского общества с точки зрения их возможного участия в антифашистской борьбе и связанной с этим программой антифашистской борьбы КПР.

Большинство работ, появившихся в период 1941-1947 гг., носили публицистический или немуральный характер и принадлежали перу политических деятелей или участников антифашистской борьбы. В газетах Коммунистической партии Румынии /КПР/, Социал-демократической партии /СДП/, Национал-парламентской партии /ЦП/ и Национал-либеральной партии /ЛП/ были опубликованы статьи их лидеров, являвшихся главными действующими лицами событий 23 августа 1944 г.

В органе КЛР "Роминия либерэ" /23.08.1945/ была опубликована статья Л.Патрашкану "Как был подготовлен акт 23 августа", в органе СДП "Либертате" /5.09.1944/ статья К.Тителю-Петреску "Как было достигнуто соглашение о перемирии", в правительственной газете "Универсул" /3.09.1944/ статья Ю.Маниу "Акт 23 августа 1944 г." в органе ИЛП "Либералул" /23.08.1946/ статья К.И.Бретиану "Спустя два года" и др. Появились также воспоминания генерала из королевского окружения Д.Дэмэчану о подготовке и осуществлении свержения фашистского диктатора. В бюллетене антифашистской организации "Союз Патриотов", созданной в подполье в 1942 г., были помещены статьи его руководителей Петре Константинеску - Яшь и Г.Владеску-Раковас⁶.

Кроме того был опубликован ряд публицистических статей в газетах умеренно радикального толка "Семналул", "Виктория", в еженедельнике "Журнал де деминца". В 1945 г. были изданы также воспоминания Петру Гроза руководителя антифашистской крестьянской организации "Фронт Земледельцев", а после 6 марта 1945 г. главы правительства Румынии, о его аресте и пребывании в тюрьме Альмезон в 1943-1944 гг.⁷

В 1990 г. научно-популярный исторический журнал "Материалы историк" /№ 8/ перевечатал упомянутые выше статьи и воспоминания лидеров политических партий, а также опубликовал ряд неизвестных до сих пор материалов. Среди них - записки маршала И.Антонеску, написанные им в камере королевского дворца сразу же после ареста и длительное время хранившиеся у одного из участников ареста фашистского диктатора. В этом же номере журнала были опубликованы воспоминания генерала Г.Михаила о первых акциях короля Михая по подготовке акта 23 августа 1944 г. и формированию первого после свержения И.Антонеску правительства.

Интерес представляет также публикация отрывков из регистрационного журнала королевского дворца, в котором отмечались все лица, посетившие короля. Так, на аудиен-

ции 22 и 23 августа 1944 г., когда решался вопрос о свержении И.Антонеску и выходе Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии, среди политических и армейских деятелей присутствовал представитель ЮР Л.Патрашкану⁸.

В 1990 г. в г.Яссы под редакцией Г.Бузату были опубликованы два тома материалов, посвященных румынскому диктатору И.Антонеску⁹, где собраны его выступления и воспоминания приближенных. По существу предпринимается попытка реабилитации самого Антонеску и обеление его политики, ставится под сомнение фашистский характер режима Антонеску.

Основной поток литературы, связанный с интересующей нас темой, относится к периоду конца 40-ых – 80-ым годам. В рамках этого периода можно выделить в свою очередь два подэтапа: первый – до середины 60-ых годов и последующий – до декабрьских событий 1989 г., когда в Румынии пал режим И.Чаушеску. Отличительной чертой всего сорокалетнего развития румынской историографии являлась интерпретация событий, исходящая из предвзятой схемы и оценок, содержащихся в официальных партийных документах и, в значительной мере, подгонка под эти схемы исторических фактов, событий и, особенно, оценок и выводов. В связи с этим характеристику, данную в статье А.Симиона историографии периода 1948–1965 гг., а именно что "несмотря на определенные успехи, достигнутые в изучении истории второй мировой войны, ... анализ изучаемых событий подменялся механическим переносом некоторых оценок, утвердившихся в партийных документах"¹⁰, с полным основанием можно отнести и к последующему периоду ее развития. Разница заключалась в том, что в период 1948–1965 гг. в историографии в целом преобладали просоветские и антибуржуазные тенденции¹¹, в то время как с приходом к власти И.Чаушеску их потеснили тенденции, связанные с гипертрофированием национального фактора, преувеличением вклада Румынии в разгром фашистской Германии и обелением политики правящих кругов буржуазно-помещичьей Румынии¹².

Это отразилось непосредственно и на проблематике кануна и периода второй мировой войны. В концентрированном виде отмеченные тенденции проявились в книге И. Чаушеску, Ф. Константину и М. Лонеску "На 200 дней раньше". Через всю книгу проходит мысль о том, что вторая мировая война завершилась на 200 дней раньше благодаря свержению внутренними силами фашистского режима Антоеску и участию Румынии на завершающем этапе войны против гитлеровской Германии совместно со странами антигитлеровской коалиции. Свою правоту авторы пытаются доказать математическими подсчетами¹³.

Что же касается характеристики современного этапа румынской историографии рассматриваемой проблемы, то в данный момент можно говорить лишь о некоторых тенденциях ее развития, проявившихся прежде всего в публицистике.

По сравнению с предыдущим периодом можно отметить резко негативное отношение к Румынской коммунистической партии, ко всему периоду ее пребывания у власти, что отразилось и на оценке предыдущего периода ее деятельности. При этом подчас переносятся оценки деятельности РКП, которые раньше имели место лишь в работах румынской эмиграции и публикациях на Западе. Эти оценки носили в основном политический характер и не базировались на введении в научный оборот новых источников¹⁴.

Обратимся теперь непосредственно к рассмотрению некоторых проблем движения Сопротивления в Румынии в освещении национальной историографии и там, где это целесообразно, сопоставим точки зрения румынских историков со взглядами советских авторов с тем, чтобы выявить различия в подходах и оценках изучаемых событий, процессов и фактов.

Прежде всего это относится к таким вопросам, как периодизация антифашистской борьбы румынского народа, определение общих, присущих и другим странам, и специфических для Румынии черт развития этого процесса, изучение классового и политического состава движения Сопротивления, его массовости, роли и места различных политических

партий и организаций, значимости их лидеров, эволюции настроений основной массы населения, значения внутренних и внешних факторов в его развитии и результативности.

Различия в точках зрения по вопросу периодизации относятся прежде всего к определению начальной грани антифашистского движения Сопротивления в Румынии. Здесь, несмотря на всю условность хронологических рамок, можно выделить три основные позиции. Некоторые из историков считают, что начальная грань антифашистского движения Сопротивления совпадает с началом второй мировой войны. Такой принцип периодизации был предложен, например, советским исследователем Б.А.Колкером¹⁵. Он выделил три следующие этапа развития антифашистской борьбы: первый – с начала второй мировой войны /сентябрь 1939 г./ и до начала вступления Румынии в антисоветскую войну; второй – период участия Румынии в антисоветской войне на стороне гитлеровской Германии /июнь 1941 – 23 августа 1944 гг./ и, наконец, третий – с августа 1944 по май 1945 гг., т.е. участие Румынии в окончательном разгроме фашизма на стороне антигитлеровской коалиции, а внутри страны – борьба с остатками фашизма. Возражая Б.А.Колкеру, можно привести следующие аргументы: на наш взгляд, начало второй мировой войны, оккупация гитлеровской Германией Польши, советско-германский договор августа 1939 г. не оказали непосредственного влияния на политическую жизнь Румынии. Более того, директивы Коминтерна в связи с советско-германским договором 1939 г. по существу, на некоторый период свернули антифашистскую деятельность коммунистов, породили сумятицу и дезориентацию в определении линии политической борьбы руководства коммунистической партии.

Большинство румынских историков считают переломным моментом в развитии антифашистского движения сентябрь 1940 г. Для обоснования такого подхода в качестве отправного момента берется весь комплекс внутривнутренних и международных факторов: последствия Венского арбитража и территориальных потерь Румынии, международные условия и причины установления военно-легитимистского режима А.Ду-

тону, окончательная переориентация Румынии на Германию и внутриполитические последствия этого поворота, разгул террора и сила против демократических сил и политических противников.

Румынские историки пытаются объяснить поворот Румынии на сторону фашистской Германии фактом международной изоляции Румынии, вследствие чего ей пришлось пойти на значительные территориальные уступки. Они всячески обеляют внешнюю политику Румынии накануне и в начальный период второй мировой войны, ее вступление на стороне фашистской Германии против СССР¹⁶.

"Усалия румынских историков, — пишут в своей статье, вышедшей в 1974 г. Тр. Удря и Л. Кипер, — должны быть направлены на то, чтобы доказать ошибочность тезиса об империалистическом, агрессивном и воинственном характере внешней политики Румынии в межвоенный период"¹⁷. В связи с этим говорится о неприемлемости содержащихся в документах РКП кануна и начального периода войны таких понятий как антиимпериалистическая и антимилитаристская борьба трудящихся. "Эти формулировки, — считает, например, Л. Чаушеску, — взятые на вооружение руководством III Интернационала, проникли в рабочее движение Румынии, хотя совершенно не соответствовали ее реальной действительности"¹⁸.

В то же время румынские историки обходят молчанием взрыв националистических страстей и территориальных претензий к СССР в связи с воссоединением с ним Бессарабии и Северной Буковины. А в ряде случаев подают это как часть национально-освободительной борьбы румынского народа за сохранение территориальной целостности страны¹⁹.

Беским аргументом, доказывающим несостоятельность позиций румынских авторов 70-80-х годов, являются публикации, появившиеся в официальной печати начала 40-х годов и раскрывающие истинные намерения румынских правящих кругов. Так, газета "Универсул" в 1941 г. под заголовком: "Восточная опасность" писала, что "эта опасность не ограничивается лишь коммунистическим режимом, а зак-

лючается в самой государственной структуре России, независимо от режима, который ею управляет, будь он советским, царским или республиканским...". "Румыния всегда находилась под угрозой России и поэтому речь идет не только об освобождении румынских территорий". "Восточная опасность" состоит в "этнической и демографической чудовищности, которую из себя представляет конгломерат рас и народов России..." Поэтому Румыния должна вести войну "до тотальной ликвидации восточной опасности в самих государственных устоях". "Война, — пишет далее газета, — должна быть доведена до конца, пока не будут отрублены все головы восточного чудовища и на обломках... поднимется Румыния"²⁰. Таким образом, официальными кругами формировалось общественное мнение и создавался миф о "восточной опасности" с целью оправдания вступления Румынии в антисоветскую войну и одурманивания населения шовинистическим угаром. Справедливости ради нужно отметить, что коммунистическая партия и прогрессивные силы выступали против участия Румынии в войне против СССР, против режима Антонеску, в поддержку справедливой войны советского народа. КИР уже в начале войны предложила платформу объединения всех антифашистских сил. Поэтому 1941 г. можно выделить в качестве рубежа периодизации антифашистского движения Сопротивления, так как перед прогрессивными силами выдвигались новые по сравнению с предыдущим этапом задачи борьбы с внутренним и внешним фашизмом. В работах румынских историков, опубликованных до середины 60-ых годов и посвященных этой проблеме, также как и в работах советских историков, касающихся вопросов антифашистского движения Сопротивления в Румынии, преобладала именно такая точка зрения²¹. Примечательно, что и в 70-80ые годы некоторые румынские историки придерживались этой же позиции. Так, историк Л.Скурту выделил в качестве начальной грани антифашистского движения Сопротивления именно 22 июня 1941 г. Он предложил следующую периодизацию: первый этап — с 22 июня 1941 г. до декабря 1941 г. /до разгрома немецко-фашистских армий

под Москвой/, второй - с декабря 1941 года до апреля 1944 г. /вступление Красной Армии на территорию Румынии/ и третий - апрель - август 1944 г. /период бурного развития внутриполитических событий в условиях коренного перелома в ходе войны, приведших к политическому перевороту 23 августа 1944 г./²². По-существу, в основу такой периодизации положен внешний фактор, т.е. победы Красной Армии и ее победы на советско-германском фронте.

Необходимо отметить, что в румынской историографии постоянно подчеркивается генетическая связь движения Сопротивления в Румынии в годы второй мировой войны с антифашистской борьбой в межвоенный период. В известной мере на наш взгляд, это правомерно, поскольку нарастание фашизации страны происходило еще до начала второй мировой войны. Однако главными факторами, обусловившими установление военно-фашистской диктатуры, румынские историки считают не внутреннюю эволюцию политической жизни к фашизму, а как уже отмечалось выше, внешнеполитические изменения, приведшие к изменению границ Румынии в условиях нажима на нее как со стороны Германии, так и Советского Союза. Советские историки в качестве рубежей периодизации антифашистского движения Сопротивления выдвигают такие события второй мировой войны, как Сталинградская битва, где вместе с германской армией потерпела поражение румынская армия; вступление Красной Армии на территорию Румынии /весна 1943 г./, т.е. те события второй мировой войны, которые оказали самое непосредственное влияние на развитие внутриполитической обстановки в Румынии.

Целый ряд вопросов антифашистского движения Сопротивления, такие, как его массовость, характер, формы проявления, роль и место коммунистической партии в этом движении, классовый и политический состав политических союзов, размах антифашистских настроений в армии получил в румынской историографии неадекватное отображение. Написано немало работ об участии в антифашистской борьбе рабочего класса²³, крестьянства²⁴, интеллигенции²⁵, молодежи,

военнослужащих²⁷. При этом, обобщая отдельные конкретные факты, румынские исследователи создавали картины массовости и значимости выступлений. В работах советских авторов основной акцент делался на эволюции настроений различных слоев населения, изменений в общественном сознании под влиянием внутривойсковой и внешнеполитической ситуации и положения на фронтах второй мировой войны²⁸. Опубликованные документальные и архивные материалы дают возможность более глубоко изучать в дальнейшем именно этот аспект антифашистского движения Сопротивления²⁹.

В связи с отсутствием в Румынии на начальном этапе войны, а затем слабого распространения такой формы антифашистского движения Сопротивления как партизанская борьба, изучению этого вопроса в работах румынских авторов не уделяется сколько-нибудь существенного внимания. В известной степени это было связано и с тем обстоятельством, что первые партизанские отряды, появившиеся в начале 1944 г. в Румынии, были подготовлены в СССР Украинским Штабом движения из представителей румынской эмиграции и военнопленных и переброшены на территорию Румынии. Таких групп насчитывалось около 10. Некоторые из них не смогли развернуть работу, другие же преобразовались в отряды. Продвинуть изучение проблемы может использование материалов советских архивов, в частности, фонда Центрального Штаба партизанского движения Центрального партийного Архива³⁰.

Огромное количество статей было посвящено руководящей роли коммунистов в организации антифашистского движения Сопротивления в Румынии³¹. Безусловно, КИР понесла самые большие жертвы в борьбе против фашизма. Однако тезис о руководящей роли КИР выдвигался априори, без анализа действительной расстановки классовых и политических сил, без учета реального влияния КИР в румынском обществе в целом и степени ее влияния на различные социальные группы и слои населения. Чаще всего обращалось внимание на анализ про-

грамм, манифестов КИР, ее призывов к антифашистской борьбе. Кроме того по различным конъюнктурным соображениям, из-за острейшей внутрипартийной борьбы в период войны и особенно после ее завершения, трагических судеб руководителей КИР, таких как Д.Патрашкану, одного из ярчайших представителей КИР, историка и интеллектуала, сыгравшего существенную роль в осуществлении связей с буржуазной оппозицией и королевским двором, принимавшего непосредственное участие в подготовке акта свержения фашистского диктатора И.Антонеску, /был репрессирован в 1948 г. и трагически погиб/, Ет.Фориш /в апреле 1944 г. был обвинен в провокаторстве /посмертью реабилитирован/ и ряда других. История партии оказалась как бы обезличенной, абстрактно-обобщенной, лишенной персоналий. Да и в настоящее время нет еще достаточных документов, чтобы придать ей человеческое лицо.

В румынской исторической литературе 70-80ых годов в соответствии с официальными заявлениями руководства партии и государства критиковалась приверженность руководства КИР директивам Коммунистического Интернационала. Но делалось это в основном в плане констатации позиций историков и весьма субъективно без всестороннего анализа документов или рассмотрения конкретных путей и методов взаимодействия и связей Коминтерна с внутренним руководством КИР. Распуск Коминтерна в мае 1943 г. явился переломным моментом в развитии движения Сопротивления в Румынии, поскольку это, как они считают, укрепило союз коммунистов с другими антифашистскими, в том числе и буржуазными партиями. Советские историки своего вклада в изучение этой проблемы до сих пор не внесли, этот пробел в какой-то степени можно было бы восстановить, обращаясь к архивным материалам, прежде всего секретариата ЛККИ. Нужно заметить, что вопрос о сотрудничестве внутреннего руководства КИР с руководящими органами Коммунистического Интернационала, с его секретариатом и румынской секцией остаются малоизученными. Репрессии, обрушившиеся на ру-

минскую коммунистическую эмиграцию в СССР, трудности подпольной работы КПР внутри страны создавали сложности и для связей между внутренним руководством КПР и Коминтерном. Начавшаяся вторая мировая война нарушила эти и без того не очень-то устойчивые связи.

Советско-германский договор от 23 августа 1939 г. и директивы Коминтерна, шедшие вразрез с предыдущей линией КПР, направленной на борьбу с фашизмом и гитлеровской агрессией, вызвали глубокую растерянность и дезориентацию в партии³², обострили отношения в руководстве КПР, породили волну недоверия и взаимных обвинений³³. Все это отразилось в информации, которая поступала из Румынии в Коминтерн. Интересным в связи с этим представляются неизвестные до сих пор письма и телеграммы Г.Димитрова к руководству КПР, его попытки наладить через Болгарскую рабочую партию /БРП/ связи с представителями ЦК КПР и организовать таким образом систему связи для обмена информацией. В одном из писем, направленных Г.Димитровым 10 апреля 1941 г. в ЦК КПР, подчеркивалось, что необходимо "с вашей стороны сделать все для улучшения связи с нами /имеется ввиду руководство Коминтерна - Т.П./, и информировать нас своевременно о вашей работе"³⁴. За несколько дней до этого, 7 апреля, в ЦК БРП было направлено письмо с просьбой содействовать установлению связей с руководством Коммунистической партии Румынии. "Пошлите срочно подходящее лицо в Добрич^х к Иванке или Петру Георгиеву^{xx} с целью сообщить в ЦК КПР: 1. Орлов и Фориш должны приехать как можно скорее в Москву. 2. организовать посылку материалов конференции и др... проинформируйте нашего человека о положении в Румынской партии.

Следует изучить возможность связей через Болгарию. Просьба содействовать им... И далее рукой Г.Димитрова

^х Город в Южной Добрудже, вошедший в 1940 г. в состав Болгарии.

^{xx} Известен после 23 августа как член ЦК КПР Петре Горицэ.

сделана приписка: "необходима крайняя осторожность по отношению к румынской сигуранце /политическая полиция - Т.П./"35.

1 июля 1941 г. вскоре после начала фашистской агрессии против СССР на имя Георгиева /члена ЦК КЛР/ было направлено письмо за подписью Г.Димитрова с призывом всемерно разворачивать борьбу "против фашистских варваров и их румынских пособников". "Необходимо сделать все, - говорилось в письме, - чтобы помешать дальнейшему продвижению германской армии на румыно-советском фронте: организовывать демонстрации и другие массовые выступления в городах за хлеб и против войны, срывать использование немцами военных материалов, продовольствия и сырьевых ресурсов Румынии. Уничтожать румынские аэродромы, запасы нефти, склады оружия. Решительно мешать перевозке немецких войск и оружия, разрушая железные дороги, мосты. Разлагать армию, всемерно поощрять массовое дезертирство... дезорганизовывать румынский тыл германской армии.

Подтвердите получение этой директивы. Информируйте конкретно о ее выполнении". 26 сентября 1941 г. Коммунистическая партия Румынии выступила с платформой антифашистской борьбы румынского народа, в которой многие формулировки совпадали с директивами, разосланными руководителям компартий.

О конкретных каналах связей между ЦК КЛР и Коминтерном в годы Великой Отечественной войны советского народа пока в историографии никаких данных не имеется, хотя можно предположить, что они были весьма ограничены и затруднены. Незучеными остаются вопросы и о деятельности выгнанного ЦК КЛР, находившегося во время войны в Москве, Румынского национального блока в СССР, объединявшего румынских политэмигрантов, проживавших в Советском Союзе, и также о работе радиостанции "Свободная Румыния". Остается открытым вопрос и о численности коммунистической партии. Данные такого рода в работах историков, как правило, отсутствуют. Основная причина заключа-

ется в малочисленности КПР. Некоторые данные нам удалось выяснить. Так, в докладе руководства ЦК КПР, присланном в начале 1940 г. в секретариат ЦКК называется цифра /на октябрь 1939 г./ 3 200 человек³⁷, хотя возможно эти цифры и преувеличены.

В период войны и вплоть до выхода коммунистической партии из подполья после 23 августа 1944 г., она была немногочисленной и не пользовалась сколько-нибудь заметным влиянием в стране. Во время войны партия понесла тяжелые потери, многие коммунисты были арестованы и заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Некоторые были казнены по обвинению "в государственной измене". Угнетая антикоммунистическая пропаганда, обвинения в антинациональных действиях — все это создавало барьеры для распространения влияния КПР в массах. В румынской историографии 70-х — 80-х годов позиция КПР по национальному вопросу /КПР выступала за право наций на самоопределение вплоть до отделения и не признавала оккупации Бессарабии Румынией в 1918 г./ считается ошибочной.

Румынские исследователи обращались к изучению общественных организаций, находившихся в сфере влияния коммунистической партии, таких как Союз патологов, объединявший интеллигенцию и мелкобуржуазные слои населения³⁸, и Патристическая защита, пытавшаяся всячески поглотить репрессированным патристам и левшей связи с советскими военнопленными в лагерях на территории Румынии³⁹. Последний вопрос остается совершенно неизученным.

Весьма неразработанным является и вопрос о роли и месте социал-демократической партии в антикоммунистическом движении, взаимоотношениях СДП и КПР⁴⁰. В течение длительного времени изучение этого вопроса осложнялось негативным, сектантским отношением официальной румынской историографии к СДП и, в какой-то мере, судьбой руководителей СДП, которые обвинялись в левом оппортунизме и реформизме. Трагически закончилась судьба арестованного после 1947 г. лидера правого крыла СДП К.Тителя-Петреску. Одышко репрессиям подверглись не только деятели СДП, но и коммунисты

тической партии, о чем уже говорилось выше.

Существенные изменения произошли в румынской историографии 70-80-ых годов по сравнению с 50-60-ыми годами в оценке роли буржуазной оппозиции фашистскому режиму в годы войны. Если ранее руководство так называемых исторических, Национал-царанистской и Национал-либеральной партий обвинялось в пособничестве режиму Антонеску и полной поддержке его политики⁴¹, то теперь наметилась тенденция идеализации лидеров НЦП, как важнейшего компонента антифашистского движения сопротивления⁴². Последнее было связано с преувеличением значимости самого движения Сопротивления в Румынии, попытками представить его как широкое общенациональное явление, включавшее все основные группы населения "от крестьянина до короля, от солдата до генерала". При этом не показывалась динамика соотношения сил, выступавших против фашизма и войны на различных этапах Сопротивления, преуменьшалось влияние внешних факторов /и прежде всего положения на советско-германском фронте/ на эволюцию внутриполитической ситуации в стране и изменения социально-психологического настроения в обществе⁴³. Слабо изученной остается проблема эволюции общественного сознания в годы войны, и особенно на различных ее этапах.

При освещении вопроса об участии Румынии во второй мировой войне национальная историография основное внимание уделяет завершающему этапу войны, когда Румыния присоединилась к антигитлеровской коалиции. Обходится вопрос об оккупационной политике румынских властей и армии на оккупированной советской территории и влияние этого фактора на румынское общество. В отличие от румынской историографии эта тема получала достаточно серьезную разработку в трудах советских историков, в частности И.Э.Левита. На огромном фактическом материале он показал, что румынское правительство, участвуя вместе с гитлеровской Германией в грабежах и насилиях на советской территории, пыталось смягчить за счет этого социально-экономические и политические противоречия внутри страны, что в известной мере удалось сделать, особенно на началь-

ном этапе войны. Только жесточайшие поражения на советско-германском фронте отрезвляюще подействовали на различные общественные группы и слои населения, а приближающийся военный крах Румынии заставил оппозиционные круги заняться поисками выхода из надвигающейся для режима катастрофы. И.Э.Левит отмечает, что постоянно ухудшавшиеся условия жизни трудящихся, неимоверно тяжелое положение солдатских масс, палочная дисциплина, коррупция, грабительская политика германских войск в стране, пренебрежение гитлеровцев к румынскому народу, приводили к усилению в армии и стране антивоенных, антифашистских и антигерманских настроений, недовольству политикой режима И. Антонеску⁴⁴.

В последние годы в румынской историографии появились работы, рассматривающие антифашистское Сопротивление в Румынии как часть более широкой проблемы борьбы народов Европы против фашизма. В связи с этим определились и новые тенденции сравнительно-исторического анализа. И в этом случае основной акцент делался на значении участия румынских граждан в движении Сопротивления ряда стран Европы, а также на участии румынской армии на завершающем этапе второй мировой войны в освобождении других стран от фашизма⁴⁵.

Особое внимание в румынской историографии уделялось анализу условий подготовки и осуществления свержения режима Антонеску 23 августа 1944 г., роли различных политических сил в проведении этого акта и его значению⁴⁶. Как отмечает румынский историк К.Попляштану, крах в декабре 1989 г. диктатуры Н.Чаушеску создал новые возможности для глубокого и всестороннего анализа событий 23 августа 1944 г., которые изменили судьбу Румынии.

В предыдущие годы история этого периода мифологизировалась, свержение И.Антонеску представлялось исключительно как закономерный результат деятельности К.Р. по сплочению вокруг нее всех антифашистских, антигитлеровских, патристических сил, как ее исключительная инициатива⁴⁷. Закономерно превозносилось международное значение

этого акта⁴⁸. Внешний фактор, а именно блестяще осуществленная Яско-Кишиневская операция Красной Армии и сокрушительный разгром немецких и румынских армий, лишь констатировался, а все лавры предназначались лишь внутренним силам. После декабря 1989 г. в румынской печати появилось большое число статей, связанных с событиями лета - осени 1944 г., характерной чертой которых являлся огромный спектр крайних мнений. Некоторые называют 23 августа 1944 г. актом национального предательства, другие - "спасительным актом короля и "исторических партий"⁴⁹.

Эволюция самих понятийных терминов при характеристике событий 23 августа 1944 г. на протяжении последующих десятилетий уже сама по себе показывает, насколько конъюнктурно менялся смысл и содержание исторических явлений. В период 1944-1947 гг. говорилось об "историческом акте" и государственном перевороте, в 50-60-ые - о народном вооруженном антифашистском восстании или национальном восстании под руководством РКП; в 1979 г. - о революции социального и национального освобождения; наконец, с 1984 г. о начале антифашистской и антиимпериалистической революции социального и национального освобождения. В советской историографии чаще всего употреблялось определение 23 августа 1944 г. как вооруженного восстания, положившего начало народно-демократической революции. Вероятно, и в подобных определениях, бытующих в советской историографии, возможны корректировки и приближенные к пониманию истинного положения вещей в тот период.

Однako совершенно ясно, что новые подходы в изучении темы невозможны без расширения источниковедческой базы, и тут следует сказать, что в 70-80-е годы в Румынии шла активная деятельность по изданию материалов как румынских⁵⁰, так и зарубежных архивов /американских, германских и т.д./⁵¹. Вместе с тем нельзя не отметить, что подборка документов была весьма тенденциозной и служила подспорьем для подтверждения выдвинутых официальных концепций и укоренившихся точек зрения. Поэтому чрезвычайно

важно вовлечение в научный оборот материалов советских архивов, доселе в значительной части сокрытых от исследователей.

Что касается западной исторической литературы, относящейся к теме, то можно отметить, что большинство исследователей отрицают наличие в Румынии сколько-нибудь значимого движения Сопротивления и основное внимание уделяют освещению вопросов, связанных с деятельностью буржуазной оппозиции, внешнеполитическим аспектам и военным операциям второй мировой войны. Некоторые из них обвиняют лидеров оппозиции Ю.Маниу и И.Бретиану в пассивности, что открывало путь для прихода коммунистов к власти. Решающую роль в осуществлении плана свержения М.Антонеску и выхода Румынии из войны на стороне Германии они отводят королю Михая и его окружению⁵².

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых оценках событий 23 августа 1944 г., данных румынскими историками в современной /после свержения режима Н.Чаушеску/ интерпретации. "Несмотря на преувеличения, искажения, односторонние упрощенные взгляды и дань, заплаченную политической конъюнктуре, остается историческим фактом антифашистская суть этого события", — пишет К.Попиштяну. А далее он повторяет некоторые тезисы прошлого: "Фактом остается то, что Румыния самостоятельно вышла из-под гитлеровского господства, и Красная Армия, наступавшая в ходе Ясско-Кишиневской операции, застала столицу и большую часть территории страны освобожденными собственными силами... 23 августа вошло в европейскую историю как одно из крупных событий второй мировой войны, как несомненный вклад в приближение ее конца..."⁵³. Эти тезисы историка К.Попиштяну, возглавляющего в настоящее время самый массовый научно-популярный журнал "Магазинул историк", показывают, что для раскрытия исторической правды еще очень много нужно сделать, и что для советских историков аргументированный анализ роли и соотношения внутренних и внешних факторов в освещении истории Сопротивления остается первоочередной задачей.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Кишкилова П. Антифашистката съпротива в Румъния. 1940-1944. София. 1989.
2. См., напр., Антосяк А.В. В боях за свободу Румынии. М., 1974; Левит И.В. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинев. 1981; Он же. Крах помилки агрессии диктатуры Антонеску. Кишинев. 1983; Лебедев В.Н. Крах фашизма в Румынии. М., 1976; Сазина М.Г. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963 и др.
3. См., напр., История Румынии. 1917-1970. М., 1971; Краткая история Румынии. М., 1987; Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977;
4. Popescu-Puțuri I. Probleme de metodologie și documentare privind istoria rezistenței în România // Anale de istorie. 1965. № 5; Roman V., Zăbărescu V. Cercetarea istoriei mișcării de rezistență antifascistă din România // Anale de istorie. 1965. № 2; Udrea Tr., Chiper J. La Seconde guerre mondiale dans l'historiographie roumaine // Revue roumaine d'histoire. Buc., 1974. T.8. № 4; Simion A. Contribuții la istoriografia românească privind perioada 1940-1944 din istoria patriei // Anale de istorie. Buc., 1974. № 1; Agrigoroaiei I. Probleme privind rezistența antifascistă din România și pregătirea insurecției din august 1944 în istoriografia românească actuală // Anale de Universități "Al. I. Cuza", Istorie. 1974. № 2; Buzatu Gh., Agrigoroaiei I., Rusu D. Semnificație istorică a acțiunii de la 23 august 1944 în perspectiva istoriografică // Actul de la 23 august 1944 în contextul internațional. Studii și documente. Buc., 1984.
5. Patrașcanu L. Sub trei dictaturi. Buc., 1944; Probleme de bază ale României. Buc., 1944.
6. Constantinescu-Iași P. Din istoricul mișcării antifasciste; Vladescu-Răcoasa Gh. Măsterea Uniunii Patrioților și lupta ei; Realizările democrației. Semnificarea legislației după 23 august // Buletin, editată de Uniunea Patrioților. 1944. № 5.
7. Groza P. În umbra oelului Malmeson 1943-1944. Buc., 1945.
8. Magazin istoric, serie nouă, august 1990, № 8, P.20-23, 29-31.
9. Mareșalul Antonescu în fața istoriei (Ed. Buzatu Gh. Doc. mărturii și coment. ed. în colab. cu Cheptea S. și alt). Vol. I., Vol. II. Iasi. 1990.
10. Simion A. Contribuții la istoriografia românească privind perioada 1940-1944 din istoria patriei... P.17.
11. Gheorghiu I., Roman V. Din lupta P.C.R. pentru scoaterea României din războiul antisovietic și întocmirea armelor împotriva hitleristilor // Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al P.M.R. (далее:

- "Analele..."), 1956. №3; Kolker M. Lupta de eliberare națională în România în anii 1941-1944 // Studii. Revista de Istorie. 1954. № IV; P.C.R. - organizatorul și conducătorul luptei pentru rasturnarea dictaturii fasciste antonesciene și întoarcerea armelor împotriva coteritorilor hitleriști. Buc., 1956; Constantinescu-Iași E. Eliberarea României de sub jugul fascist și însemnarea ei istorică // Analele 1959. № 4.
12. См.: Румыния в антигитлеровской войне. Бухарест. 1976; Румыния и Великая победа. 23 августа 1944 - 12 мая 1945. Бухарест. 1985; Международный отклик на августовскую революцию 1944 г. и вклад Румынии в антигитлеровскую войну. Бухарест. 1984; Insurecția din august și semnificația ei istorică. Buc., 1974.
 13. Ceaușescu I., Constantiniu Fl., Ionescu M. 200 de zile mai devreme. Rolul României în scuturarea celui de al doilea război mondial. Buc., 1984.
 14. Georgescu V. Istoria românilor de la origini pînă în zilele noastre. De la România mare la democrația populară. De la autoritarism la totalitarism (1944-1947). "Timpul". 1990. 21 aprilie; Sintem după prima revoluție. Cum va fi a doua? Dialog succesiv între Vladimir Tismăneanu și Stelian Tanase // 22. Publicație săptăminală editată de grupul pentru dialog social. Aprilie, mai 1990.
 15. Колкер Б.И. Основные этапы национально-освободительной борьбы румынского народа в годы второй мировой войны // Национальная политика и национально-освободительное движение (Из новой и новейшей истории Балкан, Ближнего и Среднего Востока. Кишинев. 1965. С.108.
 16. Simion A. Regimul politic din România în perioada septembrie 1940-ianuarie 1941. Cluj-Napoca. 1976.
 17. Udrea Tr., Chiper I. La Seconde guerre mondiale... P.651.
 18. Ceaușescu I. U.T.C. și tineretul din armată 1922-1944. Buc., 1974. P.46.
 19. См.: Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С.126-150.
 20. АВП СССР. Ф.Г25.0п.23.д.15.п.22.л.1-2; "Universul". 1941.4.VIII.
 21. Constantinescu-Iași P. Partidul Comunist Român - catalizator și îndrumător al voinței întregului popor în rezistența națională antifascistă // Anale. 1974. № 4;
 22. Scurtu I. Dia viața politică a României (1926-1947). Studii critice privind istoria partidul Național - țărănesc. Buc., 1983. P.456-484.
 23. Covaci M., Dragne Fl. Aspecte ale luptei muncitoare din România împotriva militarofasciste și a criminalul război antisovietic // Revista arhivelor 1964. № 2; Munteanu N. Acțiuni muncitorești desfășurate în Galați și Braila împotriva exploatarei capitaliste și a dictaturii militarofasciste (1941-1944) // Anale de

- istorie. 1963. N 4; Tălăngeşou M., Pinteau I. Acţiuni ale muncitorilor oferişti împotriva dictaturii militare - fasciste şi a războiului hitlerist(1941-1944) // Anale de istorie. 1964, N 3 M AP.
24. Covaci M. Acţiuni ale ţaranimii din România împotriva dictaturii militare-fasciste(1941-1944) // Anale de istorie. 1963. N 4; Ioniţa Gh., Ţuţui Gh. Frontul Plugarilor. Buc., 1970.
25. Copciu N. Atitudinea potrivnică a oamenilor de cultură faţă de expansiunea ideologiei naziste în România // Anale de istorie. 1963. N 6; Udrea Tr. Intelectualitatea română împotriva dictaturii autonesciene şi fascismului înainte acului istoric de la 23 August 1944 // Revista de istorie. 1984. N 7. M AP.
26. Moş Gh., Stănescu V. Din contribuţia tineretului din ţara noastră în frunte cu utciştii, la lupta P.C.R. pentru victoria insurecţiei armate de la 23 August 1944 // Anale. 1959. N 4.
27. Mocanu V. Despre factorii care a dus la formarea stării de spirit antihitleriste în armata. 1940 - august 1944 // Studii şi materiale de muzeografie şi istorie militară. 1973. N 6; Voichiţa V. Armata în rezistenţă antifascistă din România // Armata şi societatea românească. Buc., 1980 M AP.
28. Народные и национальные фронты... С.204-216.
29. Din cronica unor zile istorice. Buc., 1971.
80. ЦПА. Ф.69. Оп.І. Д.1092,1048,978 M AP.
81. См., напр., Р.С.Р. - organizator şi conducătorul luptei pentru rasturnarea dictaturii fasciste autonesciene şi întoarcerea armelor împotriva cotropitorilor hitlerişti. Buc., 1956; Muşat M. Activitatea P.C.R. în colaborare cu celelalte forţe patriotice pentru pregătirea revoluţiei eliberare sociale şi naţionale, antifascistă şi antiimperialistă // File din istoria militară a poporului român. Studii. T.15. Buc., 1984; Liveanu V. Rolul P.C.R. în pregătirea insurecţiei naţionale antifasciste armate în lumina izvoarelor publicate în anii 1944-1947 // Revista de istorie. 1974. N 8 M AP.
82. См.: ЦПА. Ф.495. Оп.ІІ. Д.245. Л.14-15,19; Д.245. Л.159.
83. ЦПА. Ф.495. Оп.ІІ. Д.245а. Л.180-181.
84. ЦПА. Ф.495. Оп.74. Д.451. Л.36.
85. ЦПА. Ф.459. Оп.Исходящее в Болгарию 1940 г. Д.ІІ. Л.30.
86. ЦПА. Ф.495. Оп.184. Д.14. Л.16.
87. ЦПА. Ф.495. Оп.ІІ. Д.245. Л.18.
38. Covaci M. Aspecte ale activităţii antifasciste, antihitleriste ale Organizaţiei Uniunea Patriotica(1942-1944). Buc., 1969.
39. Матикеску О. Рабочая солидарность в Румынии(1921-1944) Бухарест. 1978.
40. Карол Нирж. От Единого рабочего фронта к единой партии рабочего класса(апрель 1944-февраль 1948). Буха-

- pect. 1972; Tuțui Gh., Petric A. Frontul Unic Muncitoresc în România. Buc., 1971; Iuroș N. Mișcarea socialistă și social-democrație din România 1934-1944. Buc., 1977; Udrea Tr. Preliminarii fauririi Frontul Unic Muncitoresc (1939-aprilie 1944) // Unitatea de luptă și clasei muncitoare din România. Buc., 1974.
41. Savin T. Istoria unei figuri "istorice" I. Maniu. Buc., 1946; Florescu M. Politica provocatoare de război a partidelor "istorice". Buc., 1946; Politica consecvența de trădare a lui Iuliu Maniu și a Partidului Național Țărănesc. Buc., 1947.
42. Fătu M. Sfârșit fără glorie. PNT (Maniu) și PNL (Brătianu) în anii 1944-1947. Buc., 1972; Simion A. Cu ochii la viitor, dar cu gândul spre trecut // Magazin istoric. 1974. N 5;
43. Scurtu I. Activitatea P.C.R. pentru coalizarea tuturor forțelor politice patriotice în vederea răsturnării dictaturii militarofasciste // Anale de istorie, 1969. N 4; Simion A. Politica de alianțe a P.C.R. în pregătirea insurecției // Insurecția din august 1944 și semnificația ei istorică. Buc., 1974; Udrea Tr. Politica de alianțe a P.C.R. Constituirea Blocului Național Democrat în iunie 1944 // Revista de istorie. 1979. N 6; Fătu M. Politica de realizarea Frontul unic național antifascist și antiimperialist (sept. 1940 - august 1944) // Contribuții la studierea istoriei contemporane a României. Buc., 1980; Rațiu A. O mare înfrângere pentru Comintern // Acasă. IX. 3.
44. Левит И.Э. Крах политики агрессии... С.4.
45. Rezistența europeană în anii celui de al doilea război mondial 1938-1945. Vol I. Țările din Europa centrală și de sud-est. Buc., 1973; Maksutovici G. Solidăritatea poporului român cu rezistența antifascistă a poporului din sud-estul Europei // Revista de istorie. 1989. N 8. P.841-861; Constantinescu-Iași P. La participation du peuple roumain à la lutte internationale antifasciste // Revue roumaine d'histoire. 1969. N 4; Adorian Gh., Nichita P. Date cu privire la participarea unor patrioți români la lupta împotriva fascismului în detașamentele de partizani din Uniunea Sovietică, Cehoslovacia, Franța // Anale de istorie. 1961. N 6 m dr.
46. См., напр., Август '44. Culegere de studii. Buc., 1971; Insurecția din august 1944 și semnificația ei istorică. Buc., 1974; Matei Gh. Insurecția armată din august 1944 - cucerirea hotărâtoare în istoria poporului român // Revista de istorie. 1964. N 4; Nichita P. Insurecția armată antifascistă din august 1944 - începutul revoluției populare în România // Anale de istorie. 1969; Insurecția din august 1944 și semnificația ei istorică. Buc., 1974.
47. Popescu-Puțuri I. Revoluția de eliberare socială și națională, antifascistă și antiimperialistă - eveniment de importanță ei joale pentru destinele poporului

- român // Anale de istorie. 1984. N 4;
48. Actul de la 23 august în context internațional. Studii și documente. Buc., 1984; Румыния и Великая победа 23 августа 1944 - 12 мая 1945 гг. Бухарест. 1985.
49. C.N.: Popișteanu C. Controverse în jurul unui act istoric // Magazin istoric, serie noua, august 1990. P. 17-19.
50. Pentru eliberarea patriei. Documente, extrase din presa, memorii cu privire la lupta poporului român pentru eliberarea patriei de sub jugul fascist (23 august 1944 - 25 octombrie 1944). Buc., 1972; Documente privind istoria militară a poporului român 23-31 august 1944. T.1-4. Buc., 1977-1979; 23 August 1944. Documente. T.1(1939-1943); T.2(1944). Istoria României între anii 1918-1944. Culegere de documentare. Buc., 1982; Cazanășteanu C. Contribuția Arhivelor Statului la îmbogățirea bazei documentare cu privire la revoluția de eliberare națională și socială antifascistă și antiimperialistă din august 1944 // Revista arhivelor. N 3; Из хроники исторических дней 1 мая 1944 - 6 марта 1945. Бухарест. 1974
51. Coliban T., Iurca N. Actul la 23 august 1944 în documente din arhivele west - germane // Anale de istorie. 1968. N 4; Chiper I. Situația politică din România în primăvara și vara anului 1944 în lumina unor documente germane // Revista de istorie. 1984. N 6; Pascu Al. Romanian Insurrection of August 1944 and the British Press // Anglo-Romanian Relations after 1821. Iași 1983; Buzățu Gh., Insurecția română din August 1944 oglindită în arhive și ziare americane // Magazin istoric. 1984. N 18; Dascalu N. Fondul România din Arhiva Biroului pentru Servicii Strategice al S.U.A. 1941-1945 // Revista arhivelor. 1983. N 4 и др.
52. Seton-Watson H. The East European Revolution. London. 1950; Hillgruber A. Hitler, König Karol und Marschall Antonescu. Die deutsch-romanischen Beziehungen 1938-1944. Wiesbaden. 1954; Prost H. Destin de la Roumanie (1918-1945). Paris. 1954; Wolff R. The Balkans in Our Time. T.1. 1967; Mourin M. Le drame de pays satellites de l'Axe de 1939 à 1945. Paris. 1957; Cretzianu Al. The Lost Opportunity. London. 1958; Stavrianos L. The Balkans since 1453. New York. 1958.
53. Popișteanu C. Controverse în jurul unui act istoric // Magazin istoric. Serie noua. August 1990. P.17; Он же. В начале пути. Заметки историка // Правда. 1990. 23 августа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует еще раз вернуться к мысли, высказанной во вступлении, а именно: представленные в сборнике очерки, не претендуя на целостную характеристику национальных историографий движения Сопротивления, показывают лишь основные этапы и направления ее развития. Это объясняется, во-первых, ограниченным объемом статей, а, во-вторых, недоступностью для советских авторов значительной части литературы, что обусловлено как недостатками в комплектовании соответствующих фондов советских библиотек, так и чрезвычайной ограниченностью возможностей ознакомления с этой литературой в изучаемых странах.

И все же, представленные очерки дают возможность сделать определенные выводы. Само понятие "движение Сопротивления" имеет разную наполненность в историографиях отдельных стран. Мы уже говорили, что оно не использовалось исследователями Югославии, Албании, поскольку не отвечало силе и формам (главным образом, вооруженным) борьбы против фашизма и отождествлялось с понятием обороны. В Греции по этому поводу также шли дискуссии. В остальных историографиях наряду с понятием "движение Сопротивления", как его синонимом, существуют и формулировки: антифашистская национально-освободительная борьба, антифашистское освободительное движение и др. Поэтому, говоря о регионе Центральной и Юго-Восточной Европы в целом, термин "движение Сопротивления" можно применять лишь условно.

Неодинаково трактуется и содержание этого понятия. В странах оккупированных, это прежде всего борьба за национальное освобождение, восстановление государственной независимости, а также, что более характерно для завершающего этапа освобождения, за более или менее глубокие политические и социально-экономические преобразования вышедшего из войны общества, его демократизацию. В странах-сателлитах гитлеровской Германии, выступавших в войне на ее стороне, мотив национального освобождения в антифашистской борьбе не звучал

так отчетливо, здесь на первом плане были отказ от участия в войне на стороне Германии и демократизация общественной жизни.

Историография коммунистического направления, а именно оно было решающим или преобладающим в большинстве рассматриваемых стран на протяжении четырех десятков лет, а также и прогрессивные исследователи сошлись на признании нескольких методологических принципов изучения движения Сопротивления, которые и сегодня представляются важными для его все-стороннего понимания и оценки. Думается, что если эти принципы и могут быть подвергнуты сомнению, то только при очень убедительной и доказательной аргументации. Эти методологические подходы состоят в следующем. Во-первых, движение Сопротивления генетически было связано с борьбой прогрессивных сил против фашистских, профашистских, авторитарных, диктаторских и других правых режимов, существовавших перед войной в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также против угрозы наступления внешнего и внутреннего фашизма (Чехословакия). Естественно, что выросшее из этой борьбы движение Сопротивления в годы войны приобрело особые качества и решало отличные от предвоенных задачи, но многие из прежних черт, обусловленные национальными и историческими особенностями той или иной страны, были сохранены. Преемственность была налицо. С этим связаны и трудности, и несовпадения во мнениях относительно начального этапа периодизации движения Сопротивления, прежде всего что касается неоккупированных стран. Представляется правильным ограничивать понятие "движение Сопротивления" периодом второй мировой войны.

Во-вторых, движение Сопротивления было частью второй мировой войны, одним из аспектов освободительной борьбы анти-гитлеровской коалиции, и внесло свой, хотя и не такой большой, как регулярные армии, вклад в разгром держав Оси. Развитие движения Сопротивления было тесно связано с событиями на фронтах второй мировой войны и, в частности, на советско-германском фронте. Однако это влияние, накладываясь на конкретную ситуацию в отдельных странах, не всегда было непо-

средственным и проявлялось в разной степени и в разных формах. Именно внутренние факторы определяли специфику развития движения Сопротивления в той или иной стране.

Приближение Красной Армии к границам стран региона и особенно ее вступление на их территории дало несомненный импульс к подъему освободительного движения, а в ряде стран и к восстаниям против гитлеровцев и поддерживавших их режимов. Освободительная миссия Советских вооруженных сил, проявившаяся прямо и непосредственно или косвенно и опосредованно, не может быть опровергнута. Попытки поставить под сомнение эту очевидную истину следует квалифицировать как ненаучные, носящие пропагандистский характер, предпринимаемые в интересах тех или иных заинтересованных в этом политических сил и на нездоровый, но вполне объяснимый волне антисоветизма, поднявшейся ныне в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Другой вопрос, толкуемый пока преимущественно односторонне и однозначно положительно в национальных историографиях, касается влияния пребывания Красной Армии в освобождаемых странах на их последующее развитие. Вопрос этот не так прост, как изображается, и требует более глубокого и всестороннего анализа. В частности, интересен отличный от прошлого, когда решающая роль в установлении демократических режимов во всех странах отводилась внутренним силам, взгляд на миссию Советских Вооруженных Сил, как на выполнявших двуединую задачу: наряду с освобождением большинства этих стран от нацизма и его подручных они содействовали упрочению здесь позиций коммунистических партий и широкому распространению представлений о преимуществах государственного строя советского образца.

В-третьих, движение Сопротивления представляло собой сложное социально-политическое явление, единое в своем неприятии фашистских оккупантов и приверженных Гитлеру режимов, а также в стремлении демократизировать вышедшее из войны общество. Сторонников возврата к довоенному "статус кво" было ничтожное меньшинство. И вместе с тем внутренняя неод-

народность и противоречивость движения Сопротивления были налицо, проявляясь в несогласии относительно форм, методов, темпов развития освободительной борьбы, программы будущего общественного устройства. Все это накладывало особый национальный колорит на освободительное движение каждой страны, диктовало своеобразные способы контактов и взаимоотношений участвовавших в Сопротивлении сил. Уделяя много внимания роли коммунистов в Сопротивлении, национальные историографии выли на рубежи его рассмотрения как явления чрезвычайно сложного по своей общественной структуре и многогранного в плане форм, темпов, программы антифашистской и антинацистской борьбы.

Наконец, движение Сопротивления сочетало в себе черты национальной и социальной борьбы. Соотношение этих факторов в разных странах, как уже говорилось, было неодинаковым, хотя везде в рассматриваемом регионе (кроме Греции) привело к установлению нового строя, именуемого в литературе народно-демократическим, где серьезные позиции занимали коммунисты. Роль и взаимодействие внутренних и внешних причин, приведших к глубоким общественным переменам в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на завершающем этапе войны изучены еще недостаточно.

Все эти общие подходы к изучению движения Сопротивления, выработанные в ходе развития национальных историографий и их взаимовлияний, сейчас общепризнанны и не подвергаются сомнению серьезными исследователями.

Несколько слов о связи с той задачей, которая выдвигается авторским коллективом как центральная в изучении антинацистской борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а именно: выявление места и роли отдельных социально-политических сил в Сопротивлении. В национальных историографиях сделаны где существенные, а где первые шаги в изучении всего спектра этих сил, начиная от рабочих и крестьян и кончая отдельными группами буржуазии и аристократии. Плодотворными являются попытки обозначить присущие Сопротивлению как общенациональные цели борьбы (восстановление националь-

ной независимости и демократизация общества в том или ином ее объеме), так и цели, отражавшие различные социальные и политические интересы участников движения, которые нередко не только не совпадали, но и были прямо противоположными.

Представляется, что национальные историографии рассматриваемых стран, уделяя по понятным причинам особое внимание роли и деятельности коммунистов в годы войны, все же сделали определенные шаги в деле показа Сопротивления как целостного, хотя и внутренне противоречивого социально-политического явления. В каждой из рассмотренных стран развитие историографии в этом направлении имело свои особенности и этапы, обусловленные конкретной внутриполитической обстановкой, степенью жесткости насаждения государственной идеологии, одним из важнейших постулатов которой являлся механически и примитивно толкуемый "классовый подход" к оценкам изучаемых явлений общественной жизни, непреодоленностью возникших еще в 50-е годы схем и догм, наличием подготовленных кадров, доступностью (или недоступностью) источников и т.д. Думается, что достаточно "раскованными" в этом плане были исследователи Польши, где всегда существовало несколько исторических школ, хотя возможности обнародования результатов их деятельности были ограничены и здесь, а также Чехословакии в 60-е годы, когда в изучении этих вопросов был сделан качественный "рывок" вперед, и Греции, где в исторической науке существовали разные направления. В историографии других стран эта тенденция также прослеживается более или менее отчетливо.

И хотя успехи в деле изучения движения Сопротивления как сложного социально-политического явления налицо, тем не менее предстоит еще сделать многое. В частности, пока мало серьезных работ, показывающих эволюцию социальной структуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы войны, изменения, происшедшие в составе отдельных классов и социальных групп, что важно с точки зрения раскрытия их позиций и настроений, изучения общественной психологии. Если говорить, например, о рабочем классе — а именно он рассматривается

большинством исследователей "марксистской школы" как наиболее активная антинацистская сила (инерция и догматизм были так велики, что этот тезис распространялся и усиленно доказывался даже в странах, где рабочий класс фактически отсутствовал или был очень слаб), — то нельзя не учитывать, что тогда его состав очень изменился по сравнению с довоенным временем, что он пополнился "новобранцами" из непролетарских слоев, прежде всего из крестьянства, затем ремесленников, чиновников, интеллигенции. Поэтому при характеристике позиций рабочего класса в антифашистской освободительной борьбе не следует сбрасывать со счетов фактор продолжительности периода профессиональной и социальной адаптации этих "новых" рабочих кадров.

Особенно убедительно и аргументированно в современных условиях недоверия и антипатии к коммунистам должна быть представлена роль коммунистических партий в движении Сопротивления. Во многих работах недавнего прошлого сам подход к освещению этого вопроса носил отпечаток схематизма, заданности, априорности. Завоевание коммунистами руководящей роли в Сопротивлении показывалось не как сложный процесс борьбы за гегемонию в нем между разными социально-политическими силами, а как нечто само собой разумеющееся, раз и навсегда данное с самого начала.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в своем большинстве (кроме Чешских земель) были крестьянскими по составу населения. В связи с этим весьма интересным, но недостаточно изученным представляется вопрос о социальной и политической дифференциации в рядах крестьянства, изменениях его настроений, формах участия в антинацистской борьбе. Здесь, пожалуй, наиболее преуспели польские историки.

Мало, а по некоторым странам и совершенно не исследованным является вопрос о политической ориентации и позициях интеллигенции в годы войны. Очевидно, что интеллигенция была представлена во всех имевшихся тогда политических направлениях, начиная от реакционных (фашистских и профашистских) и консервативных (буржуазно-либеральных) и кончая де-

мократическими и пролетарскими. Однако в вопросе о том, какое из этих течений было предпочтительнее для интеллигенции, в отдельных странах, каково было ее отношение к антифашистской борьбе, пока достаточной ясности нет.

Что касается позиций отдельных групп буржуазии в период войны, то их также, как это следует и из историографии (особенно интересны в этом плане дискуссии болгарских историков), необходимо видеть в динамике.

Представляется, что широко распространенное деление буржуазии, на фашистскую (или пронацистскую), коллаборационистскую и антифашистскую (или антинацистскую) не может рассматриваться как внутренне стабильное, так как в каждой из этих группировок в ходе войны и по мере развития освободительной борьбы происходили серьезные внутренние изменения. В лагере первых двух группировок по мере поражения стран фашистского блока на фронтах ускорила консолидация внутренних реакционных сил, с одной стороны, а с другой, наметился раскол, вызревали "алибиистские" настроения и усиливались колебания. Представители последних постепенно отказывались от поддержки фашистских или профашистских порядков и обращали свои взоры к союзникам по антигитлеровской коалиции прежде всего западным. В кругах буржуазии, не желавших связывать свою дальнейшую судьбу с гитлеровцами, обозначилось нефашистское и антифашистское крыло. Представляется, что в этих терминах есть определенное отличие. Нефашистское крыло — это правый фланг буржуазного движения Сопротивления, консерваторы, недовольные крайними — террористическими и расистскими методами правления нацистов и их пособников, ратовавшие прежде всего за национальное освобождение или прекращение сателлитных отношений с гитлеровской Германией и выступившие за возврат в основном к довоенным порядкам. Во имя сохранения своих позиций эти круги готовы были пойти на соглашение с силами фашистской реакции в борьбе против последовательных сторонников демократии. Антифашистское крыло — это либерально-демократические и революционно-демократические течения буржуазного Сопротивления, которые признавали

необходимость более или менее глубокого преобразования общественного строя, существовавшего до войны, и были готовы сотрудничать на условиях компромисса с леворадикальными силами в борьбе против нацизма и поддерживавших его режимов.

Современное состояние историографии Сопротивления свидетельствует, что в плане изучения роли отдельных социально-политических сил в движении еще много нерешенных задач. Исследователи, проделав немало полезной работы, одновременно приложили немало усилий, чтобы "отлакировать" историю Сопротивления, создать не одну легенду, вычеркнуть множество имен, обойти немало "деликатных" вопросов. Чтобы нарисовать адекватную картину антинацистской борьбы необходимы будут возврат к первоисточникам, отказ от точки зрения, согласно которой коммунисты всегда были правы, а другие участники Сопротивления постоянно ошибались или в силу своей классовой ограниченности не желали признавать их руководящую роль. Предстоит рассмотреть и всесторонне оценить тактику и программы некоммунистических организаций Сопротивления. Из всего этого следует, что у историков Сопротивления еще много работы, что существует немало вопросов, требующих дополнительного осмысления и корректировки, особенно в связи с новой ситуацией, сложившейся в настоящее время в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Вступление (Марьина В.В.)	3
Греческое движение Сопротивления в национальной историографии (Улунян Ар.А.)	22
Польская Республика: историография движения Сопротивления. 1939-1945 гг. (Парсаденова В.С.)	50
Чехословакия: движение Сопротивления в исто- риографии (Марьина В.В.)	71
Народно-освободительная война и революция 1941-1945 гг. в югославской историко- графии (Славин Г.М.)	108
Проблемы антифашистского движения Сопротивле- ния в болгарской историографии (Валева Е.Л.)	128
Историография венгерского антифашистского дви- жения Сопротивления (Желицки Б.И.)	159
Антифашистское движение Сопротивления в Румынии. Вопросы национальной историографии (Покивайлова Т.А.)	184
Заключение (Марьина В.В.)	208

